

ЛИТЕРАТУРНАЯ

10.335
1965/2

ГРУЗИЯ

3

1965

საქართველოს
ხალხთა ენობრივი
ეროვნული ბიბლიოთეკა

К. ГУРУЛИ

Девушка с арфой

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ Грузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Поэты. Тоскую по земле. Стихи. Перевод с грузинского Е. Николаевской	3
КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Дорогу осилит идущий. Повесть. Перевод с грузинского Эм. Фейгина	4
ШАЛВА АБХАИДЗЕ. Что за погода! Стихи. Перевод с грузинского Е. Николаевской	29
СЕРГО КЛДИАШВИЛИ. Одиночество. Перевод с грузинского К. Коринтели. Окончание	30
АННА КАЛАНДАДЗЕ. Двух миров — я граница... Стихи. Перевод с грузинского Е. Николаевской	53
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ. С особой целью мы... А осень — жужжала осами... Стихи	53
ВЕРА ШУБЛАДЗЕ. Грузия. Квишхети. Дни. Стихи. Перевод с грузинского Р. Казаковой	54
ЭЛИЗБАР МАЙСУРАДЗЕ. Последняя встреча. Рассказ. Перевод с грузинского Н. Микава	55
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ. С горы та пристань кажется близка... Да здравствует идадьго Дон-Кихот... Стихи. Перевод с грузинского В. Приходько	61

ОЧЕРКИ

СИМОН КИНЦУРАШВИЛИ. На острове Свободы	62
См. на обороте.	

77.055

3

МАРТ

1965

КРИТИКА

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. Встреча с Руставели 74
АЛЕКСАНДР БАРАМИДЗЕ. Марр как руствелолог 77
АНАТОЛИЙ ВОЛКОВ. Критик — коммунист 82

ИСКУССТВО

ЭТЕРИ ГУГУШВИЛИ. Тамара Чавчавадзе 84
ЛЕОНИД ВОЛЫНСКИЙ. Размышления на выставке 90

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ЯКОВ БЕРИДЗЕ. Беседы на грузинском языке 94

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИЦ,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, 7. Улица Ленина, 5, телефон 3-44-08

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

ПОЭТЫ

Соперничество вечно!.. Без шуток
Люблю его я: споры, жажду славы...
Одни стихи — не вытянут и суток,
Другие — в новый век войдут по праву.

Люблю я муки творчества и ропот—
Пусть здравствуют соперники — поэты!
Одни предпочитают шум и грохот,
Другие фейерверк, огни, ракеты!

Стихи, в чем ваше назначение в мире?
Вы — не лоскут: повязка при раненье!..
Одни как бы плывут из горла ствири,¹
Другие держат на оркестр равнение.

Есть янычары. Есть и краснобай,
Что на бумаге мигом расплывутся.
Есть камни — чем мостится мостовая,
Есть камни — что стать памятником
рвутся...

Как у Важа Пшавела на могиле
Не могут козы обглодать все травы,
Так — у кого из нас достанет силы
Мечтой о лаврах овладеть по праву?..

Я ненависть люблю к старью и хламу.
Пусть и меня порой опережают
Другие, что с горячностью упрямой
В стихах судьбу поэзии решают...

Я всех люблю вас,
кто слагает песни, —
Обрушивает слезы и чернила!
И верю я, что всех сведет нас вместе
У алтаря — любовь к отчизне милой.

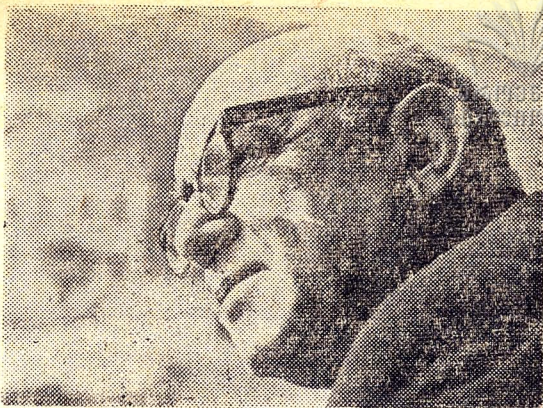
ТОСКУЮ ПО ЗЕМЛЕ

Я ручья возглаждал в самолете,
Чащи леса — около звезды...
Захотелось мне (и вы поймете!)
Услыхать, как шелкают дрозды...

Но не мог найти сердцебиенья
Я в металле, что летел, рыча:
Был порыв в нем, быстрота, боренье —
Я ж возглаждал леса и ручья.

Перевод с грузинского Е. Николаевской

¹ С т в и р и — грузинский народный музыкальный инструмент.

Выдающийся грузинский писатель Константин Лордкипанидзе как художник формировался одновременно с ростом и развитием Советской Грузии и ее литературы. Это и определило во многом основное направление и пафос творчества Константина Лордкипанидзе.

С 1924 года, когда в комсомольской газете «Спартак» впервые было напечатано его стихотворение, и по сей день писатель верен раз и навсегда выбранному пути — твердо стоя на позициях социалистического реализма, он создает произведения, отображающие общие, закономерные для нашей действительности процессы на различных этапах ее развития, но преломленные сквозь призму национальной специфики, психологии и характеров своих героев.

Классически спокойная, ясная и уверенная, но в то же время глубоко лиричная манера письма К. Лордкипанидзе отнюдь не входит в противоречие с большим разнообразием его творчества. Он — автор и такого крупного многопланового социально-бытового произведения, как роман «Заря Колхиды», который стал достоянием не только всей многонациональной советской литературы, но и зарубежного читателя, и рассказов («Горийская повесть», «Майское утро», цикл белорусских рассказов «Бессмертие», «Цабуня» и др.), и повести («Клинок без ржавчины», разрабатывающей тему героизма советских людей в годы Великой Отечественной войны); и фронтовых очерков, заметок из записной книжки писателя («Они спустились с гор»), и киносценариев («Тень на дороге», «Прерванная песня»).

Сейчас писатель завершил работу над романом «Волшебный камень», первые две книги которого уже изданы на грузинском языке.

Константину Лордкипанидзе исполнилось 60 лет. Но эта цифра никак не вяжется со всем его обликом, со всем духом его творчества. Энергичный, деятельный и неуспокоенный, он всегда будет тем идущим вперед, который неизменно осиливает дорогу.

Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Дорогу осилит идущий

ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского Эм. Фейгина

Глава первая

— Почему стоим, что там случилось? — спросил я.

— Какой-то пьяница не покормил в дорогу лошадь. И вот, видишь... — сказал Захарий.

Я привстал на стременах и поглядел туда, куда Захарий указал плеткой, но за высокими выюками ничего не увидел. Зато сразу услышал звуки, в происхождении которых ни один крестьянский сын не ошибется. Где-то впереди, почти в середине каравана, чья-то голодная лошадь

рвет пожухлую сухую траву, растущую пучками в расщелинах скал, на крутых, почти отвесных склонах горы, притом рвет с корнями, отряхивая с них землю и мелкие камушки.

Жует она эту невкусную, мертвую траву с таким жадным хрустом, словно молодой клевер Алазанской долины.

Вытянув шею, она срыгает траву с самой, казалось бы, недоступной для нее высоты и не делает шага, пока не достанет ее. Этим она задерживает идущий позади нее караван лошадей и осликов, груженных солью, вяленой рыбой, мукой и прочим запасом на долгую горную зиму. Каменистая тропа взвивается круто по поре, местами она такая узкая, что двум вьючным лошадям не разъехаться, не обогнать друг друга. А стоять и толкаться здесь, над бездонными пропастями Мелехского перевала, по меньшей мере не умно. Над самой тропой навис огромный снежный козырек. Ночью на привале говорили, что наверху выпал снег, он еще рыхлый, не скованный морозом. И стоит даже птице задеть его крылом, а не то что здешнему буйному ветру, — он рухнет вниз. А что это значит, тут можно увидеть на каждом шагу — черные следы обвалов избороздили склоны гор от самых вершин до дна ущелий. Жалко смотреть на поваленные леса, иное столетнее дерево до того скручено лавиной, что в нем, как говорится, и жилки живой не осталось.

Недаром Тушетию называют краем обвалов.

Бывает, что в течение всего лета обвалы следуют один за другим и надолго стрезают горные деревни от всего мира.

Да и сами эти заоблачные деревни разделены глубокими пропастями и ущельями. Смотришь на соседнюю деревушку и кажется, до нее рукой подать. Голос твой услышит вон та, сидящая у прялки женщина. Но попробуй, доберись туда, к своим соседям.

Трудней всего приходится влюбленным, когда они из разных деревень. Если назначил свидание девушке на вечер, то сам выходи на это свидание до утренних петухов. Иначе не дождетя тебя любимая.

С утра до вечера будет тебя водить и водить узкая каменистая тропа, вниз и вверх, вниз и вверх по отвесным склонам, петляя и извиваясь так, словно богу нечего было делать кроме того, как вконец запутать здешние пути-дорожки.

Иногда тропа ныряет на дно ущелья, и путник некоторое время идет бок о бок с бешеной, будто сорвавшейся с цепи, рекой. И если тут встретишь кого-нибудь, даже близкого приятеля, не пытайся заговорить с ним, все равно вы друг друга не услышите, такой грохот от воды стоит в ущелье. Кивни приятелю головой и иди своим путем. Это место не для душевной беседы.

Захарий спешился и пошел искать иерадивого хозяина.

Пригнувшись, он пробирается под вьюками, под шеями уставших лошадей, и можно позавидовать тому, как легко и словно небрежно идет он у самого края обрыва.

— Чья это дохлая лошадь? — кричит кто-то позади меня.

— Давайте сбросим ее в пропасть! Потом найдется хозяин, — отвечает ему кто-то молодым, озорным голосом.

— А это дело, — раздраженно соглашается Захарий.

Погонщики громко смеются, перебрасываются шутками и как будто на самом деле непрочь освободить таким манером дорогу.

Наверху возникает какой-то шорох.

Захарий нагибается и прячет голову под брюхом лошади. И вовремя. Едва-едва не задев за луку седла, над тропой проносится камушек.

— Чья лошадь? — окончательно потеряв терпение, кричит Захарий.

Хозяин не откликается, но Захарий все же нашел его в этой тесноте и суতোлке. Нечесанный, небритый, откинув набок голову и упираясь носками ног в землю, он сидел на ослике и непробудно спал. В зубах он держал длинную тонкоствольную трубку. Он дышал с таким шумом, словно в груди у него не легкие, а кузнечные мехи, и при каждом вдохе и выдохе его трубка стремительно взлетала вверх и так же стремительно опускалась.

Но самым удивительным было то, что ослик тоже спал. Низко опустив голову, он только время от времени переступал во сне с ноги на ногу. Как-никак, на его спине восседал спящий мужчина-великан, а спящий человек вдвое тяжелее неспящего.

Захарий крепко стукнул погонщика по спине. Тот перестал сопеть, затем открыл заплавленные глаза. Трубка сразу выпала изо рта. Не оглянувшись на Захария и не слезая с ослика, он прежде всего поднял трубку, заткнул ее за пояс, потом не спеша провел ладонью по лицу. Лицо у него было опухшее, цвета спелой моркови с темно-синими набухшими прожилками на щеках и висках.

Захарий все это переждал, потом сказал:

— Ты что, парень, у тебя жены нет?

— Нет, — безучастно ответил погонщик.

— Потому и не бережешь свою дурацкую башку. Некого вдовой оставлять, — не повышая голоса, сказал Захарий. И вдруг на глаза ему попались каламани погонщика. Кожаные шнурки на них были перекручены, со множеством узлов, на задниках из каламани торчали клочки сена. А ведь тушинцы славятся изяществом своей самодельной обуви.

Душа старого горца не выдержала.

— Сейчас же возьми свою дохлую лошадь под уздцы. Не то...

— Иду, чего кричишь, — сказал погонщик. Он не слез с ослика, как это обычно делают люди, а хлопнув его по крупу, пропустил между своих ног.

Захарий рассмеялся.

— Ну и клоун! Пока не женился, поступай в цирк, парень.

У старой башни святого Георгия начинается самый трудный подъем, и Алазани надолго скрывается с глаз.

Невидимая река лишь у крутых перепадов оглушает тебя гулом воды — кажется, будто где-то рядом из туннеля вырвался скорый поезд.

— Сойду-ка я лучше с лошади, — натянув поводья, сказал я Захарию.

— Чего это ты?

Я показал ему на левое стремя — тропа стала такой узкой, что оно повисло над обрывом.

Захарий покачал головой.

— Сиди. Когда в седле человек, наша лошадь не споткнется. Она тогда тверже ступает.

Мой спутник — ширакский колхозник Захарий Надибаидзе, невысокий плотный человек, коричневый от загара, без единого седого волоса, несмотря на свои шестьдесят лет, с глазами, воспаленными от горячих степных ветров.

С первого взгляда Захарий казался человеком грузным, медлительным. Но достаточно было увидеть, как он легко садился на коня, чтобы сразу изменить о нем представление.

Прошлую ночь Захарий не спал и сейчас его клонило ко сну. В седле он сидел нетвердо, и лошадь чувствовала это. Когда всадника кидало в сторону, она сразу останавливалась. Захарий вздрагивал и, очнувшись, ласково похлопывал лошадь по шее.

Скоро полдень, стало как будто теплее, но липкий туман увязался за нами с утра и никак теперь не отвяжется. В редких просветах, только успеешь повернуть голову, увидишь в расщелинах многолетний затвердевший как камень снег и следы недавних обвалов на лесистых склонах. Туман скользит не слышно, закрывая просветы, и снова вокруг ничего не видно, кроме нашей узкой тропы, но нередко и она исчезает в этой насквозь мокрой вате, и тогда мы сходим с лошадей. Я закуриваю и говорю Захарью:

— Захарий, друг мой, скажи мне, ну что я потерял здесь... Шутка ли, пять дней и ночей обдираю шкуру свою об эти камни.

А Захарий мне говорит:

— А ты, оказывается, смотреть не умеешь.

— Как не умею?!

— А вот так, — уклонился Захарий от прямого ответа.

— Раз начал, давай говори, — обиделся я.

— Помнишь человека у водопада? В белой бурке? Он тебя, кажется, удивил, ты его даже бездельником назвал. Помнишь?

Я вспомнил: меня и вправду удивил тот человек. Пока мы умывались, завтракали, седлали коней, он все стоял на одном месте и, задрав голову, смотрел в небо. Что он там высматривал? Может, орла увидел на скале, или тура, а, может, еще что-нибудь. Я достал из чехла бинокль, но сколько ни вертел головой, ровным счетом ничего не увидел, кроме голых скал и снежных вершин.

— Ну и что ж, конечно, бездельник, — сказал я. — Не понимаю, что он там нашел.

Захарий усмехнулся.

— Вот такие бездельники и умеют смотреть. И красоту находят там, где другие ничего не видят.

— Ему некуда спешить, тому человеку, — огрызнулся я. — Наше время не для созерцателей, дорогой Захарий.

Захарий вздохнул.

— Жалко мне тебя, парень.

Я тоже вздохнул. Жалей не жалей, а я ничего не могу с собой поделать. Эта дикая, нетронутая рукой человека природа, эти гигантские камни, рассыпанные как попало, неприступные скалистые вершины, темные пропасти на каждом шагу — не доставляли мне сейчас никакой радости. Я не мог ими любоваться потому, что все вокруг было беспорядочно, мрачно, безжалостно и вносило в мою душу какую-то ненужную тревогу и сумятицу. Честно говоря, километр хорошо укатанной гудронированной дороги с шуршащими на ней автомобильными шинами доставил бы мне теперь больше удовольствия.

...Я понял, что Захарий не хочет продолжать этот разговор. Прислонившись спиной к мокрому камню, он, казалось, дремал, но я знал, что Захарий сейчас напряженно прислушивается к тому, что делается наверху, в тумане. Там, наверное, уже начался дождь. Вода может подмыть и сдвинуть с места какой-нибудь маленький камень, он покатится по склону... и сколько раз уже видел Захарий, как страшный камнепад начинался вот с такого, величиной с куриное яйцо, камушка. А тропа узкая, податься тут некуда, и нередко бывало, что целое стадо сбрасывало в пропасть.

Долго задерживаться здесь на одном месте не следует, но что по-

делаешь — мы в плену у тумана. Он пахнет почками клена, весна поздняя, они только начали распускаться. Тут на покатых склонах растет кавказский клен. Это настоящий великан. Верхушки деревьев так высоко поднялись в небо, что если смотреть снизу, кажется, будто они выше гор. Опушки лесов густо заросли рододендронами.

Туман осел в ущелье, из-за облаков показалось солнце, и снова обнажились зубчатые угрюмые скалы.

На скалах стоят высокие башни. Они очень древние, но будут стоять еще долго, потому что строили их великие умельцы.

Эти башни сухой кладки, никаких следов известкового раствора или глины тут не обнаружишь, огромные плиты пригнаны друг к другу с таким удивительным расчетом, что время ничего не может с ними поделаться. Стены башен густо поросли мхом, они обвиты темно-зеленым плющом, из бойниц овеиваются ветви дикого кизила.

Мы сели на отдохнувших коней и быстро поехали к перевалу. Тропа расширилась. Проехав немного, мы слышали один за другим несколько взрывов. Из-за горы к небу взметнулась черная туча дыма и пыли. Не говоря ни слова, Захарий пришпорил коня, и скоро мы оказались на большом каменистом плато. То, что мы здесь увидели, настолько поразило моего спутника, что он, соскочив с лошади, не сумел сразу выпростать носок из стремени и смешно запрыгал на одной ноге.

А я тогда не понял, чему он так удивился. Происходило самое обычное дело: крестьяне прокладывали дорогу. Они взорвали большую скалу и сейчас расчищали завалы. Странно только, что они вели дорогу не снизу, с долины, как это положено по инженерным правилам, а сверху, с перевала. Наверное, поэтому они были вооружены только тем, что нашлось у них в хозяйстве: ломачами, кирками, топорами, да и еще динамитными шашками, доставить которые снизу, конечно, легче, чем громоздкие дорожные машины.

Осторожно обезьяная поваленные деревья и огромные каменные глыбы, загроздившие дорогу, мы пробрались к журчавшему под скалой источнику. Дали напиться лошадям, напились сами, и тут моего спутника кто-то окликнул по имени.

Захарий обернулся.

У обрыва, с топором в руках, над большим только что сваленным деревом стоял высокий, слегка сутуловатый, седоусый горец.

Видимо, Захарий не сразу узнал его, потому что тот смущенно сказал:

— Это я, Закро.

— Цоги? — неуверенно спросил Захарий.

Они очень сдержанно, молча пожали друг другу руки, хотя по всему было видно, что оба рады встрече.

Пожав руки, они чуть-чуть отступили назад и молча начали свертывать сигарки.

— Давно мы не виделись, Цоги, — сказал Захарий.

— Давно.

— Ну, как ты?

— Да так.

— Что вы тут затеяли?

— Да вот, дорогу прокладываем.

— И ты?

— И я.

— Никак не думал, что тебя здесь встречу.

— А я не один... Все наши здесь, они там за перевалом туннель пробивают.

— Чудеса, — пробормотал Захарий. — Значит, Алазани в гору потекла.

— В гору, — подтвердил Цоги.

Меня поразили глаза Цоги. Видимо, вдоволь всего хлебнул человек на своем веку. Глаза у него были уж очень какие-то спокойные, но не тем естественным спокойствием, что приходит от удавшейся жизни, а какие-то перегоревшие, что ли. В них было спокойствие пепла.

Они отошли в сторону и о чем-то тихо беседовали. Но тут подбежал паренек с красным флажком и велел нам поскорее ехать, пока там, наверху, подрывники не перекрыли дорогу.

Захарий и Цоги похлопали друг друга по плечу, и мы сели на лошадей.

Проехали мы немного. Лошади теперь с трудом карабкались по круче и, как мы ни подтягивали подпруги, седла все время сползали назад. Мы спешили и повели лошадей на поводу к закрытому облаками перевалу. И тут я впервые в своей жизни увидел, как из-под синего, слежавшегося прошлогоднего снега бесшумно выбегают прозрачные, новорожденные ручьи.

Мы встретили еще одного ларенька с красным флажком.

— Ну вот и вышли из-под обстрела, — сказал Захарий. — Теперь можно пообедать.

Мы развели костер из веток рододендрона. Этот стелющийся по земле кустарник — незаменимое топливо для альпийских пастухов. Не к чести других деревьев, даже сырой рододендрон быстро разгорается, и пастух в любую погоду может приготовить себе горячую пищу.

Вскоре в нашем котелке забулькала вода, и Захарий стал ворожить над ним, обещая сварить такие хинкалы, какие тбилисцам и не приснятся.

— Послушай, Захарий, кто этот Цоги? — спросил я.

— Мой родич, из дальних.

— А почему тебя так удивило, что они дорогу строят?

— Эх, это долго рассказывать... Да и ни к чему старое ворошить.

— А я не могу забыть глаза Цоги, — сказал я.

— Да, повидали они, — вздохнул Захарий и снова надолго умолк.

— Не очень разговорчивый у меня проводник, — не вытерпел я.

— А я в рассказчики не нанимался, — сказал Захарий. — Но, пожалуй, тебе нужно это знать. Ты к этим людям с добром идешь.

Захарий принял самое горячее участие в моей поездке в горы. И вообще я его не нанимал, он добровольно вызвался быть моим проводником, узнав, что мне поручено проложить телефонную линию в далекую Тушетю.

Печальная повесть о гибели маленькой горной деревни Орбели глубоко запала в мою душу.

Глава вторая

— Ради бога, выйдем скорей на воздух... я сейчас упаду, — шепнула Шуко своей подруге и еще раз попыталась застегнуть большой серебряный браслет на правой руке. Замок его раскрылся, когда они с Майей пробирались к хорам. Шуко боялась потерять браслет, подарок покойной матери, и крепко прижимала руку к груди — в такой тесноте, да еще с таким хитрым замком никак не сладишь.

— А ты продвись немного и падай вон тому парню на руки. Посмотри, какой красавец, — сказала Майя, показывая глазами на молодого чеченца в белой черкеске. Но Шуко даже бровью не повела, хотя

бя, чтобы человек становился таким до смешного жалким, — и юная язычница не удержалась от смеха.

Майя испуганно зашикала на нее.

— Перестань! Тебя разорвут на куски.

Шуко приподняла подол длинного платья и попыталась как-то обойти лежащих на пороге людей, но толпа нажала на нее, и девушку словно пушинку внесли в церковь.

А сейчас ей было не до смеха. Все больше кружилась голова, к горлу подкатывалась тошнота, но она, пересилив себя, поднялась еще на несколько ступенек и только отсюда увидела своих односельчан. Они стояли тесной кучкой у большой колонны. Все молодые стригали из артели Антая были здесь, только Цоги почему-то отсутствовал. И это очень огорчило девушку.

— Уйдем отсюда. — Шуко потянула подругу за рукав. Она уже не могла слышать мычания дьякона, ей казалось, будто из его широко открытого зева извергается раскаленный смрадный воздух.

— Ты, ей-богу, влюблена. Скажешь нет? Не поверю. Столько красавцев вокруг, а ты ни на кого не смотришь. Ладно, ладно, пойдем.

Выйти из церкви оказалось еще трудней. Но сильная, крепко сбитая Майя не слишком церемонилась — боком, выставив вперед локоть, она пошла напролом, прокладывая Шуко дорогу. Майя была всего на год старше Шуко, но она в прошлом году уже побывала на Алавердском храмовом празднике и потому взяла на себя все заботы о подруге. Рядом с тонкой и стройной, как веретено, Шуко, Майя казалась совсем уже взрослой, самостоятельной женщиной.

Легче всего им было протиснуться через ряды богатых татарок. Одетые в разноцветные атласные шальвары, с поясами из серебряных и золотых монет, они потеснились, насколько это было возможно, уступая дорогу двум молодым красивым горянкам.

Майю не удивляло присутствие в христианской церкви татарок — в Алавердском храме сегодня можно было увидеть рядом с православными грузинами людей самых разных племен и вероисповеданий: магометан, католиков, григорианцев, штундистов, молокан, духоборов, лютеран, и все они мирно молились в этом храме, каждый своему богу.

— Я думала, что умру! Боже, что там делается, — сказала Шуко, когда они наконец выбрались из церкви. Она застегнула браслет, пригладила рукой смятое платье.

Шуко была в новой параге, с нагрудниками из зеленого бархата, отороченного золотой тесьмой. На зеленом бархате тускло поблескивало тяжелое ожерелье из старинного серебра и большая «варшавская» бабочка. Поверх параги девушка надела нарядную накидку — катиби, расшитую вдоль и поперек цветными шелковыми нитками.

Только по серебряным украшениям можно было узнать, что Шуко — девушка из зажиточной семьи, в остальном тушинские женщины одеваются одинаково — по всей горной Тушетии одежду шили из домотканой шерсти, на один и тот же образец.

— Тут мы не пройдем, — сказала Майя, — видишь, как сбились у ворот. Иди за мной, я знаю другой ход.

Девушки прошли мимо каких-то старых женщин с изможденными желтыми лицами, которые на коленях с самого утра ползали вокруг собора и опоясывали его цветными нитками.

В глухом закоулке церковного двора Майя быстро нашла старую, полуобрушенную потайную лестницу, по которой девушки поднялись на высокую стену. Отсюда, как на ладони, была видна вся эта шумная,

пестрая, разлившаяся, как Алазани в половодье, праздничная ярмарка.

— Господи, со всего мира, что ли, съехались, — воскликнула Майя. — В прошлом году дальше той речушки не ставили шалаши, а сейчас, смотри, до самых гор добрались.

— А где здесь лошадей продают? — спросила Шуко.

— Вот видишь над полем пыль стоит. Это наши тушины скачут... А ты зачем спрашиваешь? — вдруг удивилась Майя. — Что ты сегодня какая-то другая.

— Никакая ни другая, — смущенно улыбнулась Шуко.

Они шли по узкому гребню стены, местами под ногами девушек колебалась расшатанная кирпичная кладка, и Майя взяла Шуко за руку. А внизу, наполняя сердце Шуко смутной тревогой, клочкотало и бурлило необозримое Алавердское поле.

Глава третья

Майю неспроста удивило многолюдье нынешней Алавердской ярмарки. В этом году она действительно была несколько необычной: впервые после событий девятьсот пятого года власти разрешили такое большое скопление людей. К тому же год выдался урожайный, да и погода стояла солнечная, дороги и тропы не были размыты дождями, и свыше тридцати тысяч человек со всех концов Закавказья съехались на Алавердскую ярмарку.

Мне не довелось бывать до революции на этом храмовом празднике. Но в сундуке Захария Надибаидзе хранятся пожелтевшие, местами бережно склеенные газеты тех времен, которыми я воспользовался, когда писал эту повесть.

Вот как обрисовал сотрудник тифлисской газеты «Дрозба» ярмарку, на которой побывала юная Шуко Абашидзе.

«Алавердский собор в Телавском уезде, расположенный в живописной Алазанской долине, ежегодно, 14 сентября, в день воздвижения креста господня справляет свой храмовой праздник. Тогда же начинается большая ярмарка, продолжающаяся десять дней.

Накануне праздника даже на самых заброшенных дорогах Кахетии можно было видеть множество конных и пеших, арбы, крытые паласами, караваны выючных животных, разные фаэтоны, повозки, княжеские кареты, дилижансы — и все они спешат к Алавердскому собору.

Богомольцы располагаются за оградой собора. Женщины устраиваются в арбах с ковровыми навесами, мужчины внизу под арбами жарят шашлыки, пьют молодое вино. Многие строят шалаши, ставят палатки, а иные располагаются под открытым небом.

Сюда приезжают торговцы из Тифлиса, Телава, Сигнаха, Гори, они строят временные лавки и духаны и торгуют всяким товаром — скобяным, бакалейным, фабричным ситцем, солью, рыбой, кожанеными изделиями, а горцы сбывают свои кустарные изделия, кистины — бурки, сафьян и сукно, лезгины — сбрую, медную кованую посуду, даргинцы из аула Кубачи — кинжалы и шашки с золотой насечкой по серебру, тушины — войлочные шапки, орбельские умельцы — изделия из дерева, украшенные резьбой, пшавы — паласы и ковры.

Тут можно купить у татар племенной рогатый скот, овец, лошадей, у тушинцев — знаменитый сыр, масло и шерсть.

Словом, идет бойкая торговля оптом и в розницу, меновая и на деньги. За чеснок и лук грузин получал от кистина шерсть, сыр, масло, арбуз менялся на глиняный

жувшин, и глиняная чашка на груши, на местный шелк продавалась чайная посуда, ситец, рыба, соль.

Невозможно окинуть глазом широкую картину алавердского праздника. Для этого надо было бы подняться на воздушном шаре.

Хаотическая пестрота — характерная черта алавердской ярмарки. Беспорядочно разбросанные группы людей в разноцветных восточных костюмах, задранные кверху оглобли арб и повозок, шалаши из дубовых веток... Вот множество баранов, не подозревающих, что они сегодня же будут превращены в шашлык. Бесперывно попадают лужи бараньей крови, с зарезанных животных тут же сдирают кожу и вместе с четвертью мяса, по обычаю, отдают местному духовенству.

В грязной, почти пересохшей речушке благодушествуют буйволы. Этим солидным животным пришлось ночью галопировать, чтобы скорее привезти из города разодетых барынь и барышень.

Каждую ночь жгут костры, звенит зурна, вопит шарманка, много пляшут и поют, а еще больше пьют.

В этом году на ярмарке было множество развлечений и различных состязаний. В праздничной толпе можно было видеть густо намазанные лица клоунов, китайских фокусников, дагестанских канатоходцев. А вот между арбами разостлан грязный ковер, и на нем дети-акробаты (две девочки и очень худой мальчик) под звуки шарманки показывают чудеса гибкости и ловкости.

Из привозных развлечений были еще карусели, кривые зеркала, петрушки, балаган с манекенами. Понаехало множество гадалок и хиромантов. Но особенное удовольствие публике доставляли проведенные по здешнему обычаю скачки и борьба. Много было горцев, фехтовальщиков на саблях, им выделили арену у церковной ограды, но как только разгорались страсти и на лицах борцов показывалась кровь, вмешивалась полиция и тут же прекращала поединки.

Но главным козырем ярмарки все же была грузинская борьба. Она происходила на довольно большой круглой арене импровизированного цирка. Стены его были живые — тесно сомкнувшиеся люди, а купол — синее жаркое небо. Для богатых горожан и кушцов были устроены навесы из дубовых веток, для местных аристократов — палатка, убранная коврами. В этой, так сказать, ложе бельэтажа грузинские каягини и княжны в ожидании зрелища пили чай и кушали печенье.

Арену пробовали было огораживать веревкой, но при первом же напоре зрителей веревка разрывалась. С публики собирали деньги на череску для победителя. По кругу ходили молодые люди в красных архалуках, у одних в руках были нагайки, у других гибкие кизилевые палки, время от времени они заставляли толпу отступать, потрясая своим оружием. Деньги на череску собраны. Ударили в барабан, на арену выскочили борцы в коротких холщевых безрукавках — тушин среднего роста, с волосатой грудью, с худощавым лицом, да и весь он был худой как тес, но такой гибкий, что когда, присев на корточки, натер руки песком, а затем выпрямился, то показалось, будто это сжалась и выпрямилась пружина. Другой борец — татарин, был такого же роста, только более плотный, и его коричневое тело удивительно блестело. Оказалось, что он намазался курдючным жиром. Это было против правил, и к нему тотчас же подошел молодой человек с полотенцем и начисто вытер его туловище.

Распорядитель поднял руку, и борцы, низко пригнувшись к земле, немного покругжились по арене. Вдруг тушин бросился на соперника, и прежде чем мы успели разглядеть, что происходит, знойный полдневный воздух, насыщенный пропитанным заихом молодого вина, жареного мяса, маринованного чеснока и конского навоза огласился диким воплем публики. Повергнутый на землю татарин быстро исчез в шалаше, а победитель, дрожа как в лихорадке от страшного возбуждения, начал плясать лезгинку. Ему хлопали в ладоши, поднесли рог с вином, подарили пояс, украшенный серебром, и кричали: «Молодец! Bravo!», а женщины бросали персики и яблоки. Тем временем в схватке готовилась вторая пара борцов.

Буфеты городских рестораторов были полупусты, потому что горожан радужно приглашали крестьяне, приехавшие на праздник со своими припасами и вином.

В центре ярмарки, в большой казенной палатке помещался пристав со своей канцелярией. Почти каждые полчаса стражники приводили сюда мелких воришек. Если пристав почему-либо не было в палатке, стражники тут же без промедления избивали для острастки воришек и отпускали на свободу. Никто из стражников не хотел их караулить и терять золотое время — тут на каждом шагу для них была даровая выпивка и закуска.

Впечатлений было много, но одно особенно запомнилось нам.

На поле, где происходили скачки, один тушин встретил своего кровника и тут же решил убить его. На всем скаку он выстрелил в него из ружья, но промахнулся. Вечером тушину сказали, что кровник его сидит в духане и смеется над ним. А тушин на это сказал:

— Я же стрелял в него. Он уже мертв для меня! А мертвый пусть себе смеется сколько хочет.

Андрей Фиалковский»

1907 г.

Глава четвертая

Церковная ограда осталась позади. Девушки подошли к неглубокой канаве, наполненной грязной застоявшейся водой. За канавой стояло несколько шалашей, но возле них никого не было видно. Недолго раздумывая, Майя подобрала выше колен длинную узкую юбку, разбежалась и, взвизгнув, перепрыгнула через канаву. Шуко хотела сделать то же самое, но не добежала до канавы. Из шалаша вышел какой-то рыжий парень с заспанным лицом.

— Кого тут режут? — спросил он и уставился на Шуко чаглаватыми глазами.

Шуко поспешно опустила платье и смущенно потупилась.

— Прыгай, девушка, прыгай, — сказал рыжий, протягивая ей руку.

— Ты сначала уйди, тогда она прыгнет, — сказала Майя.

— Нет, красавицы мои, куда я от вас уйду.

— Тогда стой, пока в землю не вращешь, — рассердилась Майя.

— А зачем мне стоять? Я лучше сяду, мне спешить некуда, — сказал рыжий и уселся на узкую доску, которая, видимо, заменяла владельцу шалаша скамью. Доску покрывал потертый кусок паласа, под нее были подставлены камни.

— А мы спешим, — сказала Майя, и не успел парень опомниться, как она выдернула из-под него доску. Рыжий хлопнулся на землю, а Майя, заливаясь смехом, мигом перекинула доску через канаву и провела по шаткому мостику свою оробевшую подругу.

— Да, таких не зарежут, — сказал парень, подымаясь с земли и провожая восхищенным взглядом убегающих девушек.

Они остановились, чтобы перевести дыхание. Шуко сняла башмак, вытряхнула из него песок.

— Ох, Майя, разве можно так с парнями шутить. Вдруг он за нами погонится.

— Он рыжий... Они все добрые, — сказала Майя.

— Смотри, встретишь не рыжего... оторвет тебе голову.

Где-то недалеко от них ударили в колокол. Майя оживилась.

— Пойдем скорее, я тебя что-то покажу.

— Опять в церковь?

— Да нет, какая это церковь... Посмотришь, с ума сойдешь.

Они быстро пробежали притихшие к полудню торговые ряды и очутились перед большой четырехугольной палаткой из потемневшего во многих местах залатанного и заштопанного корабельного брезента.

У входа в палатку женщина звонила в колокол, подвешенный на старой ободранной ольхе. Женщина была немолодая, вся какая-то черная, словно обугленная, кожа на лице у нее была тонкая, пересохшая, как осенний лист, а глаза очень усталые и печальные. Она была одета в длинное черное платье, украшенное блестками, гребень на ее голове тоже сверкал множеством поддельных камней. Тут же за маленьким столиком сидел толстый обрюзгший мужчина с красной феской на плешистой голове и надорванным голосом зазывал в балаган привлеченных колокольным звоном горцев.

— Почтенная публика! Дамы и господа! Спешите посмотреть музеем восковых фигур магистра изящных искусств Мишеля Карамяна, основанный в Париже в конце прошлого века. Наш паноптикум блестяще демонстрировался во всех европейских столицах. Его с удовольствием смотрели коронованные особы, принцы и принцессы... Входите, входите, барышни, сеанс только начался, — вдруг обратился он к Майе и Шуко, раскланиваясь перед ними с удивительной для его комплекции легкостью.

Майя положила на стол два медных пятака и получила билеты.

Подруги вошли в просторную палатку и остановились у толстого каната, который отделял публику от невысоких подмостков. Зрителей было немного, человек тридцать—сорок, но стоящий на подмостках высокий мужчина в черном фраке и с какой-то серебряной звездой на груди говорил так громко и с таким воодушевлением, будто перед ним была тысячная толпа.

— ...А сейчас, господа, я покажу вам императора французов Наполеона Бонапарта. — Магистр Мишель Карамян раздвинул ситцевую занавеску, и Шуко увидела какого-то невысокого полного человека, в старинной шляпе, со скрещенными на груди руками. В первое мгновение Шуко показалось, что он живой и сейчас покажет какой-нибудь фокус. Потом она увидела, как большая оса, покружившись над головой Наполеона, села ему на щеку, но император рукой не двинул, не шелхнулся. «Кукла», — подумала Шуко и как-то сразу потеряла всякий интерес к императору французов.

«Может, хозяин его не отпустил, — вернулась она к своей тревоге. — Но Цоги так рвался на ярмарку. Спросить Майю... может, она знает. — Шуко посмотрела на подругу и вдруг решила: — Ни за что не спрошу. Стыд-то какой, совсем гордость свою потеряла, за парнем бегаю».

— Правда, интересно? — спросила Майя.

— Да-а, — рассеянно ответила Шуко.

А тем временем магистр Карамян продолжал свой рассказ:

— ...Очень англичане не любили Наполеона, но боялись его. И вот однажды сказал ему король английский: «Зачем нам понапрасну проливать кровь своих подданных. Давай мы с тобой по-хорошему поделим мир». «Согласен, — отвечает Наполеон, — поделим». Тогда английский король повертел глобус и говорит: «Тебе вся суша, мне вся вода». «Ах ты, коварный англичанин, — рассердился Наполеон, — обмануть меня вздумал, будто я не знаю, что воды на земле в три раза больше, чем суши...».

Шуко фыркнула в ладошку.

— Что тут смешного? — удивилась Майя.

— Да разве на свете воды больше, чем земли?

— А ты думаешь, на нашей Алазани мир кончается?

Потом Мишель Карамян показал публике восковую фигуру Шамиля, но на подружек манекен дагестанского имама не произвел большого впечатления. Они посмотрели на него, как на знакомого старичка из соседней деревни. Они с детства слышали про Шамиля, видели раскрашенные картинки с его изображением и сами могли немало рассказать о нем ученому магистру Карамяну. Но когда хозяин балагана отдернул третью занавеску и показал молодую полуобнаженную женщину с длинными распущенными волосами, которая, откинув назад голову, прижимала к своей груди маленькую пеструю змею, Шуко едва не вскрикнула от изумления. Женщина лежала на зеленом бархате и спокойно улыбалась ярко накрашенными губами, хотя Шуко видела, что гадюка уже вонзила свои зубы в темно-вишневый сосок.

— Посмотрите, перед вами египетская царица Клеопатра, — сказал Карамян. — Она жила еще до Рождества Христова, была сказочно богата, красива, ее называли звездой Востока, но когда любимый человек бросил ее, она сделала то, что делают многие брошенные женщины во всем мире, во все времена... Несчастливая любовь свела красавицу-царицу в могилу... — Карамян посмотрел на девушек, сочувственно покачал головой и вдруг, выкинув вперед руку с белым накрахмаленным манжетом, произнес рыдающим голосом:

Теперь я только женщина,
не более,

И тем же жалким
я страстям покорна,
Что скотница простая... —

так говорила царица Клеопатра, прощаясь с жизнью и прикладывая ядовитую змею к своему божественному телу.

Шуко всхлипнула. Майя оглянулась. Опустив голову и закрыв лицо руками, Шуко плакала навзрыд.

— Перестань, глупая. Люди смотрят. Кто она тебе? Сестра? Подруга?

— Сейчас... я сейчас, — сказала Шуко, но не смогла удержать слезы. Не сестра. Не подруга. Шуко плакала от нестерпимой жалости к той красивой египтянке, которая жила еще до Рождества Христова. Значит, ничего не изменилось в судьбе женщины за многие века. Те же слезы, те же муки и страдания.

На них уже начали обращать внимание, какой-то мужчина в городской одежде сердито зашипел на девушек. Майя ласково обняла подружку за плечи, вывела из балагана.

— Успокойся. И зря ты от меня секреты держишь. Вот одна и не справилась, — сказала Майя. — Идем, идем, я знаю, где его найти.

Шуко подняла на нее полные слез глаза.

— А ты никому не скажешь?

— Глупая, думаешь, я слепа, ничего не вижу! Я давно все заметила, но молчу, как каменная. А ты ведь знаешь, как мне трудно хранить такие секреты.

Подружки рассмеялись и, взявшись за руки, пошли по пыльной ярмарочной улице.

Это была не самая лучшая лошадь на конской ярмарке. Тут были неказистые с виду, но крепкие, как лесной орех, тушинские иноходцы, светло-золотистые стройные карабахи, одинаково хорошие и под седлом, и под вьюком, много было мегрельских скакунов, но Цоги, увидев этого белого жеребца, уже ни на какую другую лошадь не хотел смотреть.

Жеребцу было всего три года, и барышник на все лады расхваливал его, но из-за большой горбоносой головы, короткой шеи и несколько отвисшего крестца покупатели не очень-то зарились на него.

Родственник Цоги, старый Антай, вообще прошел мимо белого жеребца — старик считал себя заядлым лошадиником и обещал Цоги выбрать для него самого лучшего коня на ярмарке.

— Лишь бы казны твоей хватило, — сказал он.

А Цоги, как увидел сухие мускулистые ноги жеребца, так и подумал: «Кажется, нашел».

Жеребец был весь подобранный, сухого сложения, с копытами такими твердыми, что можно и без подков пуститься в самую дальнюю дорогу. Кремень, а не копыта!

Цоги отошел немного, чтобы со стороны поглядеть на лошадь. Жеребец, видимо, чувствовал, что на него смотрят, и нервно прыдал ушами. «Умница», — подумал Цоги. Ему все больше и больше нравился белый жеребец, но Цоги не хотел, чтобы барышник это видел, он даже принялся торговать другим конем. Да разве барышника обманешь! Он сразу понял, что это настоящий покупатель, хотя на конских ярмарках такие вот молодые, бедно одетые парни обычно больше глазают на коней, чем покупают. А за это денег с них не возьмешь.

Барышник, немолодой татарин в потертом бешмете, улыбаясь, подошел к Цоги:

— Нравится?

— Дорого просишь? — спросил Цоги.

— Сперва сядь на коня, прогуляйся немного, о цене потом поговорим.

Цоги кинул свой хурджин на руки Антаю, которого явно огорчила торопливость молодого родича, и взял неоседланного жеребца под уздцы. Зло всхрапнув, жеребец как-то по-собачьи дерзко хотел укусить Цоги за руку, но не успел — Цоги вскочил ему на спину.

Жеребец растерялся, на одно мгновение замер на месте, а затем всеми четырьмя ногами оторвался от земли и прыгнул далеко в сторону. Цоги удержался. Тогда жеребец взвился на дыбы. Цоги с самого начала ни одним движением не препятствовал ему ни в чем, он даже отдал поводья и только слегка стиснул коленями его подрагивающие бока.

Жеребец снова попытался укусить Цоги. Повернув голову, он щелкнул зубами у самого колена седока. Цоги дернул правый повод, жеребец тотчас послушался и выпрямил шею. «Как он тонко чувствует повод», — обрадованно подумал Цоги. Но жеребец, видимо, не хотел мириться с незнакомым седоком, он опять потянулся к его ноге. И снова легкое движение повода — жеребец мгновенно повиновался. Цоги понял, что жеребец чуток к поводьям не потому, что у него сломлена воля, не от слабости духа у него эта покорность. «Хорошо воспитан, потому что гсрд, — подумал Цоги. — Такой не позволит хлестать себя плетью. А что он укусить хотел, так это не от злости, я же обидел его, слова ласкового не сказал и — хлоп на спину».

Жеребец сердито переминался с ноги на ногу, требуя поводьев. Под его гонкой кожей торопливыми волнами пробегала мелкая дрожь.

Жеребец не сделал еще и двух шагов, но Цоги мог поклясться, что никогда на такой горячей и резвой лошади он не сидел. Парень чуть подался вперед, и вдруг эта некрасивая, невидная лошадь пошла с места такой бодрой, ровной иноходью, будто знала, чем может полонить сердце молодого горца. Так же легко и непринужденно жеребец перешел на галоп, когда Цоги тихонечко тронул его коленом.

Проехав с полверсты, Цоги подобрал левый повод, и жеребец на всем скаку повернул налево. «Смело повернул. Теперь посмотрим, как он перемахнет через этот плетень», — подумал Цоги.

Старый Антай долго и тщательно рылся в карманах, даже за пазухой пошарил, словно не знал, что кроме этой смятой пропотевшей трехрублевки у него ни гроша нет. Ни в карманах, ни за пазухой. Но сразу признаться в этом совершенно убитому Цоги добрый Антай не мог и с таким видом обыскивал свои карманы, будто там еще какие-то деньги могут оказаться.

А всего не хватало восемь рублей.

Деньги немалые для наемного пастуха — хозяин давал Цоги в год девять рублей серебром, одну пару каламани и двух годовалых баранов. Чтобы собрать на коня, матери пришлось продать большой палас, дойную козу и медный котел для варки пива. Цоги добавил к этому свой двухгодичный заработок, но всего набралось сорок семь рублей. А барышник, сколько ни торговались с ним и как ни хулил Антай белого жеребца — и уши у него большие, как у ишака, и масти он неподходящей, не для свадьбы ведь покупаем, — не уступил ни копейки.

— А ну его, — сказал Антай, — на наши деньги мы и получше найдем.

Цоги промолчал. Конечно, и на другой лошади, подешевле этой, можно пуститься в дальнюю дорогу. А Цоги предстоит ехать очень далеко. Вот кончится алавердский праздник, и он отправится с партией стригалей по ту сторону хребта, на зимние прикаспийские пастбища. Но Цоги искал не просто выносливую рабочую лошадь — будущим летом он собирался принять; наконец, участие в чатари, а в этой горячей игре худой конь тебе не товарищ. Обида какая — дожил парень до двадцати трех лет и ни разу еще не участвовал в чатари. Не было у него своей лошади, а кто же в горах на чужом, одолженном скакуне красуется и джигитует перед любимой девушкой.

Цоги было двенадцать лет, когда во время ссоры из-за горного пастбища кистины убили его отца Бакури Цискарашвили. Они угнали отцовскую лошадь и отару в двести голов. От всей отары остался только маленький колокольчик — его носил вожак стада козел Багатур. Видимо, кистины немало повозились с упрямым вожакон, пока заставили его повернуть стадо, — вот тогда и сорвался с его шеи этот колокольчик. Его нашел в траве маленький Бердиа в тот день, когда семья Цискарашвили приехала на пастбище за телом убитого.

Семья была разорена в один час. То ли потому, что община считала Бакури Цискарашвили зачинщиком кровавой стычки с кистинами, а может, оттого, что зима была снежной и от бескормицы пало много овец, — деревня не устроила сиротам обычного очхари. Сабедо — вдова Цискарашвили, вынуждена была отдать своих малолетних сыновей в чужие руки — старшего, Цоги, в подпаски, а Бердиа — учеником в мастерскую Тома Абашидзе. Бердиа родился здоровым ребенком, и никто не ожидал, что его постигнет такая беда: в возрасте, когда все дети начинают говорить, он только лопотал что-то невнятное. Родители

еще надеялись, и знахари обещали, что ребенок может заговорить и в четыре года. Но Бердиа так и не заговорил. А немюго мальчика Сабедо не могла отдать в пастухи — боялась, что его, безъязыкого, робкого, все будут обижать. И потому она очень обрадовалась, когда близкий сосед — резчик по дереву Тома Абашидзе согласился обучить Бердиа своему трудному делу. Тихий и сообразительный мальчик, как никто больше, подходил для этого тонкого ремесла.

На зимние пастбища Цоги пока не брали, он прислуживал пастухам на ближних летних стоянках: носил им воду, собирал кизяк на топливо, присматривал за охромевшими овцами. В четырнадцать лет Цоги уже умел самостоятельно найти луг с молодой нежной травой для ягнят, сделать из коровьей кожи мешочек, в котором пастухи носят питьевую воду, он умел ласковым словом уговорить, успокоить встревоженную волком отару, когда она со страху, сжавшись в один взъерошенный комок, готова вот-вот броситься без оглядки куда-то в непроглядную ночь. Он, как древний старик, знал множество добрых, таинственных слов, знал наизусть разные заговоры и нашепты.

Волк ползет мо мгле —
Смогу
Перебить хребет ему.
Враг идет ко мне —
Врагу
С плеч я голову сниму, —

напевал он, и перепуганная насмерть овца понемногу приходила в себя и тихо ложилась на свое место.

А еще через два года Цоги попросил дать ему ножницы и в присутствии хозяина, побледнев от собственной смелости, остриг первую овцу, не сделав ни одного пореза на коже животного. Хозяин похвалил Цоги и тут же определил ему полное жалование пастуха. Но Цоги характером, видимо, пошел в отца — неуживчивого, упрямого, непомерно гордого человека. Не прошло и полугода, как Цоги обиделся на хозяина за какое-то не так сказанное слово и ушел, даже не взяв расчета.

Мой проводник Захарий вспомнил, что и в детстве Цоги был страшно обидчив. Однажды на каком-то празднике сильно загулял помощник деканоза. Целые сутки он бражничал, переходя от костра к костру, потом ему стало скучно и, не зная, чем еще позабавиться, пьянчуга достал из кармана горсть леденцов и кинул играющим на улице детям. Началась свалка, и ребята, как обычно, передрались из-за даровых конфет.

— Только Цоги не сдвинулся с места, — сказал Захарий. — Он с безучастным видом стоял в стороне.

Помощник деканоза снова полез в карман и бросил леденцы к самым ногам Цоги. Мальчик не пошевелился. Помощник деканоза нахмурился, подошел к Цоги и закатил ему оплеуху.

— Ты чего от него хочешь? — спросил проходивший мимо старик.

— Помяни мое слово, разбойником будет, — сказал помощник деканоза.

Потом Захарий нашел Цоги за часовней. Он лежал, уткнувшись лицом в траву, и плакал.

— Больно? — спросил Захарий.

— Нет.

— Ты же любишь леденцы? — спросил Захарий.

— А он их на землю бросал, как собакам, — глотая слезы, ответил Цоги.

Да, человеку с таким характером батрацкая доля вдвойне тяжела. Нигде в Грузии батрачество не было таким тяжким, как в кочевом овцеводстве. Поэтому вся грузинская народная поэзия так горько оплакивает безрадостную долю наемного пастуха. Бездомный кочевник, он смолоду лишен всех радостей семейной жизни, одиннадцать месяцев в году он в пути, под открытым небом, и благодарен судьбе, если зима не очень снежная, а осенние дожди льют не все сорок дней и ночей, как во времена всемирного потопа.

Потертая бурка, мешок из козьей шкуры, наполненный кумелем, длинная ярлыга, старая берданка, да еще с десяток овец, заработанных каторжным трудом, — вот все его движимое и недвижимое имущество. Хозяин платил ему овцами с приплодом, но система штрафов была такова, что нередко батрак после десятилетней службы возвращался домой с одной ярлыгой в руках. Пастух возмещал хозяину убытки во всех случаях: пала ли овца от болезни или унесла ее лавина, или угнали бандиты, или загрыз волк. Если заболела овца, хозяин не скупился на лекарства, ну а пастухов обычно лечили от всех болезней либо горькой водкой, либо знахарским заклинанием на уголке. Случалось, что даже снедаемый жаром, в горячечном бреду пастух, опасаясь разорительного штрафа, не оставлял отару и держался в седле, пока не падал замертво.

Наемный пастух — это не пастушок со свирелью на зеленой лужайке, каким его много лет изображали в сусальных стихах и картинках. Мой пастух — горемыка и бесправный труженик, и если он в какой-то день, в какой-то час вырезал себе из тростника скромную свирель-саламури, то потому лишь, что она лучше него умела плакать.

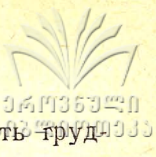
Недавно богатые овцеводы братья Гугуташвили прислали с Каспия своего приказчика с поручением набрать партию стригалей. Цоги первым явился на испытание. И показал себя настоящим мастером. Обычно пастух перед стрижкой связывает овце ноги — Цоги не связывал, и только на этом он выигрывал больше минуты. Мягким, но сильным рывком он валил овцу на помост и какими-то неуловимыми движениями левой руки удерживал ее, пока не заканчивал стрижку. Конечно, такого стригалю без разговора приняли на работу. Сбор партии приказчик назначил на двадцатое сентября. Цоги к этому времени должен был достать коня. Стригали на прикаспийских пастбищах зарабатывали хорошие деньги: им платили сдельно, и такой скорый стригаль, как Цоги, мог за один сезон значительно поправить свои дела и даже отложить деньги на лечение Бердиа. Говорят, что в Тбилиси живет такой доктор, не то что немого, мертвого заставит заговорить.

Что же делать, пешком до Каспия не дойдешь, но как сказать матери: продай палас, продай котел для варки пива, продай единственную козу и снаряди меня в дорогу.

Палас был самой дорогой вещью в доме Сабедо. После смерти мужа она четыре года ткала этот палас и, когда закончила, сказала сыновьям: «Может, сойду в могилу раньше, чем поставлю вас на ноги, продадите тогда палас — будет на что меня похоронить и поминки справить».

* * *

- Уезжает он завтра надолго, хоть издали на него посмотрю.
- Вы уже целовались? — спросила Майя.
- Что ты! Мы одни еще никуда не ходили.

— Зато он к вам частенько ходит... Думаешь, я не видела?

— Как тебе не стыдно. Он брата своего навещает. Передать твоему брату, как немой ждет его прихода.

— Значит, к брату ходит? — усмехнулась Майя, не подозревая даже, как она своим неверием обрадовала подругу.

— К брату... к брату, — счастливо рассмеялась Шуко. — Ты только помоги мне. Если встретим Цоги, наболтай что-нибудь... Пусть не думает, что мы его ищем.

— Хорошо, это я могу.

Некоторое время они шли молча. Потом Майя сказала:

— Какие глупые эти мужчины.

— А что?

— Буйволы. Ничего не чувствуют. И Цоги твой хорош. Такая девушка по нем сохнет, а он где-то бродит.

— А может, я ему не нравлюсь? Не знаю... Зашел он однажды вечером, спрашивает своего брата. Отец мой удивился: «Разве ты не знаешь, что сегодня воскресенье? По праздникам он домой уходит». А Цоги рассмеялся и сказал: «Простите, дядя Тома, совсем забыл, что сегодня воскресенье». Как по-твоему, Майя, мог он это забыть?

— Бог с тобой! Какой батрак воскресенье забудет.

Девушки вышли на ровную дорогу. В поле, на самом солнцепеке, понуриив голову и уныло помахивая хвостом, стояла оседланная лошадь. Издали казалось странным, что она стоит неподвижно под палящими лучами солнца, стоит, как вкопанная, но когда девушки подошли ближе, оказалось, что в густой траве спит хозяин лошади, намертво зажав в кулаке повод.

Майя свернула с дороги, подбежала к лошади и, упершись коленом в ее взмокший живот, отпустила подруги.

— До всего тебе дело, — сказала Шуко.

— До всего, — подтвердила Майя.

Скоро они подошли к обширному конскому загону. За изгородью из длинных жердей толклись лошади — они кусали друг друга, лягались, и девушки не решились войти в загон. Они прошли вдоль изгороди и возле коновязи увидели Цоги. Он разговаривал с каким-то татаринном.

— Здравствуй, Цоги, — сказала Майя. Цоги обернулся, и вдруг его уставшее, озабоченное лицо просияло — под тонкими черными усами ослепительно блеснули белые-белые зубы.

— А вы что здесь делаете? — спросил Цоги. Он вежливо пожал Майе руку, а Шуко только сдержанно кивнул головой. Но она вся вспыхнула, затрепетала, в каком-то удивительном прозрении вдруг поняв, почему Цоги не пожал ей руку.

И после, когда Цоги, шутливо болтая с Майей, ни разу не взглянул на нее, Шуко ничуть не обиделась. Наоборот: то, что Цоги не смотрит в ее сторону, как-то сладостно волновало девушку, связывая ее с Цоги жгучей тайной.

— Ты моего дядю не видел?.. — начала было Майя, но тут же сообразила, что эта невинная хитрость уже ни к чему. И просто спросила:

— Ну как, купил лошадь?

— Да вот с утра торгуемся.

— Ну, раз с утра, значит, не сторгуешься. Лучше проводи нас. Перепились мужчины. По базару девушкам пройти не дают. Кавалер на ногах не держится, а на танцы приглашает, — сказала Майя.

— Когда это ты пьяных боялась, — усмехнулся Цоги.

«Неужели догадался, что мы его искали», — испугалась Шуко.

— Постарела я, Цоги, оттого и боюсь, — сказала Майя. В этом признании своей мнимой старости было столько бескорыстного кокетства и девичьей прелести, что Цоги невольно подумал: «Не будь Шуко на свете, я бы другой жены себе не искал».

— Подождите немного, Антай куда-то пропал.

— Подождем? — спросила Майя подругу. Шуко только подняла на Майю глаза и ничего не сказала. Она боялась вымолвить слово.

— Ты что молчишь, — набросилась на нее Майя. — Поссорились?

— А зачем она должна со мной ссориться, — сказал Цоги. — Ссорятся только влюбленные.

— Бессовестный, — сказала Майя и посмотрела на него с такой укоризной, что Цоги сразу же пожалел о своей злой шутке. Шуко крепко сжала губы и отвернула вспыхнувшее лицо. «Не любит он меня, играет со мной», — подумала она и схватила Майю за руку.

— Пошли, отец, наверное, уже беспокоится.

— Да, пошли, — сказала Майя, — пусть нас лучше пьяные утащат, чем с этим камнем разговаривать.

Цоги кинулся за ними.

— Подождите, девушки! Голова у меня кругом идет. Сам не знаю, что говорю. Вот выбрал себе коня, а денег не хватает. Антай обещал достать. Не уходите, прошу вас, он скоро придет.

Цоги очень не хотелось признаваться перед Шуко в своей нужде, но сейчас только этим он мог удержатъ обиженных девушек.

— Кто тебе на ярмарке деньги одолжит, — посочувствовала ему Майя. — Много тебе не хватает?

— Восемь рублей.

— Восемь рублей. — Майя покачала головой. — Придется твоему Антаю какого-нибудь купца ограбить. Грешно сейчас у людей даже восемь копеек попросить. Народ на всю зиму запасы покупает.

— Грешно, — согласился Цоги.

— А ты найди другого коня, подешевле, — сказала Майя.

— Другого! Ты еще плохо меня знаешь, Майя. Если мое сердце кого-либо выберет, то уже навсегда, до смерти.

— Хитер, — рассмеялась Майя. Цоги повернулся к Шуко.

— Разве я хитрый? — спросил он и посмотрел ей прямо в глаза.

Шуко дрогнула, смешалась, но глаз не отвела. «А я не хочу знать, хитрый ты или не хитрый. Я люблю тебя, мой милый», — подумала Шуко.

Пришел Антай. Старик запыхался, вспотел, видно, он немало побегал по ярмарке, но денег так и не достал.

— Я больше всего на твоего отца надеялся, — сказал он Майе, — но он дважды поклялся, что у него денег на церковную свечу не осталось.

— Ну как? — вмешался в разговор барышник. Ему никто не ответил. Он пожал плечами и отошел в сторону.

— Ты какой дорогой поедешь домой? — спросил его Цоги. — Через Алазани?

— Через Алазани, — не оборачиваясь ответил барышник, но не пройдя двух шагов, обернулся и, растерянно улыбувшись, спросил Цоги: — А зачем ты спрашиваешь?

— Лучше продай мне своего жеребца, а то подстерегут тебя на дороге и дело с концом.

Все рассмеялись, все, кроме Майи.

— А ты, парень, видно, шутник, — оказал барышник.

Цоги повернулся к Майе.

— Как по-твоему, Майя, я шутник?

— Не нравится мне этот разговор, — сказала Майя.

Антай взял Цоги за руку и повернул его к себе.

— Не сходи с ума, парень.

— Отстань, — сказал Цоги.

Шуко быстро сняла с руки браслет и протянула барышнику.

— Этого хватит?

Барышник повертел в руках браслет и облегченно вздохнул.

— Бери, парень, коня. Конь, что огонь. Похитишь эту красавицу, не догонят.

Цоги растерялся. Неужели белый красавец все-таки достался ему. Но столько тяжких обид скопилось в его сердце, что он не совладал с собой.

— Отдай ей браслет, я не нищий, — крикнул он барышнику.

— Ты не сердись, Цоги, — сказала Шуко и слегка дотронулась до него. — Разбогатеешь, купишь мне другой браслет.

— Куплю... десять браслетов куплю! — захлебываясь от радости, закричал Цоги. Шуко смутилась и отступила назад. Ей показалось, что Цоги сейчас бросится к ней и на глазах у всех расплещет. Но Цоги, совсем как мальчишка, потерял голову и, как-то странно покрутившись на месте, вдруг бросился к жеребцу и вlepил смачный поцелуй в его горбоносую морду.

— Знаешь, Шуко, ты его от большой беды спасла сегодня, — шепотом сказала Майя, пока Цоги отсчитывал барышнику деньги.

— А ты думаешь, он вправду пошел бы на это?

— Глазом не моргнул бы. Но что ты скажешь своему отцу?

— Право, не знаю.

— Скажи, что украли. Прямо с руки сняли. Жуликов здесь полным-полно.

— Все равно достанется мне.

Глава пятая

В старой Грузии всегда любили коня и умели ценить искусных наездников. Но лучшими наездниками среди всех грузинских племен считались тушины. Кочуя с отарами от зимних пастбищ до высокогорных эйлагов, тушинец месяцами не слезает с седла. Конь для тушинеца самый верный товарищ в его кочевой нелегкой жизни. Но Цоги не просто любил коня, он утверждал, что можно не иметь дом и все же называться человеком, можно не иметь пашню, не иметь овец и чувствовать себя равным среди людей, но не иметь коня — это значит сидеть в жизни на самой, самой нижней полке. И вот теперь, когда он впервые сидел на своем коне, он ощутил в себе такое удивительное спокойствие, как будто со всеми невзгодами и бедами уже было навсегда покончено.

Наступил вечер. По всему Алавердскому полю зажглись костры. Запахло жареным и вареным. Теперь до самого утра будут пировать веселые богемельцы, если, конечно, у них еще осталось что-нибудь в бурдюках. Где-то несмело завели песню, где-то запищала зурна и забили в барабан.

Цоги ехал по самому краю поля, где было тише и малолюдней, потому что жеребец боялся огня и шума. Он шарахался от костров, приседал на задние ноги, и при этом новехонькое, еще неприладившееся седло скрипело на все лады. Скрипение новой сбруи доставляло Цоги

большое удовольствие. Душа его пела оттого, что он мог повернуть своего коня в любую сторону и ехать куда угодно.

Взошла большая яркая луна, стало светло как днем, даже звезды не видно. И вдруг по очень светлому небу стремительно пронеслась черная туча. Она только что оторвалась от Кавказского хребта, и вот уже крупные капли дождя торопливо упали на землю. Еще мгновение, и туча скрылась за дальним лесом. Видно, там, высоко в небе, разгулялся ветер, а здесь тихо, едва слышно шуршит листва на крышах шалашей.

На траве блестят дождевые капли, они пахнут снегом. Цоги любит этот запах первого снега и он его легко вылавливает среди множества иных запахов — едкого дыма, жареного мяса, маджари, новой кожи седельных подушек и конского пота. Цоги вдыхает его всей грудью, этот запах молодого снега, и сейчас радующий его, как бывало в раннем детстве.

Костров на поле становилось все больше и больше, и ночь от этого казалась какой-то неправдоподобной, потому что там, где горели огни, было темнее, чем здесь, на краю поля. Сентябрьская полная луна колдовала над бессонным Алавердским полем.

Барышник сказал, что жеребца зовут Кудрат. Басурманское имя. Цоги решил заново окрестить коня. Всякие имена и клички, одно красивее другого, стайками роились в его голове, но Цоги упрямо твердил себе: «Нет, нет, без Шуко нельзя этого делать. Она хозяйка».

— Ты понимаешь, глупец, какая у тебя будет хозяйка, — громко сказал он, хлопнув жеребца по шее, но тому, видимо, не понравилось такое бесцеремонное обращение и он рванулся в сторону, едва не выбросив Цоги из седла.

— Но, но, — рассмеялся Цоги, — не дури. Успеешь еще ревновать.

Какой-то человек, слепка пошатываясь, вышел на тропу. В руках он держал моток тонкой веревки, которой пастухи обычно пользуются как арканом. Цоги сразу узнал молодого конюха артели стригалей Алуду.

Вчера ночью стригали отогнали своих лошадей на заречное пастбище, чтобы они успели отдохнуть перед дальней дорогой.

— Здравствуй, Алуда. Ты за лошадьми идешь?

— Да. А тебя я не узнал. Ты как святой Георгий на своем белом коне.

— Нравится?

— Не знаю еще. Дай прокачусь, тогда скажу.

— Нет, парень. Сейчас коня у меня не проси. Родной отец воскреснет — и ему не дам.

— Дело хозяйское, — не обиделся Алуда. — Ну, я пошел.

— Шагай, шагай, Алуда. Приказчик велел, чтобы к утру все было готово. Эк тебя шатает, лишнего, брат, хватил. Смотри, не усни под копытой.

— Не беспокойся, Цоги. До рассвета пригоню лошадей, ты же знаешь, какой я быстрый, — похвалился молодой конюх.

Обогнув ограду монастыря, Цоги остановился у шалаша стригалей и, привязав коня, молча подошел к костру.

Людей у костра собралось немало, они сидели тихо, было слышно, как шипят сырые поленья на неярком огне.

Антай молча посторонился, приглашая Цоги сесть рядом с собой.

У костра сидела вся артель орбельских стригалей, с которыми Цоги отправлялся в дальнюю дорогу. Прямо на зеленой траве перед ними горами лежали лаваша, зелень, горячие хинкали, стояли кувшины с вином, но никто не ел и не пил. Пастухи слушали народного стихотвор-

ца, старого чабана из Пшаветии Батыра Очаури. Уйма морщин разбегались на его лице во все стороны, но глаза Батыра блестели совсем по-молодому, может, от выпитого крепкого вина, а может, от удачной звонкой строки.

Он сидел на седле, чуть склонив седую голову, и говорил стихи. В руках он держал чонгури, но не играл на нем, а только изредка прикасался пальцами к струнам. Цоги знал, что Батыр это делает для себя, для своего настроения, а не для слушателей. Так иногда, углубившись в свои думы, человек машинально нюхает розу или, не глядя на стакан, отпивает глоток вина.

Говорил он стихи немного глуховатым, ровным, порой даже бесстрастным голосом, но по тому, как вздыхали и молча переглядывались молодые люди, видно было, что они готовы слушать Батыра хоть до утра.

Старый поэт умолк. С минуту все сидели тихо, затем Антай наполнил чашу вином и сказал:

— А ты не постарел, Батыр, стихи придумываешь, как молодой. Живи еще много лет! — он выпил и передал чашу соседу. Она пошла по кругу.

— Я знаю, кто первый придумал стихами говорить, — задумчиво сказал Цоги.

— Ну кто его знает, этого первого, — усмехнулся сидевший слева от Цоги стригаль — худой, долговязый парень по имени Мангиа.

— Я знаю, — серьезно сказал Цоги. — Этот человек всю жизнь на хорошем коне сидел. Ты слышал, когда Батыр говорил стихи, казалось, будто конь наметом идет. Копыта стучат и камушки разлетаются во все стороны. Иногда слова не понимаешь, один бог знает, к чему они, а слушать хочется, не оторвешься. Просто чудо какое-то.

— Все от настроения зависит, — возразил Мангиа. — Когда человек не в духе, даже хорошее вино уксусом покажется.

— Хватит вам, ребята, дайте и нам Батыра послушать, — сказал кто-то за спиной у Цоги.

Запрокинув голову, Цоги посмотрел на пришельца.

— Вы же пьяные, зачем вам стихи.

— Стихи и песни, молодой человек, вместе с вином родились. А вы носы повесили, будто у вас в кувшинах не вино, а козье молоко.

— Иди, Батыр. Ребятам укладываться надо, и так засиделись, — сказал Антай. — А ты, Валериан, и вправду повесил нос. Вот человек и подумал, что мы козьим молоком пробавляемся.

— Плохи мои дела, — вздохнул Валериан. — Я, может, не поеду с вами.

— Как не поедешь! — встревожился Антай. — Всю артель подведешь. Пока приказчик найдет тебе замену, там, гляди, и снег выпадет. Закроет дорогу, тогда делай кругалю через Дарьял. За месяц не управимся.

— Случилось что-нибудь? — спросил Цоги. Он знал, что молодая жена Валериана была на сносях. По дороге в Алаверды они вместе с Валерианом завезли Тамару в Нижнее Роки к ее родителям.

— Из Роки человек приходил, — сказала Валериан. — Мертвого ребенка жена родила.

— Что ж ты молчал! — спросил Антай.

— Да что тут говорить. Ничем уже не поможешь.

— А как Тамара? — спросил Цоги.

— О ней и думаю. Глоток вина в горло не проходит. Сказали, что плохо Тамаре.

— Эх, не везет тебе, Валериан, — сказал Антай.

С самого детства до первых преждевременных седин Валериан не переставал работать, покладая рук работал на своего хозяина Арабули, но так и не стал на ноги. Сколько тысяч верст прошел он за эти тридцать батрацких лет. Он и овец доил, и лечил их, и стриг, и носил на своей спине охромевшую в дороге матку, укрывал своей буркой новорожденных ягнят, строил из глины и хвороста теплые кошары, копал землянки. Что только не делал он за эти годы. Но вот Валериан женился, и новые беды посыпались на него. Хозяин уволил его, сказал, что женатые пастухи ему не нужны. Когда пастух женится, он все назад, домой смотрит. А пастух должен вперед смотреть.

Полгода Валериан проедал жалкое приданое жены, а потом снарядился на далекий Каопий. И вот, опять беда...

— Не знаю, как уехать. Мы ведь надолго. Не на день, не на два. И вас подводить не хочу...

— Да, жалко Тамару, — сказал Цоги.

— Пропали мы, братцы. Застрянем здесь, — сказал Мангиа.

— Жаль, что лошади наши за рекой. Я бы до утра обернулся. Мне бы только взглянуть на нее.. Слово сказать...

— Это верно. На хорошем коне мигом слетаешь, — сказал Мангиа.

Все посмотрели на Цоги. Только Антай отвел глаза. Он лучше других знал, как трудно будет Цоги решиться на такое.

Но Цоги пересилил себя. Не выдав ничем своего волнения, он тихо сказал:

— Я не против. Возьми моего коня, Валериан.

— Хороший ты человек, Цоги, — сказал Валериан.

— Хороший — не хороший, бери и скачи, а то передумаю.

— Теперь уже не передумаешь, — сказал Антай.

Цоги отвязал жеребца.

— Я его еще плохо знаю, смотри сам.

— Будь спокоен, Цоги.

Цоги вдруг засмеялся:

— Только ради бога, верни мне жеребца белого, а не вороного.

— А мне сейчас не до забав, — впервые за весь вечер улыбнулся Валериан.

Дело в том, что в молодости Валериан был знаменит болезненной и очень разорительной для него страстью — все менять с первым встречным. Вдруг остановит на дороге человека и предлагает: «Давай поменяемся ружьями». Менял он оружие, и бурки, и кисеты для табака, и папахи, а однажды спьяна ухитрился обменять с каким-то проезжим человеком хорошего хозяйского скакуна на старую клячу. Избил его Арабули основательно, по-хозяйски. Но прошла неделя, и как-то вечером Валериан вернулся с пастбища не в той бурке, в которой ушел утром.

На главной колокольне монастыря зазвонили к поздней вечерне. Ни слова не сказав артельному старосте, Цоги поспешил к монастырским воротам.

Глава шестая

Как только ударил большой колокол, Шуко набросила на плечи накидку и молча выскользнула из шалаша, даже не посмотрев на подругу.

Оставшись одна, Майя зажгла коптилку, пристроила на табуретке зеркальце и распустила волосы.

Мутное стекло зеркала ничего нового не сказало ей. «Красивая, как о другой, подумала Майя, — а вот никого не любит».

Кто-то обнял ее за плечи.

— Шуко! — удивилась Майя. — Почему ты вернулась? Ты вся дрожишь. Что с тобой?

— Я одна никогда не встречалась с ним. Боюсь я, Майя! Прошу тебя, пойдем со мной.

— Куда? — рассмеялась Майя. — Глухая, мы ему вдвоем не нужны. Хочешь, я одна пойду. Вот так — с распущенными волосами.

Шуко слабо улыбнулась и крепче прижалась к подруге.

— Боюсь... Не знаю, что делать!

— Человек тебя ждет, а ты... слышишь, как заливаются колокола? — сказала Майя, словно монастырские колокола не на молитву призывали людей, а на любовные свидания.

— Вот ты не веришь, а мне так страшно! — прошептала Шуко.

— Ничего не бойся. Только в губы не позволяй ему целовать.

— Ты что, с ума сошла. Дотронется до меня — в Алазани брошусь.

...Уже не глядя в зеркало, Майя прибрала волосы, повязалась косышкой и начала наводить порядок в шалаше. Сегодня тут побывало столько народа, что удивительно, как шалаш выдержал, не развалился. Особенно много было господ из Тбилиси. Они нарасхват покупали замечательные изделия орбельского резчика.

Сказочно богаты орбельские леса, здесь можно найти самые драгоценные породы деревьев — кавказский клен, явор, хмелеграб, имеющий одну из самых крепких древесин в мире, но особенно ценил старый резчик Тома Абашидзе кавказский негной, из которого делал чудесные ларцы, подсвечники, чаши и кувшины, украшенные причудливым старинным орнаментом.

Сегодня под вечер неожиданное счастье свалилось на старого резчика — в его шалаш пожаловал со своей свитой сам епископ алавердский, осмотрел изделия, похвалил и тут же сделал выгодное предложение — изготовить деревянную резную сень для пробницы кахетинской царицы Кетеван, замученной Шах-Аббасом.

Сейчас Тома сидел в монастырской келье и рассматривал образцы орнамента, присланные из Тбилиси.

Абашидзе радовался не столько удачной сделке, сколько тому, что наконец-то он и его ученики покажут, на что они способны. «Только бы найти дерево красного негноя, возрастом не менее, чем полтыщи лет», — говорил он епископу, с удовольствием попивая густое монастырское вино.

Глава седьмая

— Проводи меня! Уже поздно. Видишь, в соборе свечи тушат.

— Посиди еще немного. Мы теперь не скоро увидимся.

— Нет, нет, не целуй меня в губы!

— Не любишь ты меня.

— Пока не обвенчаемся, нельзя меня в губы целовать.

— Это кто тебе сказал?

— Майя, — сразу призналась Шуко.

— Вот еще законница, твоя Майя, — сказал Цоги. — А вот не лгушу. — Цоги рванул ворот ее параги, и прежде чем Шуко успела удержаться,

жать дерзкую руку, его ладонь наполнилась мгновенно похолодевшей девичьей грудью.

— Не смей, убери руку. Я умру сейчас.

— Хорошо, больше не буду, — покорно сказал Цоги.

Некоторое время они сидели молча и смотрели, как один за другим гаснут на алавердском поле праздничные костры.

Неожиданно Шуко спросила:

— А ты вправду убил бы этого татарина?

— Правда. А потом забрал бы тебя и ушел в Шираки. Знаешь, что со мной было, когда я Шираки впервые увидел?

...Он вошел в пшеничное поле, сорвал с головы шапку и бросил ее на землю.

— Не уйду отсюда! Ничего не хочу — ни воды, ни пищи, только дайте мне на это смотреть.

— Значит, больше ничего не хочешь? — спросил Антай.

— Ничего больше, клянусь святым Георгием. Возьмите себе эти горы со всеми ущельями и снежными вершинами. Все отдам за клочок вот такой земли!

— Ох, же верю, Цоги. Когда это было, чтобы тушин за сохой ходил.

— А я пойду! Надоела мне собачья жизнь пастуха...

— И ты со мной, Шуко, пойдешь. Я знаю, тебе понравится Ши-раки.

— А как же я отца одного оставлю?

— Как все оставляют, — сказал Цоги.

— Ты знаешь, отец из-за меня не женился во второй раз. А он любил одну женщину. И сейчас любит. Очень любит. Но домой не приводит.

— Почему? — удивился Цоги.

— Стыдится меня, я уже не маленькая.

— Такой человек меня поймет, — сказал Цоги. — Как только я вернусь с Каспия, пришлю сватов. А коли откажет — все замки сломаю и украду тебя. Я сейчас не пеший, не догонят!

Но недаром говорят, что нет ничего короче на свете, чем счастье бедняка. Они уже кончились, эти самые счастливые минуты в жизни Цоги Цискарашвили.

Его белый жеребец, сброшенный в пропасть внезапным камнепадом, никуда уже не повезет своего хозяина.

Чудом спасся Валериан — слышав грохот обвала, он успел выпрыгнуть из седла и сейчас со сломанными ногами лежал на тропе.

Он не стонал, не звал на помощь. Ему хотелось умереть.

Конец первой части

Шалва АБХАИДЗЕ

ЧТО ЗА ПОГОДА!

Что за погода!..
Половодье,
Сплав — бирюза и изумруд.
А в небе — облаков лохмотья,
Совсем, как лебеди, плывут.
Сын неба этого, я счастлив,
Что солнцем лоб мой озарен...
Иду — траве, лучам причастен,
Меня коснулись дуб и клен,
Цветы на цыпочки приэстали,
Хотя загородить мне путь...
Счастливее меня едва ли
Найдешь сейчас кого-нибудь!
Повеял ветер... Жар с прохладой
Соединив в одну струю,
Он хлынул в поры, будто радость,
Переполюя грудь мою.
Я — как в раю!
Иду сквозь хвою,
Что колетя со всех сторон,
И тень мне дарят сразу двое,
И старый дуб, и юный клен.
И ощущаю я, как в теле
Потоки солнца разлились,
Как землю укрепил на деле
Дуб, поднимающийся ввысь...
Вокруг оглядываюсь... Мне бы
Понять, что это —
Явь или сон?..
О только б не теряло небо
Свое тепло, и свет, и звон!..
Что за погода!
Несгораем
Сплав — изумруд и бирюза!
Не зря, земля моя родная,
Тебя так часто звали раем!
Сияйте ж над прекрасным краем
Небес прекрасные глаза!

Перевод с грузинского Е. Николаевской

Одиночество

Перевод с грузинского К. Коринтели

Ананиа остановился, проследил взглядом за течением воды. В самой середине виноградника разлилась огромная лужа, из которой то тут, то там торчали голые, почерневшие от обилия влаги лозы. Лужами окружены были и деревья — персик и яблоня. А груша, посаженная в день рождения Севариона, и вовсе погибла, полегла набок. Даже корни ее обнажились.

Ананиа, не раздумывая, принялся за дело. Отвел ручей в сторону, потом перелез в виноградник, выкопал канавки и спустил по ним застоявшуюся в лужах воду. Прочистил еще прошлогодние засорившиеся канавки, притоптал землю вокруг лоз. Но вода сильно размывла почву, с голыми руками здесь было не справиться, и Ананиа направился домой.

Гаянэ из себя вышла, увидев мужа, опять заляпанного грязью.

— Что это с тобой сегодня творится?! — завопила она. — Человек состарился, а ходить по земле не научился! В овраг ты свалился или в луже купался? Хоть бы одежду новую пожалел!

Ананиа рассказал ей про виноградник. Гаянэ совсем разъярилась.

— Спятил ты, милый мой, вот что! Виноградник отняли, семью твою разорили, а ты все туда же! За этот проклятый колхоз душа у него болит! Помогите, люди добрые, рехнулся у меня муж! Пожалейте меня, несчастную! — запричитала она.

Ананиа смутился, растерялся, хотел что-то сказать, но не рискнул перечить сейчас Гаянэ.

— Ты что, одеревенел? Стоит, как истукан! Уйди с моих глаз, сил у меня нет глядеть на тебя в таком виде! Уж если ты меня не стыдишься, о детях подумай, не отец, а пугало огородное! — возмущалась она.

Дети издали с удивлением наблюдали за ними.

Весь день Ананиа упорно молчал, а вечером, подметив, что жена подобрела, завел речь о винограднике.

— Такой он запущенный... — озабоченно говорил он. — Вода чуть не до колен стоит...

— Да пусть его, какой нам от него прок! — невозмутимо отозвалась Гаянэ.

— Жалко, Гаянэ, пропадает ведь виноградник...

— Не нам теперь об этом печалиться, — так же спокойно возразила она. — Пропадает и пусть пропадает. Да чтоб у меня другого горя не было...

— Дорогу должны через этот виноградник прокладывать, может, потому не ухаживают?.. А? Как ты думаешь?..

— Может быть, потому, — согласилась Гаянэ. — Все равно ведь рубить будут, чего уж там...

— Оно верно, но все-таки...

— Что «все-таки»?

— А то, что жалко... Пока не порубили, грех так его бросать.

— Да ну тебя, в самом деле, кого тебе, их жалко, что ли?

— Не их, а лозы жалко, не понимаешь?.. А ну как не срежут? Останутся тогда они людям...

Анания помолчал, помолчал, потом очень робко, несмело, начал:

— Гаянэ, будь человеком, не злись сейчас, послушай, что я скажу... Давай-ка доброе дело сделаем... Клянусь, это будет доброе дело... Ей-богу, ничего и никто от этого не пострадает. Наоборот, самой потом приятно будет.. Жалко ведь эти лозы...

Гаянэ, дослушав мужа, удивилась до глубины души. С чего это Анания взбрело в голову ухаживать за виноградником, который уже не принадлежит им? Она попыталась отговорить мужа, убедить его в том, что это глупо и смешно, но все ее усилия оказались напрасными.

— Выжил ты из ума, что с тобой говорить! — с досадой произнесла она, уверившись, что Анания непреклонен. — Сам колхоз не думает об этом винограднике, а ты чего лезешь, зачем тебе лишние хлопоты?

Анания не сдавался.

— Какие там хлопоты, наоборот, вечером приятно немного поводить. Коли есть время, отчего же... Хоть руками пошевелю, спину разогну. А то кровь в жилах застоялась, все кажется, силы поубавилось...

В тот вечер он плотно, с аппетитом поужинал, потом позвал детей, пропел с ними все песни. Даже Маквалу, которую обычно не звал, на этот раз самолично усадил рядом, приласкал, похвалил ее голос.

Завершив эту вечернюю церемонию, он взял заступ, фонарь и отправился в виноградник.

Работать в темноте было трудно, фонарь, который он повесил на ветку персика, отбрасывал небольшой тусклый кружок света, но Анания ведь знал каждый дюйм этой земли, знал с детства, и без страха повредить что-либо, уверенно рыл канаву для стока воды.

С того дня, едва улучив свободную минуту, Анания спешил в виноградник и работал там допоздна. Для развлечения, — как говорил он Гаянэ. Гаянэ же все время ворчала, но зная характер мужа — хоть ты ему кол на голове теши, все равно по-своему делает, — не спорила с ним, напротив, сама совала ему в руки фонарь и отправляла в виноградник.

Давно уже время было проводить дорогу, но проходили дни за днями, а работы не начинались. Анания справлялся в правлении, когда должны приступить к строительству, но получил весьма туманный ответ — сами, мол, не знаем, когда, и те, кому это дело поручено, тоже ничего не знают.

Гаянэ, узнав об этом, высказала мысль, что в правлении, может, и вовсе передумали прокладывать дорогу. Потом она очень много размышляла о судьбе виноградника и в конце концов истолковала все так, как ей хотелось: наверное, от строительства дороги отказались, сами убедились, что впуская затратят труд... И, возможно, случится так, что отторгнутый виноградник вернется к своим хозяевам... Черт знает, что у них на уме, может, правда опомнятся, возвратят виноградник.. Если так случится, тогда что ж... Тогда стоит за ним ухаживать, чтоб он не захирел и не погиб совсем...

Постепенно у нее окрепла надежда на возвращение отнятого виноградника. Поэтому она уже не только не препятствовала мужу, но наоборот, если он мешкал, напоминала ему, что пора идти, зачастую и сама шла вместе с ним.

Соседи, ненароком проходя мимо усадьбы Арбеладзе, не раз видели, как Ананиа укрепляет подпорки лозам, как окапывает деревья, а Гаянэ крутится подле с зажженным фонарем в руках.

* * *

Началась весенняя пахота. Гига Канчавели целыми днями до поздней ночи пропадал в полях. Сейчас, в это горячее для крестьян время, он особенно остро ощущал недостаток опыта, умения руководить людьми.

Он редко навещался туда, где колхозники пахали плугами, в надежде, что они и без него не оплошают. Его тревожили те участки, где пахота велась машинами... Куда ему деваться, как смотреть людям в глаза, если это новшество не оправдывает его надежд, окажется пустой тратой денег и трудов?

Отощавшие, обессиленные за зиму быки с трудом волокли тяжелые плуги, но крестьянам было не до жалости — быков и так не хватало, им порой и передохнуть не давали, — надо было торопиться, чтобы успеть вовремя закончить пахоту.

Много возникало мелких препятствий, помех и задержек, но Гига все же был доволен началом весенних работ. Почти все шло так, как было задумано, как предполагалось.

Самый тяжелый участок пашни достался Ананиа. Канчавели хорошо знал его характер, знал, что Ананиа Арбеладзе не умеет работать спустя рукава, потому и отвел ему этот участок.

— Вот как надо работать! — сказал как-то раз Гига колхозникам, указывая на Ананиа. — Любит он землю, потому и дело у него спорится.

Минаго воспринял эти слова так, будто Гига хулит работу его зена, и, оскорбленный, проговорил:

— Что ж, работник он хороший, ничего не скажешь, только... с душой работать надо...

— А почему ты думаешь, что он без души работает? — удивился Гига.

— Да чего уж там, и мы землю любим, — избегая прямого ответа, сказал Минаго.

— Нет, скажи мне, почему ты считаешь, что он без души работает?

— Я просто так говорю... — пытался увильнуть Минаго.

Но Гига уже не отступал.

— Нет, брат, начал, так уж говори до конца! Почему это Ананиа без души работает, к чему ж тогда у него душа лежит?

Минаго понял, что от ответа ему не отвертеться.

— К чему, к чему... А чего ради он в своем бывшем винограднике убивается?

— Как это убивается? — не понял Канчавели.

Минаго подробно рассказал ему обо всем, что знал.

— Вот так, милый человек, объясни теперь, зачем он из кожи вон лезет? — Минаго испытующе глядел на собеседника. — Какая ему нужда, а? Как ты думаешь?

Канчавели, задумавшись, опустив голову, шагал по дороге.

— Коли ты не знаешь, так я знаю! — многозначительно улыбаясь, заявил Минаго.

— А что ты знаешь? — заинтересовался Гига.

— Ты скажи мне, кто из нас так себя изводит, да еще и семью таскает колхозные участки обрабатывать, а?

— Нет, сперва скажи мне, что ты знаешь? — допытывался Гига. Его уже стал раздражать насмешливый тон Минаго. — Ну, что ж тебе известно?

— Подумаешь, как трудно догадаться!

— А все же?

— Ты и сам прекрасно понимаешь, к чему еще я буду объяснять...

— Но все же, в чем дело?

— А в том, что он все-таки надеется...

— На что надеется?

— На то, что придет время и...

— А ты почему знаешь? Он тебе что-нибудь говорил?

— Нет, ей-богу, мне ничего не говорил, но чует моя душа...

— Чует душа... — передразнил Гига и еще раз с неудовольствием повторил: — Чует... и больше ничего?

Он все ожидал, что Минаго откроет какую-то тайну, но когда услышал его догадки, похожие на доносы, с досадой махнул рукой.

На деревне Минаго в насмешку называли «вселенским судьей». На первый взгляд он казался неплохим человеком, был приветлив, гостеприимен, отзывчив; если у кого случалась беда, Минаго всегда готов был подсобить, но, несмотря на это, соседи все же предпочитали держаться от него на расстоянии. Сам Минаго считал себя совестью села. Он очень любил рассуждать о чести, о порядочности, и почти каждому выговаривал, что, мол, неправильно живет. Только те, кто стоял у власти, были для него олицетворением честности, одни они были безупречны и лишены недостатков. О них он говорил с особым уважением. На прочих смертных Минаго смотрел с подозрением, все выискивал у них темные, чуть ли не порочные стороны. И если действительно он подмечал за человеком что-либо подобное, невероятно радовался, словно совершил какое-то приятное и полезное открытие...

Рьяный защитник морали, Минаго замечал и кто как одевался, и кто что приобретал, и как взглянула девушка на парня, а потом сочинял целые небывлицы об их взаимоотношениях — благо, фантазия у него была богатая. Зачастую и сам он глубоко верил в собственные выдумки, считая их непогрешимой истиной. Слушая чью-либо беседу и не поняв, либо недослышав чего-то, он всячески старался найти в словах собеседников тайный смысл, нарочно завуалированный так, чтобы третье лицо не сумело в него проникнуть.

— Мне твои чувствования не нужны, приведи факты! — потребовал Гига.

— Так я ж сказал — Ананиа мне ничего не говорил! Из него разве слово вытянешь? Ты разве не знаешь его характер! Но я тебя спрашиваю, почему он так заботится о винопраднике? Какое ему дело до колхозного добра?

— По-твоему, коли общее, так никому и дела нет?

Минаго хихикнул.

— Да брось, бога ради! Мы ведь не чужие, чего друг перед другом прикидываться. Ну кто из нас убивается за колхозное имущество, скажи мне на милость!

— Значит, если человек о колхозе заботится, так это ему в вину мадо поставить?

— Забота заботе рознь, дорогой мой Гига. — И Минаго так укоризненно посмотрел на Канчавели, словно поймал его на какой-то серьезной ошибке. — Такая забота, ясное дело, добром не пахнет...
«Черт его побери, кажется, верно он говорит!»

И именно то, что от этого святоши он услышал нечто похожее на правду, вызвало у Гиги раздражение.

— Ничего дурного не вижу в том, что человек иной раз в свой бывший биноградник заглянет!

— Иной раз... Хи-хи! Что ж, пусть так, батано, но опять скажу: заглядывать можно по-разному!

— Ты что, запретить ему это хочешь? Почему? Портит он что-нибудь?

— Потому что... Эх, Гига, зря ведь заставляешь меня говорить. Сам лучше меня знаешь, как быть...

— Ничего я не знаю! — сухо отрезал Гига. — Человек доброе дело делает, за это ругать его? А он спросит ведь — почему, за что ругаешь? И какой я ему ответ дам?

— Какой ответ?... Поймет он, что его думки разгаданы, и сам бросит это дело... Ты должен его наставить на верный путь, твоя это обязанность!

— Уму-разуму меня учишь? Что ж, благодарю!

— Да ну, Гига!.. Не пристало мне тебя учить! Только...

— Что только?

— Я скажу, ты уж не обижайся... Видит бог, добра я тебе желаю. Не хочу, чтоб из-за Ананиа у тебя нелады были... Молод ты, зелен еще, а я... и вот, говорю тебе, не доверяйся так людям... Со всеми нужно ухоро остро держать... Ты вон и слушать не хочешь, а мир уже про то толкует...

— Знаешь, Минаго... — прервал его Гига. — Мир ты оставь в покое, так оно лучше будет... Никто ни о чем не толкует, и ты прекрати сплетничать...

— У меня душа за тебя болит, потому, а то...

— Ладно, ладно, оставь ты этого человека в покое, говорю я тебе... Ты не знаешь, почему Ананиа там работает?

— Почему? — удивился Минаго.

— Мое задание выполняет!

— Твое задание?

Минаго аж рот разинул, остановился. Гига, не глядя на него, зашагал по дороге.

— Твое задание, говоришь? — переспросил Минаго, догоняя его.

— Вот именно.

Эта мысль внезапно возникла у Гиги, и он тотчас за нее ухватился.

— Работает по моей просьбе, понял?

Минаго, растерянный и сбитый с толку, пожал плечами и пролепетал:

— Что ж, коли так... оно дело хорошее, ей-богу...

— Что, ты и в моих словах сомневаешься? — Теперь уже Гига стал наступать.

— Господь с тобой! Не сомневаюсь, конечно, просто я обрадовался, — начал оправдываться Минаго. — Оказывается, понапрасну мы его обвиняли, беднягу... Раньше сказал бы... Коли так, надо было...

— Это уж я сам лучше знаю, что надо и что не надо.. Так и скажи теперь всем, что я поручил Ананиа сделать этот участок образцовым. Потому поручил, что знал — Ананиа там больше другого постарается. И далеко ходить ему не придется, участок к самому двору прилегает.

как выпадет свободная минутка — пойдет, поработает час-другой... По-нял теперь?

— Ей-богу, мысль хорошая, — подхватил Минаго. Он старался скрыть свое смущение и уверить Гигу, что новость ему очень по душе. — Воистину, ты хорошо придумал!

— Так вот, брось теперь эти глупые разговоры... Треплешь языком, точно баба-сплетница... Почему зря честного человека порочишь...

— Клянусь богом, теперь... — Минаго от растерянности трудно было говорить. — Ей-богу, я... Гига, дорогой, я впервые это слышу и, сказать правду...

Так он ничего и не смог сказать, только руками развел.

— Значит, оставь ты Ананиа в покое... И в мои дела пусть никто не вмешивается, я лучше знаю, как мне быть...

— Конечно, конечно, ты правильно говоришь... — Минаго уже не мог глядеть ему в лицо. Он думал лишь о том, как ему выйти из неловкого положения и чем бы угодить теперь Гиге.

Некоторое время они молча вышагивали по дороге.

— Так-то оно так, — заговорил Гига, — но коли кому-то душу это скребет, я скажу Ананиа, пусть оставит виноградник.

— Почему, милый ты человек, из-за чего? — воскликнул Минаго, словно испугавшись, что Гига запретит Ананиа работать. — Он ведь твоё задание выполняет, зачем же мешать?! Ты для села добра хочешь, потому ему и поручил, это ж всякий дурак поймет. Знаешь, скажу я тебе, если б у нас больше было таких, как ты...

— Ну хватит! — махнув рукой, прервал его Гига. Потом глянул на него искоса и спросил уже другим тоном: — Тебе куда?

— Домой. Нам с тобой по пути ведь...

— Нет, я сейчас не домой... У меня еще дела там, — Гига кивнул головой в противоположную сторону и, не прощаясь, свернул на тропинку.

* * *

Беседа с Минаго испортила Гиге настроение. Ему было неприятно, что именно от Минаго пришлось узнать эту новость об Ананиа. Что там ни говори, Минаго, конечно, сказал правду.

В то же время он был обижен на Ананиа. В конце концов, чего ради Ананиа надрывается в этом несчастном винограднике? Чего ради после целого дня работы в поле, не отдыхая, идет и ночью, при свете фонаря копается в винограднике, да еще жену тащит, и оба они из сил выбиваются и сон себе разбивают. Почему Ананиа дает людям повод говорить лишнее о Гиге, да и на себя тень наводит?

Сперва, под горячую руку, Гига и вправду решил передать виноградник бывшему владельцу, чтобы он сделал его показательным участком, но потом одумался — ведь тогда, наверное, каждый того же потребует. И он решил поговорить с Ананиа, но осторожно, мягко. Иначе ничего не добьешься, только озлобишь человека, обидишь...

Гига искал случая увидеться с Ананиа наедине и поговорить с ним по душам.

И скоро ему представился такой случай: он столкнулся с Ананиа лицом к лицу на окраине села. Ананиа возвращался из леса с целым возом хвороста за спиной.

— Удивительный ты человек, клянусь богом! — с улыбкой обратился к нему Гига. — Гору хвороста на себя взвалил, головы своей не жалеешь!

Они присели на обочине дороги, закурили.

Вечерело. Солнце уже зашло за горы. Пышные облака на западе окрасились в алый цвет. Был тот час, когда всё и все жаждут тишины и покоя. Где-то на дереве суетились воробьи, устраиваясь на ночь.

«Я должен сказать», — подумал Гига.

Но как трудно ему начинать этот разговор! И вечер был такой теплый, тихий, он принес с собой какое-то умиротворение и располагал лишь к душевной беседе.

Они молча сидели и курили.

— Вчера хотел я тебя повидать, но потом подумал, что... — осторожно начал Гига.

— А что такое? — спокойно спросил Ананиа.

— Да нет, ничего, просто маленькое дело было...

— Почему ж ты меня не позвал?

— Сказали мне, что ты в своем старом винограднике работаешь, и... решил не беспокоить тебя...

Ананиа глубоко затянулся. На миг он, казалось, замер. Потом окинул собеседника испытующим взглядом и глухо проговорил:

— Верно, огораживал я виноградник... Чтобы козы не забрались. Обдерут лозы, деревья, попортят все...

— Дело хорошее... — одобрил Гига.

Ананиа уставился в землю.

— Дело хорошее, — повторил Гига спокойно. — Хотя бы все так болели за колхозное добро, как ты...

Ананиа ковырнул пальцем землю, выковырял камешек, покрутил его, подкинул.

— Гаянэ тоже с тобой работала?

Ананиа, помедлив, утвердительно кивнул.

— Кажется, и мальчики тоже? — Гига с улыбкой посмотрел на него.

Ананиа, заметив улыбку, сразу насторожился.

— Нет, моих мальчиков ноги там не было...

В его тоне Гига почувствовал раздражение. Ему это не понравилось. И поняв, что обиняками и намеками ничего путного он не добьется, сказал напрямик:

— Напрасно ты это делаешь...

Ананиа весь напрягся.

— Почему напрасно? — помедлив, спросил он.

— Не твое это дело, — холодно проговорил Гига.

Ананиа почувствовал этот холод. Он не мог разобраться, в чем тут суть, но понял, что Гига неспроста затеял весь этот разговор.

Скрыв волнение, спросил:

— А что же здесь плохого? Я ведь не днем хожу, ночью... свою работу честно выполняю, ты ведь знаешь...

Гига вдруг спросил:

— Зачем ты это делаешь? Поручил тебе кто-нибудь? — И он так пристально посмотрел Ананиа в глаза, словно в самую душу хотел заглянуть. — Никто ничего не поручал, что же тебя заставляет?

— Я только присматриваю, чтоб ни одичал он совсем... больше ничего.

— А люди говорят, у тебя другое на уме...

Ананиа удивленно посмотрел на Гигу.

— Понят, что я тебе говорю?

— Что у меня на уме, это мое дело, оно никого не касается...

— Вот я и хочу знать, что у тебя на уме!

— Я тебе сказал, а уж ты сам знаешь — хочешь, суди меня, хочешь...

Гигу кольнули его слова.

— Никто не собирается тебя судить... И не к лицу тебе так говорить.

Анания молча сидел, сжимая в пальцах камень. Потом бросил камень на землю и уставился на него.

Гига чувствовал, что разговор не удался. Он любил Анания и сожалел, что своей неуклюжестью обидел его.

Так он думал, но, открыв рот, заговорил все тем же тоном.

— Я думал, ты будешь со мной откровенен, — укоризненно сказал он. — Я считаю тебя честным человеком и ожидал честного ответа...

— А что нечестного я тебе сказал? Что? — Анания вдруг повысил голос. — Я простой человек, необразованный, столько, сколько ты, не смыслю, но нечестным никогда не был и не буду! Не буду, Гига! И ты сам это хорошо знаешь!

Гига никогда не видел его таким взволнованным. Удивленно смотрел он на него и терпеливо слушал, не прерывая.

— Скрывать мне нечего... Да, я ходил работать в виноградник... И жена моя вместе со мной ходила... Почему ночью, да? Да потому, что другого времени у меня не было, а скрываться мне незачем... Дети туда не ходили... Оттуда ни я, ни мои дети ни одного зернышка не ждем... Просто не могли мои глаза смотреть, как все там дичало и гибло... Не выдержало проклятое сердце... Привел я лозы в христианский вид, оживил их... Да если б не рядом с моим домом, я бы, может, и не заглянул туда. Нет, конечно, не заглянул бы! Но что мне делать, не могу же я перенести свой дом в другое место... Видит бог, ничего другого у меня ни на уме, ни в сердце нет и не было.

Он тяжело поднялся.

— Оказывается, глупый я человек... Думал, доброе дело делаю... Ан нет, еще меня же в чем-то обвиняют! Что ж, воля ваша, чего нельзя, того нельзя. Не хочу я людей против себя подымать... Но ты-то знай, что ничего другого я и в мыслях не имел!

И, вскинув на спину хворост, Анания, не прощаясь, зашагал прочь.

Уже смеркалось, когда Анания вошел во двор. Гаянэ, привязав корову к столбу, доила ее. Теленок, тоже привязанный, крутился возле и все тянулся к вымени.

— Бога ради, придержи этого проклятого, — попросила мужа Гаянэ. — Житья мне от него не стало, корову совсем с ума свел.

Анания ухватил теленка за уши и притянул к себе. Корова успокоилась. В тишине было слышно, как звонкой струйкой лилось молоко в глиняный кувшин.

После ужина Анания, как всегда, усадил рядом детей, но пения в этот вечер не было. Он молчал, изредка поглаживал курчавые головы сыновей — так нежно, словно касался больного места. Долго они так сидели.

— Ну хватит, оставь детей в покое, не видишь, глаза у них совсем слипаются, — откуда-то издали донесся до него голос жены.

Когда дети улеглись спать, Гаянэ сняла со стены фонарь.

— Не нужно, — сказал Анания, качнув головой.

Гаянэ с удивлением воззрилась на мужа.

— Не пойдем? Почему?
— Делай, что говорю! — громко, обозлившись, что пришлось пов-
торять, произнес Анания.

— Ладно, не рычи! — огрызнулась и Гаянэ. — Почем я знаю, утром ты говорил, что хворост для плетня принесешь...

— Ну и принес, и брось его куда-нибудь! Не нужен он мне.

Он с неохотой направился к постели. Лег, повернулся лицом к стене.

Гаянэ смекнула что у Анания что-то неладное произошло. Она не осмелилась его расспрашивать, хоть ей не терпелось узнать, в чем же дело. Некоторое время она что-то прибирала, суетилась по комнате, потом погасила лампу и тоже улеглась спать.

Прислушиваясь к дыханию мужа, она поняла, что сон бродит очень уж далеко от него.

IV

На траве, под платаном Анания расстелил для починки рыбацью сеть. К вечеру он собирался на рыбалку.

Дети с самого утра пребывали в радостном возбуждении. Сегодняшний день был для них чем-то вроде праздника. До заката солнца им можно плескаться в реке, а к вечеру приедет Како. И на ужин у них будет свежая рыба, мама часть ее отварит, а часть изжарит в кеци,¹ как любит отец.

Для наловленной рыбы обычно несли на реку котел. Илья заранее знал, что Севарион и на этот раз не уступит брату, сам потащит котел. А почему? Почему именно Севарион должен нести котел? Потому, что он ростом выше и сил у него больше? Потому он должен помыкать младшим братом, да? Ну что случится, если он один раз, всего только один раз уступит ему, Илье, котел! На обратном пути Илья и сам того не захочет. Наполненный рыбой, котел будет такой тяжелый, что Илья его и не подымет. Полный котел и Севариону не разрешают тащить, отец сам его несет, но отсюда-то, из дому, он будет пустой?

Илья решил схитрить. Он незаметно вынес его из дому и спрятал в уголке подле марани. Когда он крался к марани с котлом, за ним увязался щенок. Илья любил обычно бегать взапуски с Пацурой, но на этот раз ему было не до собачьих забав. Поди-ка, растолкуй этому безмозглому созданию, что человек прячется и не желает, чтоб кто-нибудь открыл его убежище! Щенку, настроенному весьма игриво, нет никакого дела до того, в каком настроении его хозяин. Ему хватит лишь незначительного предложения, чтобы вовсе разыграться и расшалиться. Безусловно, он решил, что Илья затевает с ним какую-то игру. Он остановился неподалеку, замер на месте и выжидающим взглядом уставился на Илью — вот-вот друг подаст знак и начнется веселая возня. Щенок пока еще не издавал ни звука, но по тому, как он вертел хвостом, видно было, что терпение его вот-вот лопнет.

Илья, видя это, трепетал, что Пацура с секунды на секунду его выдаст. Прогнать его он не решался, только пальцем грозил, надеясь этим его образумить.

Пацура терпел, терпел, ждал, ждал, но, увидев, что ожиданию нет конца, стал прыгать, и вдруг, будто назло, залился звонким лаем. Тут уж Илья разозлился, схватил камень и, нацелившись, швырнул его в щенка. Тот перестал лаять, — то ли от боли, то ли от обиды, — и жа-

¹ Кеци — глиняная сковородка.

лобно скуля, затрусил к дому. Илья был убит — теперь уж Севарион с легкостью его обнаружит. И тогда — прощай, не видать ему котла!

Растерянный, испуганный, притаился он в укромном уголке и ждал, что вот сейчас предстанет перед ним разгневанный брат. Но время шло, а никто не появлялся.

Он долго не рисковал выйти из своего тайника; сидел, боясь дышать, и глядел по сторонам.

Знойное августовское солнце палило землю. Неумолчно звенели цикады. Вдали на пологом склоне желтело кукурузное поле. Над горой повисло плотное облако, удивительно чистое, ярко-белое. Оно, казалось, прилипло к небу, но если посмотреть на него долго, можно было заметить, что оно медленно меняет свой облик. Вот сейчас оно походит на коня, который, вздыбившись и вытянув шею, готовится прыгнуть в бездонную синеву неба. А теперь это уже не конь, а замок. Потом облако обратилось в громадного человека, который, распростерши руки, смотрит с недостигаемой высоты на землю...

Илья не отрываясь глядел на небо, увлеченный переменчивой игрой белого облака, и чуть не забыл, почему он здесь прячется и о чем волнуется. Нет, на этот раз его желание исполнится! Сегодня такой хороший день, Севарион не может не уважить просьбу младшего брата...

Но тем не менее Илья со страхом выбрался из своего тайника и, опасливо поглядывая по сторонам, зашагал по двору. Отец все еще чинил сеть. Брат примостился подле и помогал ему. Илья приблизился к ним и, заметив, что они не обращают на него никакого внимания, успокоился. Он присел неподалеку на траве.

— Где ты пропадаешь, помочь мне не хочешь? Э-э, не годится так, парень! — По тону отца Илья понял, что он шутит. — Кто ленится, остается без ужина. Правильно я говорю, Севарион? А, что скажешь?

— Ну конечно, — с жаром подхватил Севарион. — Этот барин только на готовенькое горазд!

— Если он очень уж обидится, дадим ему только бельчуга и хватит с него! А? Одного маленького бельчуга, с палец величиной!

— Он и этого не заслужил! — возразил Севарион.

— Что же, мы кушать будем, а он нам в рот смотреть? — засмеялся Ананиа. — Жалко беднягу!

— Дармоедам ничего не полагается! — безжалостно настаивал Севарион.

— А тебя никто и не спрашивает! — выпалил Илья и, неожиданно бросившись брату в ноги, свалил его на землю.

Такого оборота он и сам не ожидал и порядком струхнул. Теперь уж Севарион его не пощадит! И в поисках защиты мальчик кинулся к отцу.

Ананиа от души хохотал, глядя на ребят, и, чтобы примирить их, подхватил на руки сначала старшего, подкинул его в воздух, потом младшего.

— Ну, дадим ему один тощий рыбий хвостик, а? Пожертвуем один рыбий хвостик, не то наш богатырь всех перебьет! — басил Ананиа, хохоча и подкидывая на своих сильных руках то одного то второго сына.

— Один хвост! Один хвост! — визжал Илья.

— Дадим! Дадим! — заливаясь смехом, кричал и Севарион, уже забыв о мести.

Ласка отца непривычна была детям и, обрадованные, они наперебой обнимали его.

— Ну, ладно, ладно, задушите меня, разбойники! — говорил Ананиа. Он делал вид, что хочет высвободиться из их объятий, а на самом

деле еще крепче прижимал сыновей к груди, испытывая радость и нежность к ним.

И когда он в последний раз подкинул в воздухе Илью, до слуха его донеслись отдаленные голоса не то спорящих, не то ссорящихся мужчин. Он опустил сына на землю и прислушался.

Улыбка постепенно сходила с лица Ананиа. Дети, удивленные внезапной переменой в его настроении, притихли.

На балконе появилась Гаянэ, сделала Ананиа какой-то знак рукой и сама торопливо засеменила к нему.

— В чем дело, что случилось? — Ананиа вопросительно смотрел на жену.

— Люди там! — Гаянэ махнула рукой в сторону виноградника. — Мне показалось, Гига тоже с ними...

— Ну и что же? — глухо спросил Ананиа.

— Ходят, осматривают, вымеряют что-то... — у Гаянэ дрожал голос.

Ананиа повернулся спиной к жене, нагнулся за сетью.

— Слышишь, что я говорю? — раздраженно сказала Гаянэ.

— Это не наше дело! — предостерегающе подняв руку, проговорил Ананиа. — Наверно, понадобилось, вот и пришли.

Он сказал это очень спокойно. Гаянэ никак не ожидала, что муж так хладнокровно встретит это известие.

Несколько минут стояла она, размышляя над всем этим. Нет, если говорить по совести, Ананиа прав... В конце концов, какое ему, Ананиа, дело, что они там суетятся... Место ведь это общее, колхозу принадлежит, как нужно будет, так и сделают.

С тех пор, как Ананиа перестал работать в винограднике, прошло много времени. Было это весной, а нынче уж и лето на исходе, а участок все остается заброшенным и о строительстве дороги — ни слуху, ни духу. Гаянэ казалось это хорошим признаком. Авось да раздумали и вернут-таки виноградник законному владельцу. В этих своих мыслях она даже мужу не смела открыться.

Так думала она до сего дня. И вдруг — точно гром среди ясного неба — чужие люди по-хозяйски вошли в виноградник и начали там распоряжаться. С первого же мгновения, как она увидела это, сердце у нее прямо зануло.

— Конечно, попусту они бы не пришли, — тихо, словно про себя, проговорила Гаянэ.

Ананиа, казалось, не слышал.

— Слушай, заглянул бы ты, что ли, туда... узнал бы, чего ради столько народу толчется... — уже громче и смелее сказала Гаянэ.

— Разве тебе сказали — позови Ананиа? — сурово глянул он на жену.

Гаянэ промолчала.

— Saidali — пусть он придет?

Ответа опять не последовало.

— Видишь, значит, я там не нужен... Нас это не касается. И ты туда не вздумай соваться, поняла? Вот как!

Он спокойно продолжал штопать сеть. Но почему-то пальцы ему плохо повиновались, веревка стала путаться...

Кое-как дочинил он сеть и поднялся на ноги.

— Ну, соколы мои, как дела? — обратился он к детям. — Идем, что ль, на реку?

Мальчики все это время сидели притихшие, присмирившие. Услышав слова отца, они разом встрепенулись, повеселели.

— А чей сегодня черед котел тащить? — спросил Анания. — Но только без драки, — он улыбнулся, — кто первый возьмет котел, тому и нести!

Илья в мгновение ока очутился возле марани и вытащил котел.

— Гляди, куда он его запрятал! — изумился Севарион. — И как это он ухитрился, прохвост!

Он кинулся к Илье, хотел отнять у него котел, но отец остановил его.

Ободренный поддержкой отца, Илья торжествующе размахивал котлом и корчил брату рожи. Севарион разрывался от злости, но, послушный отцовскому запрету, ограничивался лишь угрозами:

— Я тебе покажу, погоди! Попадешься мне в руки! Уж ты у меня заплачешь!

— Да ладно, оставь его! — со смехом сказал Севариону отец. — Перехитрил он тебя, ничего уж не поделаешь!

Гаянэ, наблюдая за мужем, возмутилась его беспечностью:

— До смеха тебе теперь? Смейся, смейся, радуйся! Только так и знай — деревья тоже рубят! От ветра спасу не будет, хоть об этом подумай!

— А что, по-твоему, я должен делать? — по лицу Анания скользнула печальная, покорная улыбка. — Или тебе хочется, чтоб я обязательно своими глазами все увидел? Пожалуйста, если от этого что-нибудь изменится, я готов...

Он отряхнул полы ахалуха¹ и направился к калитке.

В винограднике собралось не так уж много народу, тем не менее на бывшего владельца его никто внимания не обратил. Увидев, что в тени, под деревьями отдыхают Ангия и Ивлианэ, Анания тоже подсел к ним, огляделся. Отсюда хорошо было видно все, что происходит вокруг.

Работы по строительству дороги оказалось гораздо больше, чем предполагали. Дело осложнялось тем, что никак не могли окончательно решить, с какого конца прокладывать дорогу. Начинали с одного какого-нибудь места, потом бросали, потому что выяснялось, что вог там, правее или левее, будет намного лучше, или почва оказывалась чересчур каменистой. Наконец решили, что лучше всего вести дорогу по прямой, вниз по косогору. Казалось, все уже хорошо, однако и тут не обошлось без препятствий. На косогоре, как раз там, где должна была пройти дорога, стояла огромнейшая липа. Ее необходимо было срубить. Старое дерево с раскидистой кроной возвышалось подобно зеленому утесу. Липа издавна считалась красой и гордостью всей деревни. Жаль было ее рубить. Долго судили да рядили, прикидывали и так и эдак, стараясь как-нибудь сохранить зеленого исполина. Но так ничего и не придумали — судьба липы решилась.

Для рубки дерева выбрали дюжих парней. Они с таким жаром стали махать топорами, словно боялись хоть на секунду задумать-ея над тем, что делают. Топор часто отскакивал от крепкого, как камень, тела дерева, и тогда слышно было, как звенит сталь.

Уставших рубщиков сменяла свежая бригада, те тоже начинали с азартом, но дело продвигалось медленно. Вокруг липы росла грудa щепок, топор все глубже вонзался в могучий ствол, а липа стояла так же величаво в своем пышном зеленом уборе.

Те, кому приходил черед отдыхать, усаживались в тени. Сидели.

¹ А х а л у х — одежда, часть грузинского национального костюма.

курили, утоляли жажду фруктами, которые, не вставая с места, легко сбивали палками с низко склонившихся ветвей.

— Пусть земля пухом будем тому, кто вас здесь сажал! — сказал молодой светловолосый парень, с жадностью надкусывая сочную спелую грушу. — Вот это груша, всем грушам груша!

Ананиа с сожалением глядел на фруктовые деревья, высаженные по краям виноградника... Через два-три часа все их срубят. А ведь многие из них связаны с особо памятными днями... Вот персик, посаженный в день крестин Севариона. Он не дает уже столько плодов, сколько раньше, — постарел что ли, — но зато какие они ароматные, сладкие и сочные. У старой кехуры¹ образовалось дупло, но ветви ее все так же раскидисты. В ее тени любил сживать еще старый Датиа...

— Берегись! Берегись! — раздались испуганные возгласы.

Кому-то показалось, что дерево качнулось.

Стук топора, который до сих пор со свистом рассекал воздух, прекратился.

Рубщики отпрянули и разбежались в разные стороны.

И те, кто сидел поблизости от липы, тоже поднялись, отошли подальше. Но липа стояла недвижно, как обычно, и только кудрявая крона ее чуть заметно колыхалась под дыханием ветерка.

Глядели, ждали... Наконец решили, что липа все еще крепко стоит и не собирается падать. Светловолосый рубщик первым рискнул приблизиться к дереву, и снова раздались глухие удары топора. По быстроте движений парня заметно было, что он все же трусит.

Вдруг несколько голосов, слившись воедино, прозвучали в напряженной тишине. Теперь уж все увидели, как дрогнул и качнулся могучий ствол. На несколько секунд дерево замерло в неподвижности, затем полегло и разом, едва лишь раздался треск надрубленного тела его, с грохотом грянуло оземь, взметая мелкие щепки.

Над северным краем виноградника, скрытое липой, засияло небо, вдали, на горизонте, показалась синяя гора.

Дерево упало в том направлении, в каком и ожидали рубщики. Светловолосый парень, оказавшийся смелее всех, отирал потное лицо и что-то возбужденно говорил товарищам, сгрудившимся вокруг него. Видно было, что он не только очень устал, но и очень взволнован. Каждый раз, когда он смотрел на ствол липы, распростертой перед ним, изумление вспыхивало в его глазах. Словно не верилось ему, что это его руки повалили старого богатыря.

Ананиа издали молча глядел на дерево, которое, рухнув на землю, распростерлось до самой середины виноградника. На верхних ветках липы в последний раз трепетали и шептали что-то листья. Ему было жаль липу. Но гораздо сильнее жалости было чувство удивления — совершенно неправдоподобным казалось Ананиа, что гигантское дерево срублено, повергнуто.

— Что, жалко? — послышался позади чей-то голос.

Когда он повернулся, увидел Минаго.

— Ясно жалко, а как же... — ответил он, принимая слова Минаго за выражение участия.

— Мне не меньше твоего жалко, да что поделаешь...

— Что поделаешь... — безотчетно повторил за ним Ананиа и добавил: — А вообще это не мое дело... Как считают нужным, так, значит, и должно быть.

И он не спеша направился к дому.

¹ Кехура — сорт яблок.

Ананиа сделал всего несколько шагов, как вдруг снова раздался стук топора.

Он обернулся.

Теперь рубили яблоню. И Минаго с топором в руке примеривался ко второй яблоне, тихо приговаривая ругательства.

— Тупой твой топор, как сам хозяин! — смеялись вокруг. — Не топор, а пест от ступки!

Ананиа вмиг очутился подле Минаго.

— Дай сюда! Коли не умеешь, пусти, я сам!

От Минаго не укрылось раздражение, прозвучавшее в голосе Ананиа.

— Чего ты на меня взъелся? — огрызнулся Минаго. — Какая муха тебя укусила?

— А что ты колупаешь дерево, зря только мучаешь! Слышишь, что говорю?!

Минаго с улыбкой посмотрел на него.

— А тебе как будет угодно? Чтоб я его поцеловал, да? — будто шутя, спросил он. Но шутка получилась слишком злая. — Я-то знаю, за что ты глотку дерешь. Чего ж мешкаешь, иди, собери фрукты, отнеси своим птенцам, никто тебе не мешает. А меня оставь в покое, так лучше будет. Отстань от меня!

Никто не ожидал того, что произошло после слов Минаго. Ананиа выхватил у него топор и замахнулся. Но кто-то изловчился и в тот момент, когда топор был уже над самой головой Минаго, схватился рукой за топорницу. Удар утратил силу, но край лезвия скользнул-таки по лбу Минаго и рассек ему бровь.

Ананиа опомнился лишь тогда, когда услышал крики. И в это же мгновение он увидел на земле, под деревом, неподвижное тело человека. Вокруг шумела толпа. Люди кричали, к кому-то зывали о помощи. И Гаянэ тоже была в этой толпе.

— Что ты натворил? Человека убил? Убил человека? — пронзительно кричала она и царапала себе лицо. — И себя погубил и нас? Как же ты его убил, изувер такой, нехристь, креста на тебе нет!

Ананиа стоял как вкопанный. Неподвижный взгляд его устремлен был в одну точку, но глаза ничего не видели.

V

В день суда над Ананиа Гаянэ чуть свет пришла в районный центр. Двери суда были закрыты. Она постояла немного, потом присела на ступеньку лестницы. Измученная бессонной ночью, уставшая с дороги, она тупо огляделась вокруг. Маленький городок все еще объят был сном. Кирпичные двухэтажные дома казались покинутыми, нежилыми. Откуда-то появилась мохнатая овчарка, потянулась, помахав хвостом, и, прихрамывая, затрусилась по безлюдной улице. В тишине громко чирикали воробьи. Стайкой слетели они с крыши и устремились на водопой — к большой луже, оставшейся после вчерашнего дождя; потом взлетели и рассыпались в разные стороны. Далеко на бледном утреннем небе синел горный кряж, окутанный дымкой тумана.

Гаянэ прислонилась к перилам и задремала было, но тотчас открыла глаза. Ей послышался знакомый голос. В короткие две-три минуты привиделось что-то вроде сна. Нет, это было как наяву — будто кто-то стал перед ней и позвал ее... А когда она, вздрогнув, открыла глаза и осмотрелась, никого вокруг не было. Тишина — и молчаливые, будто вы-

мершие дома. В это серое утро все выглядело призрачным, туманным, ненастоящим.

Что уготовано ей в этот день?

Вдруг в доме наискось со стуком распахнулось окно. На улице появилась старуха с медным кувшином в руках. На балкон одного из домов выбежали ребятишки в рубашках, Гаянэ услышала их смех. Со скрипом растворились ставни какого-то магазинчика. У хлебной лавки уже столпились покупатели. На столбе посреди площади захрипел, закашлял репродуктор, и над крышами городка поплыли звуки духового оркестра.

Солнце поднялось уже высоко, когда, наконец, распахнулись двери суда. Гаянэ торопливо прошла темный узкий коридор и очутилась в просторном светлом зале. Зал был пуст. Гаянэ несколько раз пересаживалась с места на место и в конце концов выбрала переднюю скамью, напротив которой на возвышении стоял судейский стол.

Воздух в зале был спертый, тяжелый.

Вошел щуплый старичок — видать, сторож. Бормоча что-то себе под нос, открыл окна, провел тряпкой по красной ткани, покрывающей стол.

— А ты кто такая будешь? Зачем пожаловала? — спросил он Гаянэ и, хоть солнца в комнате не было, почему-то приставил ко лбу ладонь.

Гаянэ, робея, объяснила ему, зачем она сюда пришла.

— Кто же тебе сказал на эту скамью садиться? Али не знаешь — место подсудимого там, — наставительно сказал сторож.

Гаянэ молча встала со скамьи. Она даже обрадовалась, что этот хмурый человек заставил ее подняться. По крайней мере она теперь знает, куда посадят Ананиа. А себе она подыскала такое местечко, откуда прекрасно будет виден Ананиа, но сторож и там не разрешил ей сидеть и вообще велел, чтоб она ушла отсюда. Женщина покорно вышла в коридор и остановилась у стены.

Долго стояла Гаянэ в гулкой тишине темного коридора. И казалось ей, что она оторвана от всего мира, — мир остался там, по ту сторону этого коридора, за дверьми этого здания, а она, Гаянэ, очутилась где-то в пустоте, повернутая в безнадежность и одиночество... Сегодня даже Како, столп и надежда семьи, отвернулся от нее и не пришел...

Наконец снаружи послышались голоса, и в начале коридора показались несколько человек. Они прошли мимо Гаянэ, не заметив ее. Потом появились соседи, вызванные, наверно, как свидетели. Среди них она увидела Гигу и Дэсико. При виде их у Гаянэ мелькнула дерзкая мысль: а что, если подойти сейчас к Дэсико и попросить ее — пусть она уговорит брата представить Ананиа суду хорошим, честным человеком... Дэсико была такая красивая в розовом платье, у нее было такое доброе лицо, что Гаянэ подумала — очень легко обратиться к ней с этой просьбой... Ясно, что девушка, наделенная такой красотой и добрым сердцем, сумеет умолить брата...

Зал постепенно заполнялся народом. Она тоже собралась туда войти, как вдруг в конце коридора показался Ананиа. Его вели тюремные сторожа.

Ананиа тоже увидел жену. Окинул ее быстрым взглядом, прошел мимо, не останавливаясь. Когда он был уже у дверей, Гаянэ бросилась за ним и, поравнявшись, тихо сказала:

— Тебе ничего не нужно? Может, надо кого-нибудь повидать, так я...

Ананиа, казалось, и не слышал. С низко опущенной головой, не

взглянув даже на жену, он пересек зал и остановился, где ему указали конвойные.

На том месте, которое еще заранее облюбовала Гаянэ, уселся какой-то мужчина. Она бесцеремонно потеснила его и села сама.

Гаянэ глаз не сводила с мужа. Анания был в своей парадной серой чохе, которую Гаянэ принесла ему в тюрьму. Эту чоху он надевал в праздничные дни или когда отправлялся куда-нибудь в гости, словом, лишь в торжественных случаях.

Серая чоха возвращала Гаянэ к далеким счастливым временам... Ей даже стало казаться, будто муж был не подсудимым, а все тем же уважаемым человеком, о котором никто и подумать не мог без должного почтения. У Анания аккуратно причесаны были волосы и закручены усы, и Гаянэ приятно было это видеть. Ей казалось, что он чувствует себя спокойно, уверенно.

От долгого пребывания в закрытом помещении Анания заметно побледнел, но, как считала Гаянэ, именно эта бледность придавала мужу особую красоту... Когда глядишь на такого красивого человека, невозможно не испытывать к нему почтения... Судьи, вероятно, тоже посмотрят на него добрыми глазами и будут милосердны...

Гаянэ читала спокойствие на лице мужа. Он, как всегда, прочно, тяжело сидел на стуле, чуть подавшись вперед, задумчивый, молчаливый... Ну да, совсем как дома... Нет, Анания нисколько не изменился!

И чем больше Гаянэ глядела на него, тем легче становилось у нее на сердце. Если еще вчера она в отчаянии ставила крест на его судьбу, сейчас в душе ее затеплилась какая-то надежда. Сердце женщины никак не мирилось с мыслью, что Анания, ее мужа и отца ее детей, возможно оторвать, отторгнуть от собственной семьи.

В зале стоял гул. Гаянэ была убеждена, что все говорят только об Анания. Она оглянулась разок и встретила глазами с Дэсико. Девушка перехватила ее тревожный взгляд, чуть заметно кивнула ей, даже улыбнулась. Гаянэ опешила от неожиданности и тотчас отвернулась. У нее не хватило смелости еще раз взглянуть на Дэсико, она закрыла лицо головным платком и расплакалась. Улыбка Дэсико не только не обрадовала, но вконец расстроила ее. Гаянэ снова вспомнила все, что произошло месяц назад, и почувствовала себя еще более одинокой и несчастной, чем утром.

Внезапно гул в зале прекратился и воцарилась тишина. Какой-то мужчина крикнул хриплым голосом:

— Встать! Суд идет!

Гаянэ услышала скрип скамей и почувствовала, как кто-то осторожно тронул ее за плечо. Она оглянулась и, увидев, что все стоят на ногах, тоже встала.

Сквозь туман, застилавший глаза, она увидела, как из смежной комнаты в зал один за другим вошли какие-то незнакомые мужчины и направились к столу. Не разумом, скорее сердцем, поняла, кто они. Поспешно поправила платок на голове, осушила мокрое от слез лицо — и первый, кого она ясно увидела после этого, был опять-таки Анания. Он постоял еще немного и подождал, пока все уселись, потом тоже сел — как всегда спокойно, неторопливо, тяжело.

Человек, который выкрикнул «суд идет!», сперва рылся в каких-то толстых папках, потом, по знаку судьи, начал читать вслух. Долго читал он своим хриплым голосом, порой с каким-то присвистом, читал торопливо, проглатывая целые слова.

Гаянэ напряженно слушала. Многое было непонятно, но главное

она все же уловила. Бумага подробно рассказывала о том, что произошло в винограднике в тот роковой день.

Она слушала и часто повторяла про себя: «Да, да, верно! Так оно и было... Что правда, то правда...»

Судьи сидели молча, с равнодушными лицами, и Гаянэ порой казалась, что их и вовсе не интересует, что написано в этих бумагах. Они ничем не проявляли ни волнения, ни одобрения, ни неудовольствия. Судьи были бесстрастны.

Наконец кипа бумаги истаяла, чтение закончилось. После краткого молчания тот из судей, который сидел посередине, посмотрел в сторону Ананиа:

— Подсудимый Ананиа Арбеладзе...

Ананиа встал, как только услышал свое имя.

— ...доложите суду, считаете ли вы себя виновным в предъявленном к вам обвинении?

Ананиа, не задумываясь, ответил, что считает себя виновным, и до-
бавил:

— Сказать правду, я и не помню, как оно все случилось. — Его низкий густой голос глухо прозвучал в зале. — Видит бог, не хотел я совершать злого дела... Очнулся, когда крики услышал, и увидел, что Минаго Лекишвили на земле лежит... Топором я, несчастный, его уда-
рил...

«Все правильно!» — мысленно подтвердила Гаянэ, и ей показалось, что правдивые слова мужа произвели хорошее впечатление на судей.

До того, как началось заседание, Гаянэ иначе представляла себе судей. Конечно, и они — люди, но все же совсем другие, особенные... Ясно, что те, кому доверено решать судьбу человека, должны сильно отличаться от множества себе подобных... И теперь, когда она воочию увидела их, услышала, как они обыкновенно, просто и спокойно разговаривают, как уважительно обращаются к Ананиа, в сердце ее стала крепнуть надежда, что этот день может не так уж плохо кончиться.

Ананиа почти слово в слово повторил суду свои показания, которые он дал на следствии. Голос мужа, поначалу такой взволнованный, постепенно окреп, и под конец Гаянэ услышала его таким, каким привыкла слышать на протяжении долгих лет — низким, густым, но всегда твердым и убедительным. Она слушала Ананиа и все подтверждала про себя: «Да, да... воистину! Верно ты говоришь!.. Да разве возможно иначе, кто слышал, чтоб Ананиа — и вдруг ложь!»

Много разговаривать Ананиа и раньше не любил. Откроет рот, так уж самое необходимое скажет. Коротко, определенно. И сейчас он был немногословен. Отвечал судье, обвинителю и своему защитнику так, словно и не хотел ничего говорить. Гаянэ даже зло брало на мужа... Что ему, языком трудно шевелить или не хочет оправдываться? Хотя бы Гаянэ поручили вместо него отвечать! Если б ей это разрешили, уж будьте уверены, она рассказала бы все куда лучше Ананиа, обстоятельно, с толком... Ведь этим она и судьям бы дело облегчила, им не пришлось бы столько времени попусту терять и обливаться потом в этом душном зале...

Показания свидетелей не дали ничего нового. Все рассказывали одно и то же, в один голос подтверждая виновность Ананиа. Говорили и о том, каким соседом был Ананиа, на каком счету был в колхозе.

Они не сказали ничего дурного, Гаянэ не могла не признать этого, но все-таки она считала, что соседи слишком сдержанно характеризуют ее мужа. Нет, придаться ей было решительно не к чему, но все же...

Да и судьи слушали свидетелей слишком уж безучастно — и тогда, когда Ананиа хвалили, и тогда, когда подтверждали его вину.

Но вот обвинитель по-настоящему раздражал Гаянэ. Этот человек, который сначала показался ей много добрее защитника, — ведь у него была такая хорошая улыбка, — этот человек ковырялся в тысячах мелочей и покоя не давал свидетелям. Как казалось Гаянэ, он старался обвинить Ананиа еще в каких-то грехах.

Дольше всех судьи допрашивали Канчавели. Гига подробно рассказал все, что произошло в тот злосчастный день. Когда он, закончив показания, повернулся, чтобы пройти на свое место, обвинитель вдруг остановил его.

Обвинитель: — Вы в тот период были председателем колхоза?

Гига: — Да, я.

Обвинитель: — Сознавали ли вы, какое высокое доверие оказали вам партия, народ, выдвинув вас на этот пост?

Гига: — Я думаю, очень большое доверие.

Обвинитель: — Итак, вы признавали, что руководить колхозом — весьма ответственная и почетная обязанность?

Гига: — Сознавал и всегда старался честно выполнять свой долг.

Обвинитель: — Были ли вы заинтересованы в том, чтобы наряду с чисто практической работой повышался и идейно-политический уровень колхозников?

Гига: — Конечно! Ведь это очень важно для каждого руководителя!

Обвинитель: — А почему же вы поощряли частнособственнические инстинкты, проявляемые некоторыми неустойчивыми элементами?

Гига не понял, о чем его спрашивают. Слово «инстинкт» было ему незнакомо, и обвинитель оказался вынужденным облечь свою мысль в более простые и доступные слова.

Обвинитель: — Теперь, надеюсь, вам понятно?

Гига: — Да, теперь понятно, но... Должен сказать, что я никогда не поощрял эти чувства. Такого факта, уважаемый товарищ обвинитель, не было, и никто не может меня в том уличить.

Обвинитель: — А почему же вы разрешили обвиняемому Ананиа Арбеладзе работать в бывшем его винограднике, да еще ночью, тайком от соседей?

Гига: — Этого я ему не разрешал. Да и он меня о том не просил.

Обвинитель: — Помните ли вы беседу, которая состоялась у вас с Минаго Лекишвили?

Гига не сразу сообразил, о какой беседе идет речь. Обвинитель напомнил ему и добавил:

— Предупреждал ли вас Минаго Лекишвили, что Ананиа Арбеладзе ночами работает на колхозном участке?

Гига: — Это да... верно, Минаго первый сказал мне об этом.

Обвинитель: — И что же вы ему ответили?

Гига: — Ну, что ответил...

Он замаялся, отвел взгляд в сторону.

Обвинитель: — Позвольте, я вам напомню. Вы сказали, что сами поручили Ананиа сделать участок образцовым. Было так или нет?

Гига: — Да, было.

Обвинитель: — Итак, вы сказали неправду, что, мол, впервые услышали об этом от Минаго?

Гига: — Нет, я сказал правду.

Обвинитель: — Но как же тогда совместить то, что вы сказали Ле-

кишвили, с вашим утверждением, что вы, якобы, впервые узнали обо всем от него же, Лекишвили?

Гига: — Я, знаете... Я нарочно сказал тогда Минаго, что Арбеладзе по моему поручению работает на участке.

Обвинитель: — Нарочно? А зачем вам это понадобилось?

Гига: — Я, как узнал про Ананиа, решил поговорить с ним с глазу на глаз. А Минаго я сказал неправду, потому что не хотел, чтобы по селу толки шли и на Ананиа зря тень ложилась. Я так подумал: силой и угрозами действовать не следует, лучше я добрым словом его возьму. И вправду, с того дня, как мы с Ананиа поговорили, ноги его в винограднике больше не было.

Обвинитель: — Вы вообще склонны к либеральной политике, не так ли?

Слово «либеральная» тоже оказалось непонятным для Гиги. Обвинителю опять пришлось разъяснять свою мысль.

Гига: — Иначе я не мог, потому как всегда уважал соседей. Ведь они честно трудятся в колхозе, зачем же мне было их обижать.

Обвинитель: — И вам никогда не приходило в голову, что именно ваша либеральность и привела к тому, что Арбеладзе едва не убил Лекишвили?

Гига: — Вы хотите сказать, что это случилось по моей вине?! Почему, товарищ обвинитель?

Обвинитель: — Не затевайте со мной спора, вы обязаны лишь отвечать на мои вопросы!

Гига: — Нет, товарищ обвинитель, это случилось не по моей вине.

Обвинитель: — Как вы полагаете, кто в этой истории проявил больше бдительности и политического чутья: вы, председатель колхоза, или рядовой колхозник Минаго Лекишвили?

Гига не ответил на этот вопрос.

Обвинитель: — Вы не желаете отвечать?

Гига: — Судите сами, вам виднее.

Обвинитель: Так. Не оказался ли Лекишвили жертвой того, что уличил Арбеладзе?

Гига: — Вы хотите сказать, что Ананиа отомстил ему? Нет, я этого не думаю. Я лично ничего не говорил Арбеладзе о нашей беседе с Минаго. И вот что я вам скажу: если бы в тот день Минаго Лекишвили не оказался в винограднике, Арбеладзе не ударил бы его топором.

Обвинитель: — Как вы полагаете, если бы Лекишвили рубил деревья не в винограднике Арбеладзе, а где-то в другом месте, совершил бы Арбеладзе покушение на него?

Гига: Наверное, нет.

Обвинитель: — Значит, Арбеладзе разъярился из-за того, что срубили деревья, которые он считал своей собственностью?

Гига: — Нет, уважаемый обвинитель, здесь другое. Я думаю, если б Лекишвили не задевал Арбеладзе, он бы его и пальцем не тронул.

Обвинитель: — Верно ли будет заключить, что в поступке Арбеладзе проявилась алчность и злое нутро частного собственника?

Гига задумался, потом, потупившись, глухо проговорил:

— Иногда я думаю, что и мы виноваты перед ним... Мы сами довели его до того, что...

Обвинитель: — Вы хотите смягчить вину Арбеладзе, более того, переложить ее еще на кого-то? Например, на кого?

Гига молчал.

Обвинитель: — На кого же именно?

Гига: — Ни на кого лично, но...

Он опять умолк.

Обвинитель: — Но что же?

Гига: — Я виню себя, никого больше...

Обвинитель искоса глянул на Гигу.

— Вы уклоняетесь от прямого ответа, гражданин Канчавели! Члену партии непрослительна подобная беспринципность.

Гигу эти слова задели за живое, но свое неудовольствие он выразил лишь легким пожатием плеч.

Обвинитель: — Считаете ли вы Ананиа Арбеладзе противником колхозного строительства?

Гига: — Я так скажу: Ананиа Арбеладзе всегда был примерным колхозником, трудолюбивым...

Он не закончил фразы. **Обвинитель**, чувствуя, что он не договаривает чего-то, колеблется, поставил вопрос ребром:

— Отвечайте прямо: является ли Ананиа Арбеладзе врагом социалистического общества, а следовательно, и государства?

Гига долго молчал и наконец, сделав над собой усилие, проговорил:

— Так получается... После того случая мы так должны думать...

Обвинитель: — И должны думать, что вы узнали позже всех то, что давно было известно всем... А именно — что Ананиа Арбеладзе давно носит маску... Как вам кажется, можно считать, что вы с честью выполнили ту почетную обязанность, которую возложил на вас народ?

Гига: — Как видно, я оказался не на месте, раз меня переизбрали... Хочу только добавить, что с самого начала просил товарищей избрать кого-нибудь другого, но мою просьбу не учли...

Обвинитель: — А чего вы боялись?

Гига: — Я не имел никакого опыта в этом деле.

Обвинитель: — Может, были еще и другие причины?

Гига: — Другие причины? Нет, что еще могло быть!

Обвинитель: — А не мешали ли вам обстоятельства личного порядка? Например, семейные неурядицы...

Гига: — Я живу один, с младшей сестрой... Мы ладим между собой, так что...

Обвинитель: — А каковы ваши отношения с женой?

Гига: — У меня нет жены.

Обвинитель: — Я имею в виду вашу бывшую жену...

Гига: — Мы уже давно разошлись.

Обвинитель: Но разве вы с ней не встречаетесь?

Гига: — Встретились раз, на Новый год.

Обвинитель: — С какой целью она к вам пришла?

Гига: — Не знаю, что и сказать вам...

Обвинитель: — Она приехала из города прямо к вам домой, потом зашла к вам в колхозную контору. Было так или нет?

Гига: — Да, было.

Обвинитель: — И она не сказала, с какой целью явилась к вам?

Гига: — По правде говоря, мне это и сейчас неясно.

Обвинитель: — Не намеревалась ли она помириться с вами?

Гига: — Мне кажется, у нее было такое желание, но...

Обвинитель: — Но что?

Гига: — Но я не смог бы этого сделать.

Обвинитель: — Почему?

Гига: — Потому, что... коли уж она ушла однажды и опозорила меня на весь свет, я думаю, нечего ей больше возвращаться!

Обвинитель: — А вы не задумывались над тем, что ваша жена — личность неблагонадежная?

Гига ошелел.

Обвинитель: — Неужели вам было неизвестно, что она связана с антисоветскими элементами? С лицами, настроенными враждебно к Советскому Союзу.

В напряженной тишине зала раздался удивленный голос Гиги:

— Я впервые слышу об этом!

Обвинитель: — Вы ведь знали, что родители ее были репрессированы?

Гига: — Она рассказывала мне, что родители ее были люди ученые, и когда они погибли, она осталась совсем маленькой...

Обвинитель: — Итак, вы все знали и тем не менее соединили свою судьбу с такой особой. С человеком, вышедшим из репрессированной семьи! Как вы думаете, это обстоятельство не порочит вашу репутацию?

Гига стоял неподвижно, безжизненными глазами глядя в одну точку.

Обвинитель: — Вероятно, вы знали и то, что в детстве она бродяжничала по улицам вместе со своими ровесниками, такими же бродягами, как и сама?

Гига: — Я знаю, опять же с ее слов, что из страха никто из родственников долгое время не давал ей приюта. Под конец один из родственников рискнул и...

Зал зашевелился, зашептался, шепот перерос в гул.

Обвинитель: — Как вы полагаете, могла подобная личность оказать дурное влияние на тех, с кем она входила в контакт? То есть общалась. Например, ваша супруга была очень близка с семьей обвиняемого Арбеладзе.

Защитник, который в это время тихонько переговаривался с Ананиа, вдруг сорвался с места.

— Я протестую против этого вопроса! — взволнованно выкрикнул он. — Какое отношение Элисо Гогиберишвили имеет к Арбеладзе? Я с полной ответственностью заявляю, что Элисо Гогиберишвили не имеет ничего общего с теми делами, о которых говорит тут уважаемый обвинитель. Это просто-напросто плод фантазии человека, задавшегося целью пришить к делу Арбеладзе политическую подкладку.

Обвинитель: — Я прошу, уважаемые судьи, призвать к порядку защитника и предупредить его не мешать мне во время допроса свидетелей. Итак, повторяю: могла ли ваша бывшая супруга вести антисоветскую агитацию и оказывать отрицательное влияние на Ананиа Арбеладзе? Ведь ее не раз видели беседующей с обвиняемым...

Гига: — Мы с семьей Арбеладзе издавна были добрыми соседями, только и всего. Не думаю, чтобы Элисо Гогиберишвили вела какие-либо политические беседы с Ананиа. Ни один и не другая не интересовались политикой... А кроме того, в ту пору, когда Элисо была со мной, Ананиа не имел никаких причин к недовольству... И после того, как Элисо ушла, участок еще долго принадлежал Ананиа... Так что...

С едва сдерживаемым гневом смотрела Гаянэ на обвинителя... Да, конечно, Ананиа виновен, никто этого и не отрицает... И сам он признал свою вину, и свидетели подтвердили... Все ясно и понятно. Чего же он теперь мытарит его, что еще ему надо? Чем Ананиа так ему не угодила, что он все выискивает какое-то еще более тяжелое преступление?! Этот человек просто хочет загубить ее Ананиа.

После допроса свидетелей выступил обвинитель, а потом — защитник.

Гаянэ робко, неуверенно подошла к мужу, хотела что-то сказать ему, но силы ей изменили — она не сумела произнести ни слова.

Оба молчали. Ананиа избегал смотреть ей в глаза.

— Где Како? — спросил наконец Ананиа.

Гаянэ не ответила, только глядела на него — неотрывно, жадно.

— Не пришел? — опять спросил он.

— Как же, здесь он... — судорожно глотнув воздух, солгала Гаянэ. — Наверное, на улице...

Но она хорошо знала, что Како не пришел на суд... И в тюрьму к отцу не приходил, хоть Ананиа не раз спрашивал о нем, хотел его видеть.

Спускаясь по лестнице, Ананиа оглядел толпившихся на улице людей. Он догадался, что жена солгала ему, но все же поискал глазами сына... Нет, нигде не видать Како.

— Ты скажи ему, если так надо, пусть не приходит ко мне туда. Но о доме чтоб не забывал... — только и всего, что сказал Ананиа напоследок.

Его увели.

Уже миновав площадь, он обернулся, увидел Гаянэ. Она шла за ним, держась на расстоянии.

— Куда это ты собралась? — со сдержанным упреком окликнул ее Ананиа. — Ступай своей дорогой... За детьми-то кто присмотрит? Иди домой...

Привыкшая во всем повиноваться мужу, Гаянэ и на этот раз не стала прстивиться. Она остановилась, и лишь глаза ее неотступно следовали за ним, пока он не скрылся за поворотом улицы. Она еще немного постояла, поглядела на опустевшее для нее пространство...

К полуночи она добралась до села. Все было погружено во мрак. В чьем-то дворе залаяла овчарка, бросилась к калитке и с лаем бежала вдоль плетня, пока не убедилась, что Гаянэ прошла мимо ее владений.

У источника Гаянэ разглядела человеческую фигуру. Подойдя поближе, она узнала — это был внук Ангиа. Никто кроме него не мог бы бродить в такую пору. И ничего удивительного, что он не боится темноты. Семнадцатилетний парень, глухонемой от рождения, и не подозревал, что на свете существуют бесы и всевозможные злые духи, которые преследуют человека именно по ночам. И днем и ночью он был одинаково беззаботен и весел. Вот и сейчас, увидев Гаянэ, он широко улыбнулся ей, обнажив свои некрасивые крупные зубы, и от роду не умея смеяться, издал какой-то воющий звук.

В сенях в ноги Гаянэ бросился Пацура. Ласкаясь и тихо повизгивая, хотел было скользнуть вместе с хозяйкой в комнату, но та захлопнула дверь перед самым его носом.

Гаянэ, не зажигая света, старалась бесшумно подойти к своей постели — ей не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал ее приход.

— Это ты, Гаянэ? — раздался вдруг голос свекрови. — Ты одна пришла, дочка?

Она не ответила. Зажгла спичку, потом лампу. Огляделась. Дети, все трое, сидели на постелях и глядели на мать широко раскрытыми глазами, в темной глубине которых таился какой-то страх.

Гаянэ потушила лампу. Легла и лежала на спине, вытянувшись, боясь шевельнуться. Слышно было, как, скребясь снаружи в закрытую дверь, повизгивал щенок.

Анна КАЛАНДАДЗЕ

* * *

Двух миров — я граница. Я двух мирозданий примета.
Отчего ты пылаешь так, сердце?
Солнце мертвых я, солнце лишившихся света,
Воробьиное племя в лучах моих вздумало греться...
Набухает уснувшее семя травы корчиоты,
Пар от вздохов земли проплывает...
Трав дыхание слышу, и вновь отчего-то
Мое сердце пылает.
Спит под пенье ручья коростель. Уже позднее время...
Птичьим гомоном полнятся сизые дали.
С ветки розы отцветшей засохшее семя
Воробьи поклевали...
Двух миров — я граница. И все не найду я ответа:
Отчего так пылаешь ты, сердце?
Солнце мертвых я, солнце лишившихся света, —
Воробьиное племя в лучах моих вздумало греться...

Перевод с грузинского Е. Николаевской.

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

* * *

С особой целью мы — Не для народа — Нацелясь, Крутим киноаппараты И ловим звуки в фуги и прелюды, И на холсте задерживаем краски. И — замираем в ожиданье чуда: «Остановись, мгновенье, ты — прекрасно...» Остановись! — И в бронзе отливаем, На фотопленках запечатлеваем. Остановись! —	И только с этой целью Мы вспоминаем некий час веселья, И давней встречи праздничное зарево — Минувшее Переживая заново... Но чьей-то волей, Знаком, Мановеньем Возможно ли остановить мгновенье? Возможно ли восстановить мгновенье? О, этот вечный камень преткновенья!
--	--

* * *

...А осень — жужжала осами,
А осень желтела дынями.
А осень — дрожала росами,
Что были студеной инея.

Соря золотию россыпью,
По пажитям, по откосам

Ступала легчайшей поступью
Красавица рыжеволосая.

Мягкость ее особая,
Зоркость ее глубокая,
Очи ее невеселые —
Серые с поволокою...

ГРУЗИЯ

О родина, как горяча
твоя ладонь, как взгляд лучист твой!
Пускай растаю, как свеча,
я в думах о тебе, отчизна!

Веди, приказывай, вешай,
потребуй от меня любовь.
Мою дорогу освещай,
как факелом, своей любовью.

И песня — ты, и сказка — ты,
и все, что было, все, что станет.

Нет, соловей твои цветы
стеречь, родная, не устанет!

О родина, мы — соловьи
в твоём саду — над розой красной.
Пусть поседею от любви,
но буду петь свой край прекрасный!

С тобой без страха ринусь в бой,
пусть он и гибель возмещает.
Одна любовь, одна любовь
нас над веками возвышает!

КВИШХЕТИ

Здравствуй, милое Квишхети!
Каждый камень, каждый сад...
Мы спешим к тебе, как дети
к дому матери спешат.

Из ручьев твоих напиться,
погулять в твоём лесу,
где проснувшиеся птицы
из травинки пьют росу.

Поболтать с Курой туманной,
не спеша покинув лес...
У нее для нас немало
разных сказок и чудес!

О Квишхети! Вод шипенье,
трав лекарственный настой...

Опускаюсь на колени
перед этой красотой.

Забывая все печали,
прочь гоню их темный рой.
Майской розой, розой чайной
ты склонилось над Курой!

В сероглазом небе вижу,
вижу в чистом небе вод,
что там дальше, что там ближе,
что тебя, Квишхети, ждет.

Будь же счастливо, Квишхети!
Каждый камень, каждый сад...
Мы спешим к тебе, как дети
к дому матери спешат...

ДНИ

Как стремительно уходит этот полдень невесомый —
за скалу, за степь,

которой нет просторней и вольней.

И — печальною фиалкой и гвоздикой веселой
распускается, включаясь в переключку прежних дней.

Дни, вы скачете, как кони, вы стремительнее рубки
леса, рухнувшего разом под напором топора.
Только что погасло солнце, но уже простерла руки,
чтоб зажечь зари светильник, беспокойная Кура.

Переключка зим и лета, ветра буйного и сада,
переключка гор и грома — бесконечный разговор...
О, как странна и внезапна сизых сумерек засада,
как черна и как туманна ночь, спустившаяся с гор!

Дни уходят, дни уносят юность, светлую, как небо
в серебре лучей рассвета, в золотом его огне.
Остаются только горы, только небо стынет немо,
только вечность — гор чертоги с вечным небом в вышине..

Перевод с грузинского Р. Казаковой

Последняя встреча

Р А С С К А З

Перевод с грузинского Н. Микава

После двухмесячного лечения в госпитале мне предстояло отправиться из станицы Ахтырской в Ильскую, где стоял оздоровительный батальон. В этом батальоне я должен был окрепнуть, а потом снова на фронт...

Ильская находилась в ста километрах от Ахтырской.

Я был очень слаб: без единой кровинки в лице, еле держась на ногах, шел я в сторону шлагбаума, откуда в станицу Ильскую отправлялась машина.

Это было в то время, когда Красная Армия окончательно очистила от фашистов Кубань, потрепанные дивизии немецких захватчиков были отброшены на крымскую землю, и теперь, после короткой передышки, наши войска с новыми силами готовили наступление на Керченский полуостров.

Хорошая погода стояла на Кубани. Перерытая бомбами, земля будто хотела отдышаться и под ласковым осенним солнцем залечивала раны, нанесенные врагом.

У шлагбаума долго ждать не пришлось. Только я подошел, появилась военная грузовая машина. Солдаты, торопившиеся в Ильскую, быстро разместились в машине, и после трех часов езды мы были на месте.

Машина остановилась в километре от станицы. Отсюда надо было идти пешком. Поблагодарив водителя, я отправился в путь.

Был полдень. Вовсю жгло солнце. Шинельную скатку я закинул за спину и тяжелыми шагами направился по дороге.

Как и все кубанские станицы, Ильская оказалась живописным, уютным уголком. Дома стояли среди садов. Вокруг всей станицы выросли виноградники. Я даже удивился: мне довелось пройти всю Кубань, но таких густых виноградников я еще не встречал. У крайних домов жители продавали молоко, простоквашу, виноград. И сразу вспомнилась мне Грузия...

«Теперь и там осень, — подумал я, — наверное, наши все уехали в деревню и готовятся к сбору винограда...»

Я вспомнил предвоенные годы, мирную, беззаботную жизнь, университет, друзей и знакомых. Вспомнил Циру, девушку с бирюзовыми глазами, и маленькую великомученицу мою — Нателу, которая без колебаний раскрыла мне свою душу, а я так был груб с ней...

Натела дружила со своей одноклассницей Ирмой, моей соседкой. В тот год они кончали среднюю школу и вместе готовились к приемным экзаменам в вуз.

Натела была хрупкая, светловолосая девушка. Косы — до пояса, большие голубые глаза. Не знаю, с чем сравнить ее глаза. Когда она смотрела на меня, будто электрический ток проходил по всему телу.

Мы жили в Ленинском районе, близ Худадовского леса. Наш сад был разбит повыше Ирминого и глядел на него сверху. В обоих садах росли фруктовые деревья и виноград. А какая сирень и какие розы цвели у нас весной!

Девушки все время занимались у Ирмы. Я не раз чувствовал, как Натела украдкой поглядывала на меня через ограду. Я не обращал на нее внимания, так как был увлечен тогда Цирой, а Ирму с Нателой снисходительно называл «девчонками с бантиками».

Обе старались сделать что-нибудь такое, чтобы привлечь мое внимание... Иногда они начинали так громко и заразительно смеяться, что я не выдерживал и тоже посмеивался про себя. Но все равно не ставил их ни во что.

Однажды, поливая сад, они как будто нечаянно направили на мою беседку шланг. Сильная струя воды окатила меня с ног до головы. Совершенно мокрый, я вскочил и убежал из беседки. Они хохотали до упаду, и я тоже, представьте, смеялся и в то же время злился на них.

Так прошла весна. А в сентябре, вернувшись с летних каникул, я прямо-таки не узнал Ирму и Нателу. Они очень повзрослели, были модно одеты, красиво причесаны.

Они уже не вели себя как девчонки, стали гораздо серьезней, держались как взрослые девушки.

Теперь роли переменялись, и уже я стал украдкой разглядывать Нателу. Как только девушки появлялись в саду, я тотчас хватал книгу и тоже мчался туда. Садился под деревом за столик и все старался завести разговор с девушками, а иной раз нарву сирени или роз и преподнесу им букеты. Натела улыбалась, с сияющим лицом благодарила меня и брала цветы.

Однажды мы с Ирмой остались одни, и она робко спросила:

— Важа, тебе нравится Натела?..

— Нравится! — ответил я улыбаясь.

— А знаешь, ты ей тоже нравишься!

— Правда?!

— Клянусь жизнью!

Примерно через неделю я постарался остаться наедине с Нателой.

— Натела, — спросил я ее, — помнишь, как вы окатили меня водой в беседке?

— Помню. Тогда я глупая была...

— А теперь?

— Теперь? — Натела улыбнулась и так посмотрела на меня, что я вздрогнул. — А теперь я уже большая!

— Знаешь, Натела, ты мне нравишься...

Она промолчала.

— Ты мне нравишься и я хочу, чтобы ты вышла за меня.

— Что для этого нужно?

— Твое согласие!

— Я согласна, — сказала она после короткого молчания, — но я должна посоветоваться со своим двоюродным братом.

— А кто твой двоюродный брат?

— Вахтанг. Знаешь, какой хороший парень! Он учится в политехническом институте.

— Да, но при чем тут Вахтанг?

— Вахтанг мой единственный брат, и с ним я всегда советуюсь. Сейчас я ничего не могу тебе сказать окончательно, завтра в шесть часов вечера подойди к трамвайному парку, и я познакомлю тебя с Вахтангом.

— К трамвайному парку?

— Да, там недалеко живет Вахтанг... Я вечером поговорю с ним, и к шести часам мы вместе выйдем тебе навстречу.

На следующий день, как мы условились, я встретился с Нателой и Вахтангом у трамвайного парка. Вахтанг был статный, рослый молодой человек.

— Сестра уже рассказала мне все. Что ж, я рад за вас обоих, — просто сказал он после того, как мы познакомились и немного поговорили.

ли. — Только запомни: если обидишь Нателу — дело будешь иметь со мной!..

У Вахтанга была удивительно добрая улыбка, но сейчас, когда он произносил эти слова, улыбка сошла с его лица — оно стало даже суровым.

Мы немного погуляли втроем, побеседовали о разных разностях, а потом я взял Нателу за руку и мы попрощались с Вахтангом.

* * *

После этого мы с Нателой не раз ходили в кино и театр. И часто встречали там Вахтанга с его невестой — Наной, красивой, стройной девушкой. Казалось, оба они рождены друг для друга. Нельзя было пройти мимо, не залюбовавшись ими.

Вахтанг и Нана никогда не вмешивались в наши личные дела.

Прошел почти год. Чувство Нателы ко мне углублялось. А я, представьте, никак не мог забыть Циру. Но вскоре все изменилось. В один прекрасный день я встретил девушку, которая заставила меня забыть и Циру и Нателу.

Первое время я скрывал это от Нателы, но потом открылся ей.

Она была ошеломлена. Долго сидела молча, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Потом горько зашалакала.

— Бессовестный, — говорила она, всхлипывая, — зачем же ты обманывал меня, если не любил... Что я скажу теперь Вахтангу...

С того дня я больше не встречал Нателу, она не приходила даже к Ирме. Очевидно, она очень остро переживала наш разрыв и не хотела показываться мне на глаза. Я же всячески избегал встречи с Вахтангом. Даже не садился в трамвай у вокзала, потому что отсюда все вагоны проходили мимо трамвайного парка. А там я мог встретиться с Вахтангом. Я пешком проходил всю

улицу Челюскинцев и только там садился в трамвай.

Но однажды мы все же встретились на Плехановском проспекте. Вахтанг со своей невестой спешил в кино. По лицу его я понял, что он в курсе наших дел с Нателой.

— Здравствуй! — сухо сказал он и протянул руку.

— Здравствуй!

— Что нового?

Я пожал плечами и промолчал.

— Ты помнишь наше знакомство?

— Помню!

— Помнишь свои слова?

— Очень хорошо помню!..

— Тогда почему же ты поступил так?

— Я ничего плохого не сделал, — начал я оправдываться. — Натела сама виновата...

— Я все, все знаю. — И Вахтанг строго посмотрел на меня. — Сейчас ни место ни время не позволяют нам поговорить. Но мы с тобой еще встретимся.

...А вскоре началась война.

* * *

Ни разу с тех пор я не видел Вахтанга и ничего о нем не знал. Не видел я и Нателу, не видел с того самого дня, как мы расстались. Как обидел я эту хрупкую, тоненькую девочку! А ведь она по-настоящему любила меня.

И вот теперь я часто вижу перед собой Вахтанга, высокого, статного, красивого, всегда сдержанного. Вижу его добрую улыбку, слышу его приятную речь. Помню, что в тот вечер, когда заговорил о наших счетах, лицо его было не суровым, а скорее печальным.

«Интересно, где он сейчас, — думал я, — кто знает, может, даже погиб на фронте. А какая красивая была у него невеста!»

Я с трудом отвлекся от воспоминаний и вдруг почувствовал, что весь дрожу. Меня начало лихорадить.

Меня трясло, бросало то в жар, то в холод и, не в силах более идти,

я опустился на землю. «С чего это вспомнила меня проклятая лихорадка?» — злился я в душе. Правда, раньше я болел лихорадкой, но это было давно, когда я сдавал приемные экзамены в университет. Всю неделю, помню, провалялся я в постели и так ослаб, что потом целых три месяца не мог оправиться.

Мысли мои стали путаться. Не знаю, сколько просидел я на земле, или пролежал — не помню. Наконец, я с трудом встал и направился в санитарный пункт оздоровительного батальона. Здесь мне дали какие-то лекарства и определили на жительство, как и остальных прибывших сюда бойцов.

Утром я уже почувствовал себя хорошо. В комнате было тихо. Солнечные лучи, ворвавшись в открытое окно, золотым цветом окрасили стены.

Я уже собирался встать, как вдруг послышались звуки грузинской песни, которые неожиданно принесли издалека ветерок. Я протер глаза и превратился в слух — не ослышался ли? Но мелодия теперь уже совершенно ясно доносилась до меня. Я чуть было не закричал от радости, забыл, где нахожусь, вскочил, оделся и, как сумасшедший, выбежал из дома.

Теперь пели танцевальную «Цангала да гогона». Пение было слышно, наверное, во всех углах Ильской. Значит, певцов много.

«Да, но откуда здесь столько грузин? — промелькнуло у меня в голове. — Неужели здесь стоит грузинская часть?»

Я знал, что измученная в боях четыреста двенадцатая грузинская дивизия в настоящее время отдыхала в Тамани. А кроме нее других грузинских соединений не существовало.

Вначале я даже усомнился, грузины ли это. Как раз в те годы грузинские песни «Сулико» и «Цицинатэла» были популярны в России. Но я вскоре убедился, что в Ильской пели именно грузины.

Я быстро миновал один квартал,

второй... Песня звучала все громче.

За третьим кварталом открылась широкая площадь. На площади собралась в круг смуглые ребята и плясали. Их было около тридцати.

Со всей станицы пришли девушки. Они окружили ребят и весело смеялись. Поощряемые их присутствием, ребята вошли в азарт и проворно сменяли друг друга в танце.

— Здорово, земляки! — крикнул я, подходя к ним.

— Здорово! — дружно отозвались они.

— Важа, неужели это ты? — вдруг услышал я знакомый голос и вздрогнул.

Я повернулся и не поверил собственным глазам — передо мной стоял Вахтанг Джваршейшвили.

Я не мог сказать ни слова, просто потерял дар речи. Но Вахтанг вывел меня из неловкого положения.

— Приветствую тебя! — с улыбкой протянул он мне руку и так крепко сжал мою, словно силу проверял.

«В Тбилиси избегал с ним встречи и вот тебе!» — молнией мелькнула мысль. Я в упор посмотрел на него и заметил, что несмотря на улыбку, у него слегка дрожала нижняя губа. Не забыл Вахтанг, ничего не забыл.

— И ты в армии? — спросил он своим звучным голосом.

— Да, конечно.

— Давно?

— С начала войны... С первого же дня призвали. Прямо из университета.

— Видно, ранен был?

— Да, два раза.

— А здесь в какой части?

— Меня выписали из госпиталя в оздоровительную часть. Вчера приехал, чтобы немного прийти в себя. А ты давно в армии?

— Да, порядочно. Сначала в Тбилиси служил, потом послали меня в офицерскую школу. Там я получил звание лейтенанта и вот — направили сюда. Сейчас мы едем на даль-

нейшее распределение. Кто знает, куда попадем? И все же встретились мы с тобой, а? — Вахтанг посмотрел мне в глаза. Меня, как крапивой, стегануло.

— Встретились!

— А как ты думаешь — должен я рассчитаться с тобой за старое?

— Воля твоя!

— Слово есть слово, не так ли?

— Конечно... — сказал я и тоже посмотрел ему в глаза. И почему-то сейчас — только сейчас — я так ясно осознал свою вину, безответственность тех своих поступков, и понял, что на месте Вахтанга я тоже не забыл бы и не простил.

Вахтанг долго смотрел на меня, потом тихо сказал:

— Стыдно сводить счеты с таким немощным, обескровленным человеком, как ты. На это, верно, последний трусишка не пойдет. Нашу «дуэль» мы отложим до лучших времен. Помнишь, в тот раз я был с Наной, не хотелось мне при ней... Потом я жалел... Теперь мы опять встретились, но сейчас уж совсем не время сводить личные счеты... Вот кончится война, вернемся домой, и там я тебя обязательно найду! Из-под земли достану.

Я молчал. Будто язык у меня вырвали. Вахтанг долго глядел на меня. Его лицо постепенно смягчалось, и он снова заговорил:

— Очень уж ты исхудал, Важа.

Потом, помолчав, он достал из кармана деньги:

— Вот, вчера получил первую зарплату. Давай разделим ее по-братски. Не так-то много, конечно, но возьми, что-нибудь да купишь себе! Деньги тебе сейчас особенно нужны...

И он протянул мне несколько сторублевок. Я совершенно опешил и даже отирянул в сторону. Мне было страшно стыдно перед этим удивительным человеком, стыдно за прошлое, которое уж нельзя исправить.

— Что ты со мной делаешь, Вах-

танг! — наконец сказал я взволнованно.

— Ничего, бери. Здесь мы братья. Вернемся в Тбилиси, тогда... Но сейчас прошу тебя — возьми...

Он насильно захихнул деньги в верхний карман моей гимнастерки.

Нам же довелось больше говорить. Ребят быстро построили, и они двинулись в путь. А я вернулся в свою часть.

* * *

Скоро и я покинул оздоровительный батальон. Северо-Кавказский фронт усиленно готовился к освобождению Крыма, и меня перебросили в действующую дивизию.

Немало трудностей и лишений пришлось мне перенести. С боями прошли мы холмы и долины Керчи, прошли Украину, потом — пол-Европы и, наконец, отпраздновали в Берлине победу.

Оттуда нас перебросили на восток, и здесь я принял участие в разгроме фашистской Японии.

Весной сорок шестого года я вернулся в Тбилиси. Тепло встретил меня родной город. Пять лет я не был здесь, и мне казалось, что я заново родился на свет.

За три года, прошедшие со дня нашей встречи, я живо помнил Вахтанга, его лицо, его братски протянутую руку помощи. Все мечтал встретиться с ним и сделать для него что-нибудь очень хорошее, достойное его уважения.

И вот, очутившись в Тбилиси, решил пойти к нему домой и напомнить ему, что слово есть слово. Хотел, чтобы рассчитавшись со мной, он избавил меня от угрызений совести, которые не давали мне покоя вот уже столько лет...

В тот день я с утра бродил по городу, надеясь встретить его. Вечером я шел по Плехановскому проспекту к дому Вахтанга.

Стоял теплый весенний вечер. На проспекте было уйма народу. У кинотеатра «Амирани» я вдруг заметил стройную девушку под руку с высоким мужчиной. Видно, они уже

купили билеты и собирались войти в кинотеатр. Я ускорил шаги.

Ба, да ведь это же Нана, невеста Вахтанга! Обрадовался — не то слово, я был в восторге от этой встречи. Ведь мужчина, что идет рядом с Наной, безусловно, Вахтанг. Я рванул к ним и уже хотел крикнуть: «Вахтанг, погоди!», но, ошеломленный, остановился. Передо мной вместо Вахтанга оказался незнакомый человек.

Нана меня тотчас узнала.

— Важа, это ты?! — воскликнула она.

— Здравствуй, Нана!

— Здравствуй, Важа. Давно ты в Тбилиси?

— Вчера приехал. Скажи, Нана, где Вахтанг?

Она смутилась. Мужчина, видимо, поняв ее смущение, оставил нас и направился к ближайшему киоску купить папирос.

Нана заплакала.

— Значит, ты ничего не знаешь?

— Скажи ради бога, Нана, где Вахтанг, что с ним?!

— Он погиб в Керчи, в октябре сорок третьего...

— Не верю! — вскричал я.

— Правда, Важа. Он писал мне,

как встретился с тобой... Это было его последнее письмо...

— Что ты говоришь! — У меня подкосились колени, я прислонился к дереву. Значит, Вахтанг погиб через какую-то неделю после нашей встречи.

Нана плакала. Плакала беззвучно. Слезы лились из ее глаз, и она украдкой вытирала глаза платком. Эх, сколько раз встречались мы вот на этом месте: я, Натела, Вахтанг, Нана... Болтали, смеялись, ходили вместе в кино.

— А Нателу не видел еще? — спросила сквозь слезы Нана.

— Нет, когда же?..

— Да, конечно, ты только вчера приехал!

— А кто этот парень?

— Мой муж. Я недавно вышла замуж... Не хотела, но... Дома покоя не давали...

Мы еще постояли некоторое время, поговорили. Потом, заметив в дверях кинотеатра ожидавшего ее мужа, она простилась со мной. А я, как пригвожденный, стоял на месте и не мог сдержать слез.

Наконец я овладел собой, повернулся и направился в сторону набережной.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

* * *

С горы та пристань кажется близка
и комнатными манит небесами
в часы, когда вечерняя тоска
все оплетает черными корнями.

К товаркам в строй встает за тенью тень
и, выпрямляясь, на ветру трепещет.
Гудит гора, что на исходе день.
Ущелье покидает кто-то пеший.

Идет... А ветер у виска свистит.
Идет... А тело холод наполняет.
Забывтый берег, как ковер, расшит,
И золотыми рыбками сверкает.

Порою края моря не видать,
свет хижины теряется в тумане.
И путника обманывает даль,
как будто мстит ему за опозданье.

А ночь темнеет, как стакан с вином.
Грусть тяжело ложится на причалы.
И к берегу в рыбацкий старый дом
бредет упрямо путник запоздалый.

* * *

Да здравствует идалго Дон-Кихот,
который отправляется в поход!
Да здравствует судьба его и боль,
и соль слезы, и горькая любовь!

Да славятся таверны на пути,
куда ему захочется войти!
Да славятся геройские дела
и мельницы огромные крыла!

Хвала не Дон-Кихоту одному —
всем, кто поможет победить ему,
всем путникам, кто вышел за порог,
ветрам земных и неземных дорог...

Симон КИНЦУРАШВИЛИ

На острове Свободы

Народ пишет новую историю

Завтра мы покидаем Кубу и вылетаем на Родину; через четырнадцать часов беспосадочного полета, преодолев 10700 километров, гигантский воздушный лайнер «ТУ-114» на рассвете приземлится в Москве...

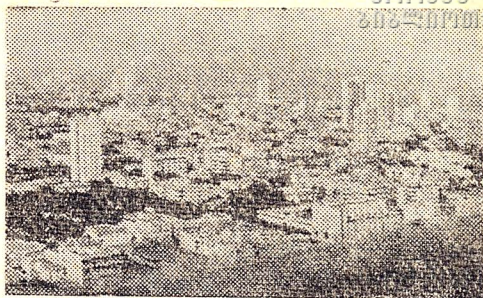
А сейчас группа делегатов VII конгресса Международного Союза архитекторов находится в центральном вестибюле здания бывшего парламента и внимательно слушает гида: высота вестибюля столько-то метров; вес возвышающейся тут же символической бронзовой фигуры Свободы столько-то тонн; для облицовки использован мрамор и гранит из таких-то мест...

Чувствуется, что бывшие хозяева страны не попустились, чтобы это здание — символ «стойкости» их государственного строя — выглядело как можно пышнее и богаче. И еще — по своей архитектуре, как внутренней, так и наружной, оно должно было походить на Капитолий Вашингтона. Как известно, в каждом из штатов США обязательно есть свой капитолий, хотя бы небольшой. А ведь Батиста и его приспешники прилагали все усилия, чтобы превратить Кубу в один из них.

И вот теперь, глядя на мрамор, гранит, бронзу, позолоченные орнаменты, заимствованные из разных эпох, чувствуешь, как все это ложно и как чужды были этой земле люди, по воле которых воявился на рубеже старых и новых кварталов Гаваны этот плагиат псевдоклассической архитектуры.

Я не завидую сотрудникам Академии наук Кубинской республики, расположенной сейчас в этом здании, которым приходится работать в этих пышных, но таких холодных стенах.

Я начал свой рассказ о кубинских

Вот она — красавица Гавана с 22 этажа гостиницы «Гавана Либре».

впечатлениях именно с вестибюля бывшего парламента не ради литературной занимательности. И мы вовсе не горели желанием обязательно побывать здесь — нас привел сюда туристический маршрут. Но я доволен, что именно в последний день нашего пребывания на Кубе нам довелось еще раз со всей ясностью и очевидностью увидеть ту пропасть, которая пролегла между ее прошлым и настоящим. Революционная Куба не верит, подозрительно относится ко всему, что хоть как-то связано с режимом Батисты и его приспешников. Все это надо самому увидеть, услышать, и только тогда до конца все поймешь и почувствуешь.

В центре вестибюля под маленьким круглым стеклом в пол вделан большой бриллиант. Это геодезический центр Кубы — отсюда отсчитывается расстояние от Гаваны до любого пункта страны. Гид рассказывает, что до революции этот бриллиант был похищен. Потом он был найден и возвращен на прежнее место. И с явным недоверием заключает: — Хотя, возможно, это вовсе и не тот самый бриллиант; даже вернее всего это подделка... И я вспомнил первый день нашего пребывания на Кубе — экскурсию в старые районы города, так называемую «колонияльную Гавану». Здесь расположена католическая часовня эпохи средневековья. По преданию именно сюда ступил Христофор Колумб на кубинскую землю. «Но это надо еще уточнить, куда ступил Колумб на Кубе, — вставил гид, — и был ли он вообще на сегодняшней гаванской земле...»

Не распространяются эти сомнения лишь на историю кубинского народа. Здесь же, в старой Гаване, мы видели, с какой любовью и методичностью восстанавливаются наиболее примечательные образцы архитектуры так называемой

мого «испанского барокко» колониально-го периода. А с каким вкусом и научной обоснованностью оформлена выставка в павильоне «Куба» в центре города, воссоздающая героическую историю кубинского народа, начиная с быта аборигенов, населявших эти места еще до путешествия Колумба, и кончая повседневной жизнью революционной Кубы.

Но то, что связано с привычками старой жизни или с выдумками буржуазной истории, вызывает у кубинского народа недоверие и подозрение.

Ну кто, например, поверит тому, что изображено на отлитых из бронзы барельефах центральных дверей парламента, которым надлежит передать в художественной форме основные этапы истории Кубы. Уже сюжет первого барельефа ложен — грустный кубинский абориген, присев на камень, с надеждой смотрит на океан. Кого он ждет? Оказывается — Христофора Колумба! Его прибытие изображено на втором барельефе. Полтора месяца плыл из Испании на запад бывший ткач, итальянец по происхождению, испанский адмирал, прозванный впоследствии «*novi orbis re-
pertor*»¹, чтобы найти новый путь к золоту Индии. Ни дороги, ни золота он не нашел. Зато открыл доступ к новым богатым землям испанским конкистадорам, которые с одинаковым усердием грабили, уничтожали огнем и мечом индейцев и негров. Эта глубоко драматическая борьба завершилась поражением и изгнанием конкистадоров. Но скоро их сменили американские миллионеры — ведь на Кубе великолепное солнце, климат, пляжи, сахар и сигары...

В 1956 году семь дней плыло из Мексики на Кубу небольшое моторное судно; на нем было 84 плохо вооруженных смельчака. Их лично отобрал сам «бородач» в зависимости от веса — чем меньше весит боец, тем больше людей можно взять на судно.

В 1492 году испанские каравеллы, находившиеся в океане в течение полутора месяцев, ни разу не попали в бурю или шторм. Это было поразительно. А героев, отправившихся на борьбу за освобождение своей родины, не миновало, кажется, ни одно бедствие. К «дарам» Нептуна — ураганам и бурям — прибавилась жестокость Батисты — пули из американских самолетов! Потом — болота, леса, голод... И вот наконец легендарные горы Сьерра-Маэстры. И здесь к оставшимся двенадцати обросшим смельчакам Фидель Кастро обратился со словами, которые тогда вызвали бы только смех у скептика, а сейчас звучат пророчески: «Кончились дни господства империалистов на Кубе!».

Вот этой истории кубинский народ верит безоговорочно — это его история, ее он написал своей кровью, ее он пишет своим потом.

Такие слова можно не переводить

Каждый из нас это почувствовал сразу — для этого, мне кажется, достаточно было провести в Гаване всего один, первый, день — 28 сентября на огромной площади Революции, на которой стоит высеченный из белого мрамора памятник Хосе Марти и обелиск; на митинге, посвященном третьей годовщине организации Комитетов защиты революции.

Еще утром на аэродроме нас предупредили: — Сегодня вы увидите Фиделя! Вы услышите Фиделя!

Все мы не раз бывали на разного рода митингах, но ничего подобного мне встречать не приходилось (и, думаю, того же мнения были все присутствовавшие там гости).

За полтора-два часа до назначенного времени со всех районов города двинулись колонны. Из окрестностей столицы и их провинций люди ехали на машинах; они пели, держали знамена и самодельные транспаранты.

Когда делегаты со всего земного шара, приглашенные на конгресс архитекторов, пришли на площадь, она наполнилась огромный улей; мы прошли сквозь живую стену, которая встретила нас аплодисментами, восторженными любознательными черными глазами, дружеской улыбкой. Ведь несмотря на проiski реакционных сил и врагов Кубы, в Гавану на Всемирный форум архитекторов прибыли делегаты из шестидесяти девяти стран мира. Это была большая победа революции, это означало признание международного престижа Кубы.

Площадь была словно наэлектризована. По мере приближения стрелки к назначенному часу, напряжение, накал увеличивались. И мы — взволнованные — тоже ждали чего-то радостного.

И вот на трибуне появились Фидель Кастро и его соратники. Я не буду описывать Фиделя, он и без того всем нам знаком по портретам. Но как его встречал народ! Это почти невозможно описать. Казалось, площадь озарилась светом, так заблестели глаза у всех; люди в едином порыве начали аплодировать и скандировать: «Фидель! Фидель!».

Все началось для нас необычно — к микрофону подошел диктор телевидения и радио и объявил, что митинг, посвященный такой-то дате, открыт (кстати, и другие массовые мероприятия — собрания, совещания и т. д., которые транслируются по телевидению и по ра-

¹ Открыватель Нового Света.

дио, на Кубе проходят в обстановке такой же непосредственности).

Затем диктор предоставил слово председателю Комитетов защиты революции. После его короткого отчета диктор объявил: — Слово предоставляется премьер-министру Кубы Фиделю Кастро.

Чтобы иметь представление о том, как кубинцы слушают Фиделя, надо самому это увидеть... Они словно боятся упустить каждое произнесенное им слово. При этом реакция поразительно точная, а контакт — полный. Фидель говорит спокойно, довольно медленно, четко. Первою кажется, что он ищет слово, но всегда вовремя находит наиболее подходящее выражение и верную интонацию. Начиная говорить, он опирается двумя руками о трибуну, чуть подавшись вперед; но развивая свою мысль дальше, отрывает левую руку от трибуны и показывает ею в такт чрезвычайно красивой и эмоциональной испанской речи. Так рука постепенно поднимается все выше и выше и неожиданно со всего размаха разрезает воздух сверху вниз. Пауза. Чувствуется, что мысль округлилась, и в подтверждение этого на площади снова гремят аплодисменты. Фидель просит народ успокоиться. Все смолкает. И вдруг где-то в гуще людей возникает голос: «Фидель, мы с тобой!» И снова вся площадь подхватила эти слова.

Когда слушаешь такое выступление — в переводчике не нуждаешься.

Закончился митинг Интернационалом. Пели все, взявшись за руки. Даже приехавшие на конгресс представители западных стран, которые считают, что стоят в стороне от политики; они тоже подпевали, подавшись общему настроению.

Это было грандиозно!

Непрошенный эскорт

Я убежден, что каждый, кто впервые был на этой площади, заново осмыслил и понял слова, огромными буквами начертанные над домами: „Patria o Muerte Venceremos!“ Это не только лозунги, которые иногда со временем стареют. Это нечто от плоти и крови кубинского народа, это его цель, смысл его жизни! Ночью эти слова ярко горят и, очевидно, хорошо видны с тех военных кораблей, которые блокируют Карибское море. Этот непрошенный эскорт кубинской революции довольно часто можно видеть из высоких зданий города. Вооруженные «милиционеры» перед зданиями государственных учреждений, военные патрули на улицах говорят о том, что Куба — форпост, который всегда готов к самозащите и борется уже этой своей готовностью, спокойствием, убежденностью, уже самим фактом своего существования. Радио начинает передачи

словами: «Говорит Куба, свободная территория Американского континента!» Внутреннее напряжение чувствуется, но ощущается еще большее спокойствие. Я не слышал, чтобы хоть кто-нибудь (а мы встречались со многими) ныл. А ведь кубинцам трудно и экономически. И они этого не скрывают. Когда страну облетела весть о стихийных бедствиях, вызванных ураганом «Флора», одна шестнадцатилетняя студентка сказала мне: «Что поделаешь придется еще потерпеть. Мы думали — в этом году будет у нас все хорошо. Ну что ж, переживем и это!» Ущерб, нанесенный ураганом, был значительным, но еще более значительной оказалась та стойкость, которой кубинцы ответили на несправедливость стихии. День и ночь работали вспомогательные отряды, которыми руководили Фидель Кастро и другие члены правительства. В Гаване были открыты специальные пункты, куда принесли не поношенные вещи, нет, а новую одежду и обувь, специально купленные рядом в магазине для отправки в пострадавшие провинции.

На следующий день та же студентка сказала мне: «Знаете, теперь мы будем два дня работать на фабриках, чтобы помочь пострадавшим».

Когда мы проезжали через один из городов Кубы, нам сказали, что здесь много «контры». Из окна автобуса жители города ничем особенным не отличались: одни смеялись, громко переговаривались, куда-то спешили, другие сидели у своих домов и отдыхали... Но мы уже знали, что, возможно, кто-то из них взорвал бомбу невдалеке от площади, на которую 28 сентября десятки тысяч человек пришло на митинг и взволнованно слушало Фиделя, чтобы воцарившаяся вслед за взрывом могильная тишина еще раз напомнила — враги революции живы и продолжают действовать.

...Кубинцы полностью отдают себе отчет в том, что они сделали и продолжают делать для истории, для светлого будущего. Вы бы видели, как спокойно и с каким достоинством вел пленарные заседания нашего конгресса двадцативосьмилетний министр строительства Осман Сиенфuegos. Или как по-деловому, степенно беседовала с нами Патриция Нониес — директор Института коммунального хозяйства. Эта женщина с внимательными и немного грустными глазами без излишней суетливости умудрялась одновременно и нас принимать, и отвечать по телефону, и отдавать какие-то неотложные распоряжения. А красивый и мужественный министр Эрнесто Че Гевара (аргентинец по происхождению, примкнувший к Фиделю во время пребывания в Мексике) с большими черными глазами, с редкой бородой и всегда открытым воротом рубахи, а Рауль Кастро — брат Фиделя и его

боевой товарищ, — он всегда скромно стоит или сидит во втором ряду...

Меня покорили их взаимоотношения так же, как и их отношение к Фиделю и его к ним — удивительно непосредственные, теплые, дружеские (они охотно и часто шутят), но в то же время мужественно сдержанные. Я не забуду, как Че Гевара слушал выступление Фиделя на закрытии конгресса — казалось, он весь превратился в слух, его губы повторяли слова Фиделя; а чуть раньше, сидя в президиуме, Фидель так же увлеченно, склонившись к нему, слушал министра Сиенфуегоса — он словно впитывал каждое его слово.

Все они очень разные и совсем не похожи друг на друга, но в то же время это сыновья одного народа. И во всех них ощущается непоколебимая уверенность в настоящем и будущем революции!

«Это еще не настоящий карнавал!»

Это, действительно, по-настоящему южный народ, открытый, улыбчивый, шумный, сочетающий в себе непосредственность, подвижность и экспансивность с неторопливостью и чувствительностью.

Однажды нас отвезли в курортный город Мегано, славящийся великолепным пляжем, и пообещали, что мы сможем там прекрасно провести день. Но из-за непогоды нам купаться не разрешили. Наш гид — негритянка, получившая много наград на конкурсах красоты, которую мы почему-то прозвали Олей, была очень огорчена. Но что она могла изменить... Между тем, как и всюду, среди нас нашлись люди, которые всегда и всем недовольны. Так вот кой-кому из них не понравилось, что «Инит» (организация наподобие нашего «Интуриста») не смог «организовать в этот день погоду». Вдруг Оля куда-то исчезла. Мы нашли ее в автобусе — она сидела и горько плакала. Думаю, многим тогда стало стыдно за свою несдержанность.

Кубинцы самозабвенно любят пение и танцы. В день открытия конгресса, к десяти часам вечера, на самой красивой улице Гаваны, которая называется Рампа, начался народный праздник.

На одном из самых высоких зданий вспыхнули начальные буквы названия Международной организации архитекторов — VIA. Во всех сверах играли лучшие кубинские народные и профессиональные музыкальные ансамбли. Исполнители и зрители весело переговаривались, шутили, все подпевали. Это вносило в концерты элемент импровизации. Но несмотря на это, их профессиональный уровень очень высок. Мы медленно шли по улице вниз, к Кариб-

скому морю, и не знали, у какого оркестра остановиться.

Но главное, как оказалось, ожидало нас впереди, там, где Рампа соединялась с набережной. Здесь на грузовых машинах амфитеатром расположились оркестранты в пестрых карнавальных костюмах. Они начали играть, преимущественно на различных национальных ударных инструментах. С набережной показалась первая карнавальная группа: мужчины — «строительные рабочие» в передниках с прикрепленными к ним маленькими зеркалами и с позолоченными лопатами. И женщины — «красильщицы» в пестрой от красок одежде и с кистями в руках. Сначала они шли, медленно приплясывая. Но по мере того, как ускорялся ритм музыки, нарастал и темп танца. В такт музыке «рабочие» ударяли лопатами о мостовую, а их передники, преломляя в зеркальцах огни, сверкали.

Вскоре появилась вторая группа — люди, одетые в сказочные костюмы птиц... Следом третья — в национальных негритянских масках... Потом — в индейских масках... Менялись костюмы — изменялся и характер пляски, мелодия... А темп все нарастал и нарастал.

Мы стояли, очарованные этим необычным и незнакомым нам зрелищем. А праздничное шествие продолжало меж тем двигаться все дальше и дальше, и казалось, ему нет конца...

От набережной до огромной гостиницы «Габана Либре» Рампа протянулась почти на километр. Это расстояние карнавальная процессия прошла за полтора часа. Отовсюду — из окон и с балконов доносились ободряющие возгласы. Плясали все, даже на балконах. Трех — четырехлетний малыш лихо отплясывал твист, а высокий, сухопарый мулат, весь в белом, самозабвенно исполнял какой-то танец со стаканом, который оказывался у него то на ладони, то на лбу, то на голове.

Кубинцы обладают природным чувством ритма. И хотя оно не чудно и грузинам, мы были восхищены виденным. Это было феерическое, захватывающее зрелище, и когда оно закончилось, я почувствовал, что страшно устал (в этом признались и другие). А между тем наши добрые хозяева, оказывается, специально для нас окончили карнавал раньше, чем обычно. «Разве это карнавал! Настоящий карнавал длится до утра!», — в ответ на наши восторги ответили нам наши кубинские друзья на следующий день.

Мы и потом слышали много песен кубинского народа — и новых, и старых. Их пели в кафе и на концертах, на улице и в автобусах...

Вспоминается импровизированный концерт в вестибюле гостиницы «Габана Либре» вечером накануне нашего

отлета. Парни и девушки (о них я обязательно еще расскажу) пришли провожать нас. Многие девушки плакали — им было жаль, что мы улетаем. Круг сомкнулся. Одна из них пела чувственно, чуть надтреснутым голосом, который так подходил к этим, казалось, идущим из самого сердца, песням: спев песню, девушка рассказала нам ее содержание...

Кубинцы не могут не петь и не танцевать (я не забуду девушку с курорта Варадеро, которая, не обладая слухом, все-таки самозабвенно пела).

Возможно, я и ошибаюсь, но мне показалось, что нежность и романтичность, темперамент и природная ритмичность — эти начала креолов и чернокожих здесь органически сплелись...

ЮНЕСКО ошибается

Но кубинцы умеют не только петь и плясать. Достаточно увидеть, с каким достоинством стоит на посту с оружием в руках кубинец или кубинка, как ухажены их мандариновые плантации и плантации сахарного тростника; как скребут на рассвете дворники мостовую; какая чистота на украшенном пальмами дворе цементного завода — и вы убедитесь, что этот народ умеет по-настоящему бороться и трудиться.

Некоторым показалось, что жизненный, рабочий темп здесь несколько замедлен. Возможно, это и так. Ведь каждой стране, каждому народу присущ свой внутренний ритм, обусловленный его природой. В частности, этим и отличаются народы друг от друга. И разве так необходимо, чтобы всюду люди были одинаковы? Как известно, стремление сделать их таковыми в прошлом никогда не приносило хороших результатов... В период блокады условия жизни кубинцев меньше всего располагали к песне и пляске. И если все же даже тогда народ находил для этого время — это говорит о его большой вере и большой душе.

«Es Tudiant, es Tudiant, es Tudiant...» — эти хорошо знакомые нам три слова — «учиться, учиться и учиться» — выведены большими буквами на рекламных щитах, которые часто попадали нам на глаза как в городе, так и в его окрестностях. В новой Кубе учеба не нуждается в рекламе. Лозунг отражает лишь то оградное явление, которое стало непреложным фактом в этой стране — здесь все учатся. Всему миру уже стала известна та грандиозная победа, которую одержали несколько лет назад члены армии борьбы с безграмотностью — они научили грамоте свыше одного миллиона сельскохозяйственных рабочих и в течение года претворили в жизнь то, на что, по подсчетам ЮНЕСКО, понадобится десять лет.

Революционное правительство всеми силами стремится развить в молодежи желание учиться, создает ей все условия для учебы. В фешенебельных коттеджах, оставленных богачами, открыты студенческие общежития; учеба, форма для учащихся средних школ и студентов вузов, питание, учебники — бесплатны. Студентам даже еще выдаются деньги на карманные расходы.

Достойной оценкой работы, проделанной в этом направлении, была бурная оvação, прозвучавшая в день открытия конгресса в огромном спортивном зале, когда президент Освальдо Дортикос привел следующие цифры: в стране построены 661 сельская школа с 1 700 аудиториями, 345 школьных центров с 3 450 аудиториями, 6 технологических школ, 4 начальных института. Помимо этого строятся новые корпуса университета, Академии искусств, 6 крупных военных казарм передано технологической школе, в тридцати других казармах расположилось 30 школ и т. д.

Большим достижением в школьном строительстве можно считать расположенный у подножья гор Сьерра-Маэстра новый школьный городок, носящий имя Камило Сиенфuegosа, рассчитанный на 20 000 учащихся (к сожалению, мы не успели побывать там, но те, кто видел его, были восхищены архитектурой этого учебного комплекса).

На эту большую заботу, оказание которой нередко еще сопряжено с большими трудностями, молодежь отвечает неумейной жаждой знания.

«О-о, Куба!»

На нашем конгрессе было пять официальных языков: испанский, английский, французский, немецкий и русский. А участвовало в нем очень много делегатов, не говорящих на этих языках. Поэтому нужно было много переводчиков. И вот, придя в гостиницу, мы увидели шестнадцати-семнадцатилетних юношей и девушек — студентов Института иностранных языков, которые уже ждали нас. Пожалуй, наш приезд больше всего обрадовал именно их. «Веседа с вами будет для нас хорошей практикой», — признались они. Эти юноши и девушки изучают русский язык в среднем менее года, но уже прекрасно усвоили его основы. Это не только свидетельствует об их способностях, но и об удивительной усидчивости и трудолюбии: в вестибюле гостиницы или на заседаниях секций конгресса часто можно было увидеть этих студентов с раскрытой книгой и тетрадью в руках. Многие тут же записывали новое для них слово или выражение. Достаточно было кому-нибудь из нас появиться в вестибюле гостиницы, как рядом мгновенно появлялись наши переводчики. — Как живете?

Как идут дела? — вежливо обращались они к нам по-русски. Так продолжалось в течение всех пятнадцати дней нашего пребывания на конгрессе. За это время мы успели очень привязаться к ним.

Вот они, наши юные друзья: Мариа («Меня зовут «Куки», — сказала она. У «Куки» множество друзей); чуть сентиментальная (в этом возрасте это вполне простиительно) «толстущка» Марта; умная, любознательная худышка» Марита; застенчивая, спокойная Норма («Расскажите мне об истории Грузии», — все просила она); невысокий крепыш Луис Хель Сомери (он только о Фиделе и говорит. Но в этом он не исключение); миловидная Наташа (она очень гордится тем, что носит русское имя); и, наконец, сдержанная, с лукавым юмором, полная нежности шестнадцатилетняя красавица синьорита Лиана Бош («Я не знаю на Кубе второй девушки с именем Лиана», — сообщила она).

Всех не назовешь. Их было много, любознательных и сердечных. Большое спасибо им за то, что они такие хорошие! Это им и их ровесникам предстоит осуществиться на деле слова Фиделя: «Мы совершили социальную революцию. Но существует революция, которая никогда не кончается, — это революция техники».

Молодежь эта очень красива и, мне кажется — это еще одно национальное качество кубинского народа. О кубинцах я умолчу — пусть о них пишут женщины. Но кубинские женщины... Когда мы сошли с самолета, нас встретила девушка с высокими, тонкими ногами, стройная, смуглолицая, с волнистыми каштановыми волосами и большими карими глазами, обрамленными длиннющими ресницами, с тонкими бровями, белыми-белыми зубами и очаровательной улыбкой. Мы думали, что хозяева приготовили нам приятный сюрприз: дорогих гостей встречала одна из красивейших девушек Кубы. Но оказалось — Норма (так звали ее) одна из «типичных» кубинок. В кубинской женщине, казалось, рафинирована вся красота природы этого острова — глубокое темно-синее небо, величественно раскинувшиеся пейзажи: бархатистые зеленые холмы и красные горы, высокие стройные королевские пальмы, кактусы-недотроги, сказочное обилие цветов, очень-очень жаркое солнце и темное, цвета чернил, море.

Красивых стран много, и, конечно, каждая страна находится в гармоничном единстве со своим народом. Мне хочется назвать Кубу — великолепной и величественной. Думаю, эти два слова наиболее полно характеризуют в целом эту страну и ее народ. Возможно, именно поэтому наш друг — архитектор Торнике Чхеидзе, побывавший на Кубе два года назад, и сейчас, когда заходит о ней речь, восклицает: «О-о-о, Куба!..»

Такую страну нельзя не любить. И кубинцы любят ее самозабвенно. Они хотят знать и мнение гостей о Кубе, о Гаване. И не стесняются прямо задавать им этот вопрос, очевидно, уверенные в том, что ответ на него может быть только один! (Говорят, нечто подобное характеризует и нас, грузин. Возможно...)

Но это не мешает кубинцам так же живо и глубоко интересоваться дружественными им странами, проявлять свое уважение и любовь к ним. Так, их искренне интересует и радует все советское — будь то нагрудные значки, книги или встреча с советским кораблем. Они верят в нашу дружбу. Когда начался ураган «Флора», один юноша-кубинец сказал нам с непоколебимой убежденностью: «Советский Союз обязательно нам поможет». Эта вера испытана жизнью и ее надо беречь. Большое, доброе дело делают наши специалисты, помогающие молодой республике строить новую жизнь. Поэтому приятно было в их числе встретить и наших земляков. Молодые специалисты по субтропическим культурам — тбилисцы Кукури Беридзе и Тенгиз Габуния (его в шутку называют Робинзоном Крузо, так как он работает на острове Пинос). Шота Глonti из Махарадзе, геологи, инженеры и другие специалисты своим самоотверженным трудом и глубокими знаниями завоевали любовь кубинского народа.

Не забывают кубинцы и Левана Кикава, ставшего жертвой автомобильной катастрофы. Его именем названы две школы — одна в Камагуе, другая — в окрестностях Гаваны. Сейчас Левану Кикава ставят памятник. Мы беседовали с кубинцами, которые с любовью вспоминали «всегда веселого и неутомимого Левана».

На Кубе мы встретились еще с одним нашим земляком — кинорежиссером Михаилом Калатозовым. Его группа снимала тут двухсерийный фильм «Я — Куба», состоящий из четырех новелл.

Встречи с Калатозовым и кинооператором Урусевским глубоко запали мне в память. Вот Калатозов сидит с нами в номере гостиницы. Облокотившись на подушку, с олимпийским спокойствием он внимательно слушает нас. Внешне, казалось, его ничто не волнует, не трогает. Он скуп на слова. Лаконичен и точен. Но за этим внешним спокойствием вы не можете не почувствовать большого внутреннего горения художника, его сильной воли.

По внешним проявлениям его антипод — Урусевский. Он вечно в движении, вечно чего-то ищет, что-то увлеченно рассказывает.

У Калатозова — крупные правильные черты лица, большие глаза; Урусевский — курнос, глаза — всегда в легком при-

щуре, одинаковы у них только улыбка — добрая, теплая и одухотворенная, и безграничная увлеченность работой над фильмом, любовь к кубинскому народу.

Они показали нам снимки с рабочих кадров — великолепно! Чувствуются характерные для Калатозова теплота и монументальность в сочетании с динамическим кадром Урусевского, всегда обусловленным действиями героя. Артисты — не профессионалы. Но, несмотря на это, и режиссер и оператор ими очень довольны. — Очень, очень талантливый народ! — в один голос говорят они.

У такой страны, у такого народа не может не быть хороших друзей. И у Кубы был один большой друг, имя которого вы встретите здесь повсюду. Этот человек — Эрнест Хемингуэй.

«Финка Вихья» и новая башня

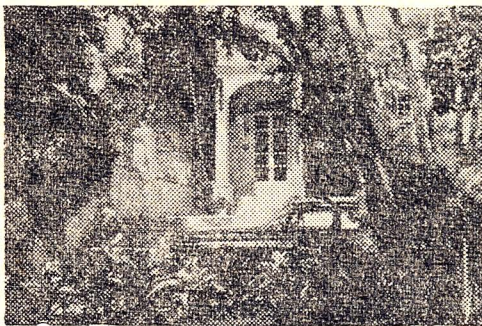
Как-то в «Неделе» я прочитал о том, как близкий друг Хемингуэя — генерал Чарльз Ленхем вспоминал: «Старик... не мог обратиться к кому-либо с приветствием «Хелло!» так, чтобы журналисты сразу же не написали на эту тему статью». Думаю, это сущая правда — я видел только его дом «Финка Вихья», расположенный близ Гаваны в местечке, которое называют Сан-Франциско де Паула, и не могу не поделиться впечатлениями, хотя я вовсе не журналист, и Старик не мог обратиться ко мне с приветствием «Хелло!».

Сан-Франциско де Паула обыкновенный провинциальный городок с небольшими индивидуальными одно-двухэтажными домиками. Они расположены на холмах. Перед домами со стороны улицы — маленькие дворики с чистым, красивым газоном. Дворы нигде не огорожены, и с улицы свободно можно наблюдать за повседневной жизнью каждой семьи. Люди отдыхают, нередко завтракают, болтают во дворе или на веранде, здесь же играют их дети. Все здесь знакомы друг с другом, буквально каждый знает, чем живет и дышит его сосед, очевидно, поэтому в городке меньше, чем где-либо, праздно любопытных людей...

Известная на весь мир резиденция Хемингуэя — одноэтажное каменное здание, которое стоит на самом высоком холме в городе, скупо украшено классическими мотивами, заштукатурено и выкрашено в белый цвет. Вокруг — прекрасный большой парк. Дом утопает в зелени. Здесь царствуют тишина и покой. Рабочие, которые ремонтируют один из флигелей, не нарушают этой атмосферы.

После смерти Хемингуэя его жена Мери (она живет в США) рукописи и документы писателя увезла, а дом его

передала революционному правительству Кубы. Сейчас здесь музей, и все сохранено в том виде, как было при жизни великого писателя. За домом стоит бывший управляющий Хемингуэя Рене. Этот среднего роста крепкий красивый мулат еще ребенком попал в этот дом. Здесь он вырос, возмужал. Писатель ему доверял полностью. Чувствуется, что и он очень привык к этому дому. Я представил себе — лет через двадцать-тридцать Рене уже пожилым человеком опять будет жить здесь и с

«Финка Вихья» — здесь все связано с Хемингуэем.

такой же любовью и почтением рассказывать посетителям о «странном» хозяине этого дома. Знает же он о нем многое. Пожалуй, и каждый из нас тоже уже знает многое о нем; он любил ужинать при свечах; писал всегда стоя, босой, преимущественно карандашом...

Комнаты расположены так, что их двери и окна выходят на открытую террасу, которая тянется вокруг дома. С террасы в открытые окна нам видна обстановка всех комнат. Отсюда мы смотрим в окна и слушаем Рене, который стоит внутри.

В столовой стол накрыт на три персоны (Рене рассказывает: «Здесь сидел он сам; напротив жена. А здесь — друг...»). На тарелке Хемингуэя фамильный герб, который он сам придумал — контур трех гор, — это воспоминания его детства; ниже — атрибуты, заимствованные из герба индейцев (один из далеких предков писателя был индейцем); еще ниже — три параллельные линии (он был капитаном американской армии). На столе под специальными стеклянными колпаками свечи (именно те, о которых мы «знали»).

В рабочей комнате (это не кабинет) стоит его широкая кровать. В глубине, справа у стены маленький коврик, на котором он стоял босой, когда писал (и это мы тоже «знали»). На постели разбросаны журналы и газеты. Рене говорит: «Он не разрешал нам убирать раскрытые и разбросанные им книги или газеты».

Рене показывает одну из последних рукописей, оборванную на половине страницы. Потом письмо, которое Старик написал ему за четыре дня до «самоубийства». (Рене, да, пожалуй, и все на Кубе уверены, что Хемингуэй покончил жизнь самоубийством.) В этом письме он пишет, что больше не сможет вернуться в «Финка Вихья».

Во всех комнатах чучела и шкуры убитых зверей; голова антилопы («... в Африке во время охоты он получил первую премию»), лани («... ее убила его первая жена»), снова лани («... четвертая жена убила»), носорога («... по этому поводу Старика спросили: как ему удалось его убить? Он ответил: «Если бы я его не убил, он убил бы меня»), леопарда, льва...

Рене знает место и историю каждого предмета. Его рассказ, наверное, и наскучил бы, если бы все в этом доме не было так правдиво. Однажды в Пятигорске мы осматривали музей Лермонтова. Гид с излишней патетикой рассказывал — на этом стуле, возможно, сидел Лермонтов... У этого стола он, возможно, провел свой последний вечер... Почему «возможно»? Выяснилось, что эти предметы не имели никакого отношения к Лермонтову, они были собраны в разных местах, поэтому их вид ничего не говорил ни нашему уму, ни сердцу. А что привлекает внимание посетителей в Доме-музее Ильи Чавчавадзе в Сагурамо? Ореховое дерево, родник, личные вещи писателя... Галерею же раскрашенных картин и фотографий, а в особенности так называемую траурную комнату посетители осматривают равнодушно, лишь из уважения к gidу. Очевидно, поэтому один иностранец, побывавший в Сагурамо, как-то сказал мне: «Великий был человек. Собран очень интересный материал о нем. Но, наверное, экспозиция сделана давно и вы собираетесь делать новую?» Я, конечно, подтвердил его догадки...

Делать из вещей, принадлежавших выдающимся людям, фетиш, безусловно, ни к чему. Но, думается, сохранять на своем месте личные вещи великого человека нужно, и это правильно, так как лишь в этом случае вызывают они интерес и почтение. Это естественная реакция. Благодаря этому многое в деятельности, в творчестве, в делах писателя, крупного деятеля становится понятным, а порою даже странным, но все же интересным.

К западу от дома, на расстоянии десятка шагов, возвышается четырехэтажная постройка типа башни. На каждом этаже в ней — одна комната. Когда поднимаешься по железной наружной лестнице этого строения, из окон и дверей видны обставленные новой мебелью комнаты. Но выглядят они безжизненными — чувствуется, что здесь никто ни

когда не жил. Эта башня была построена специально для того, чтобы Хемингуэй здесь работал. Но Старик вошел в нее только один раз и больше туда не возвращался.

В одной из комнат стоит современный письменный стол на тонких ножках. Трудно представить, что Хемингуэй мог сесть за него (так же как невозможно представить орла на насесте для кур). Поэтому в «башне» обитали лишь его любимые кошки...

Заранее приношу извинения читателям, но я должен назвать место, которое архитекторы именуют мокрой точкой. Так вот, здесь, как и во всех других помещениях этого дома, за исключением столовой, устроены книжные полки, низкие и сравнительно маленькие. На них небольшие книги, журналы и газеты. То, за что мы порой ругаем наших малышей, для Хемингуэя было вполне допустимо. Эта деталь помогает понять, как по-разному относимся мы к одним и тем же привычкам и поступкам у великого человека и у простого смертного...

«Распорядок моего дня — письмо и чтение», — любил повторять писатель. Если прибавить к этому охоту (конечно, не в «Финка Вихья»), то сад, дом, оставленные в нем вещи, величественный вид, открывающийся отсюда на Газану и море, прекрасно дополняют наше представление об Эрнесте Хемингуэе. И если порою его привычки кажутся нам странными, но все же привлекательными, то потому, что это был Эрнест Хемингуэй — великий деятель, писатель, который всегда оставался человеком.

«Поймать маленькую рыбку — это еще не мужество!..»

Далекий отзвук хемингуэевского «Хелло» мы здесь все же услышали, и намного раньше, чем посетили его дом. Это было в первый день нашего прибытия на остров, в Барловенто — в поселке для туристов и рыбаков, в пригороде Гаваны. К нам подошли пять-шесть мужчин. Вскоре с помощью переводчика между нами завязалась живая, интересная беседа. Это здешние рыбаки: они, и без того смуглые, до черноты опалены солнцем, очень худы, но мускулисты и жилисты. Они показали нам свои ладони — мозолистые, изборожденные глубокими шрамами... Их интересовало все о нашей стране, а нас — все о их красивой, но трудной профессии.

— Ночью выходим рыбачить. Приходите вечером, заберем вас с собой в море.

Это было бы замечательно, но конгресс, экскурсионный маршрут, дисциплина и многое другое помешали нам воспользоваться этим предложением.

— Здесь очень много рыбы — крупной рыбы... — Они назвали ее.

Мы спросили: — Занимаетесь ли промысловым ловом?

— Ловля мелкой рыбы не требует мужества.

Спорить мы не стали — она, конечно, не требует мужества, но дело это нужное.

Незаметно разговор перешел на Хемингуэя. Рыбаки сразу оживились. Оказывается, писатель часто бывал здесь. Каждый из рыбаков знал его.

— Он так же хорошо рыбачил, как писал романы, — авторитетно заявил один из них.

— Вы смотрели фильм «Старик и море»? Вот этот парень исполняет роль Мучачо!

Невысокий, очень худой, словно морская соль и солнце высушили его, юноша кивнул нам в знак подтверждения. В глазах его светилась теплая-теплая искорка, на лице — доверчивая улыбка. Улыбаясь, он показывал нам изъеденные зубы. Здесь, у моря, увидели его Хемингуэй и режиссер. В других фильмах «Мучачо» не снимался...

Урусевский рассказывал мне: «Знаете, как снимали этот фильм? В Голливуде заказали макет большой рыбы. Макет был исполнен мастерски. Различить имитацию (тем более в кино) невозможно было. Но Хемингуэй категорически отверг этот макет. Он сел в лодку и отправился рыбачить. Пробыл в море несколько дней. Первые две большие рыбы, которые он выловил, ему не понравились, показались маленькими. Наконец, он поймал эту огромнейшую рыбку, которую мы и видели в фильме. Интересно, что в открытом море при съемке вторых планов, в лодке сидел сам Хемингуэй. Только на первом плане снимался актер. Скелеты этих трех рыб по сегодняшний день хранятся в клубе рыбаков в Кохимаре. У входа в этот клуб нарисована огромная рыба, к ней сделана надпись: «Это самая маленькая рыба, какую когда-либо поймал Хемингуэй»...

Потом рыбаки пригласили нас в местный бар. Здесь на стенах фотоснимки: Хемингуэй с рыбаками, в лодке, с пойманной рыбой. А вот Фидель и Хемингуэй с огромной рыбой...

— Они дружили. Однажды оба приняли участие в традиционном празднике рыбаков. До этого в соревнованиях всегда побеждал Хемингуэй. Тогда же победил Фидель! — с гордостью сказал один из рыбаков. Потом добавил: — Возможно, потому, что Хемингуэй был уже стар.

Рыбаки вспоминали этого великого человека с большим почтением, чувствовалось, он оставил здесь присущие ему тепло, добро и мужество.

Рыбаки Кохимара соорудили Хемингуэю памятник. На торжественное открытие памятника из Гаваны прибыли

официальные лица, присутствовал автор и все рыбаки со своими семьями, были произнесены речи, играла музыка, потом начались и танцы... На следующий день в Кохимар вновь приехал скульптор и объявил, что должен увезти бюст писателя в Гавану, так как он из гипса и не устоит против дождей и морского ветра. Рыбаки огорчились, но ничего поделать не могли. Тогда скульптор успокоил их, пообещав, что если они достанут бронзу, он сможет отлить бюст писателя и поставить его здесь. Долго пустовал пьедестал. Долго искали рыбаки выход — ведь у страны очень мало цветного металла. И вот однажды родилась хорошая мысль — самим взяться за сбор металла. Было решено: снять с рыбацких лодок все бронзовые части. Так и поступили... Теперь в рыбацком поселке близ Гаваны стоит бронзовый бюст Хемингуэя...

Старик Хемингуэй, море и Куба — для кубинцев единая легенда. Свою близость со Стариком оспаривают рыбаки Кохимара, Барловенто, Мариеля и других мест. Да не только рыбаки. Поэтом некоторые истории или случаи, рассказанные ими (происшедшие именно в их поселке), очень схожи. Я не убежден, что на этом побережье не окажется еще двух-трех «Мучачо», которые принимали участие в фильме «Старик и море».

В жизни и творчестве большого писателя и человека отражается судьба многих тысяч простых людей. Поэтому неудивительно, что каждому из тех, кто с ним сталкивался, хочется быть участником к нему или зависимым от его судьбы. Это не эгоистичное или достойное порицания чувство. Это народная любовь, и она тем более понятна, что эти простые люди действительно были так близки к великому Старик, так непосредственно испытывали на себе волшебную притягательность его душевной теплоты и физической силы. Поэтому и сегодня вас встретит здесь теплое, ласковое приветствие Старика — «Хелло!»

Как хорошо, что он и Куба были и остались такими хорошими друзьями. Пусть всегда будет так...

Политика или архитектура

Представители прогрессивно настроенных *зодчих мира два года боролись* за осуществление решения VI лондонского конгресса Международного Союза архитекторов — на VII конгресс собраться в Гаване. В итоге они победили — правда и разум восторжествовали. Хотя надо сказать, что все же представители некоторых стран так и не прибыли в Гавану; после закрытия конгресса пришлось назначить заседание исполнительного комитета в Мехико; от этих ухищрений ничуть не пострадали ни значение конгресса, ни престиж нашей междуна-

родной организации, ни революционная Куба.

Всемирный форум зодчих (на котором, повторяю, были представители 69 стран) прошел празднично, организованно и в деловой обстановке.

Открытие конгресса, фейерверк, карнавал, грандиозные банкет, концерты — все это был один большой праздник, тон которому задавали хозяева.

Несмотря на известные трудности — гостиницы, питание, экскурсии, выпуск стенографических материалов на пяти языках и синхронный перевод выступлений на столько же, — все было организовано великолепно. Лишь однажды, на последнем пленарном заседании, вдруг нарушилась сложная сеть синхронного перевода и в течение часа ее не могли наладить. Позже Фидель, вспоминая в своем выступлении этот случай, пошутил: мол, вы еще раз могли убедиться, какую большую роль играет техника в архитектуре... Организаторность хозяев мобилизовала и гостей.

Но главное все же было дело, и во главе него опять-таки стояли хозяева. Тема конгресса: архитектура стран, вставших на путь независимости. В 50—60-е годы нашего столетия в социальной и государственной основе стран Латинской Америки, Африки и Азии произошли радикальные сдвиги; этот процесс продолжается и сейчас. Поэтому тот факт, что на конгрессе в центр внимания была поставлена эта тема, ни для кого не показался удивительным.

Вся работа, проходившая в четырех секциях, — районная планировка, жилой дом, строительная техника, микрорайон, — была подытожена в общей резолюции, принятой на пленарных заседаниях.

Я не буду касаться рассмотренных на конгрессе вопросов, интересных только для специалистов. Остановлюсь лишь на самом примечательном и существенном.

Большие трудности коренились уже в самой теме конгресса. Ведь страны, ставшие на путь независимости, отличаются друг от друга по уровню общественного и экономического развития. В некоторых из них еще не доведена до конца борьба за независимость. В связи с этим у зодчих каждой из этих стран возникают свои, отличные от других стран, конкретные проблемы. Характерно, например, что из двух выступлений от стран огромного Африканского континента, заранее подготовливаемых для конгресса, отчет представила только ОАР. Другим странам просто почти не в чем было отчитываться.

Общими для всех этих стран являются: слабость технической базы, недостаток национальных архитектурно-инженерных кадров и острый жилищный

кризис (особенно в странах Африки. А по сведениям ООН 80 процентов жилых домов в странах Южной Америки не отвечают гигиеническим требованиям) и должны быть заменены; при районной планировке большую трудность представляют частные владения и неплановое ведение хозяйства. Делегация Уругвая поставила вопрос категорически: составление проектов районной планировки возможно, по ее мнению, только при социализме.

Примечательно и другое явление — нередко дискуссии на конгрессе носили чисто политический (и порой очень острый) характер. Положение же Международного Союза архитекторов исключает возможность политической направленности его деятельности. Но разве мог кто-либо (тем более на Кубе) запретить представителям стран, недавно ставших на путь независимости или борющихся за желанную свободу, говорить правду о том, что развитие строительства и зодчества зависит исключительно от решения основных социальных проблем. Тем более, что мы были на Кубе.

А новая Куба проходила лейтмотивом через всю работу конгресса. Это признавали почти все. Зодчие стран Латинской Америки так прямо и заявляли, что примером подражания для них является Куба (при этом они имели в виду не только архитектуру!).

О независимости Кубы и народов Латинской Америки прекрасно сказано у аргентинского писателя Альфреда Валера: «В законах кубинской революции записано не все, но многое в них подразумевается. Особенно — радость!».

Представителей Бразилии, Перу, Уругвая или Гватемалы в Кубе интересовало все: история революции, современное строительство и в особенности — будущее. Возможно поэтому и в беседах с членами нашей делегации они проявляли такой большой интерес к сегодняшнему дню Советского Союза, ибо понимали и видели, что пути развития Кубы идут в том же направлении.

Один из уругвайских архитекторов, католик, депутат меририи столицы Уругвая настойчиво спрашивал — из скольких комнат у нас квартиры; какая у нас зарплата, есть ли у нас возможность приобрести легковую автомашину, имеют ли наши колхозники частную собственность?.. Позже кто-то из его коллег с улыбкой спросил уругвайца, не боится ли он, что к их возвращению его депутатское кресло в меририи будет уже занято?! Депутат смеялся вместе со всеми и, видимо, его вовсе не волновала перспектива потери депутатского кресла...

Ситуация, отмеченная выше, а главное, старания наших хозяев обусловили политическую заостренность и деловую

основу резолюции конгресса. В ней записано, что только с помощью знания, благодаря пониманию исторических процессов, на основе анализа объективных последствий, в условиях разрешения основных социально-экономических проблем архитектуры смогут решить стоящие перед ними проблемы. Эти глубоко верные мысли (для нас это может быть только отражение истины)—результат трудной борьбы, итог большой победы.

В резолюции для стран, ставших на путь независимого развития, записано много интересных, практических мероприятий, в том числе техническая помощь этим странам (она исключает политический или экономический нажим); помощь в подготовке национальных кадров специалистов; разрешение сложнейших проблем архитектуры жилых домов с помощью Международного Союза архитекторов и соответствующих комиссий Организации Объединенных Наций и т. д.

Габана или Сант-Яго?

На конгрессе было еще много интересного: выставка, представляющая современную архитектуру всех стран; первая международная встреча преподавателей и студентов архитектурных факультетов и в связи с этим выставка дипломных и курсовых работ последних (во встречах и на выставке принимал участие и Георгий Тония из Грузии); выставка работ международного конкурса на лучший памятник в честь победы кубинского народа при Плайя-Хироне (итоги этого конкурса, на мой взгляд, оказались несколько неожиданными и непонятными). Обо всем не расскажешь. Здесь вкратце расскажу о Гаване и о кубинской архитектуре.

Гавана или Габана (как ее называют кубинцы) во многом очень интересный город. Среди участников конгресса часто возникали споры о том, какой город красивее: Сант-Яго или Гавана. Все сравнивали именно их, хотя видели и много других городов. Я не бывал в Сант-Яго, поэтому сравнивать его с Гаваной не могу, но такого красивого города, как Гавана, не видал.

По своему облику это типичный «американский» город с прямоугольными кварталами, прямыми улицами, небоскребами... Вспоминаю Чикаго или Нью-Йорк. Сопоставлению не мешает то, что эти «классические американские» города по сравнению с Гаваной имеют большие масштабы (в Гаване полтора миллиона жителей).

Нью-Йорк изумляет. Чикаго нравится. Гавану же вы сразу полюбите. Наверное, город — это не только дома и улицы. Это народ, его быт, темперамент и ритм, а еще его рельеф, солнце и зелень, то, что мы называем природой. Это и определяет лицо города.

Темно-фиолетовое море, мягкий изгиб залива, далеко вдающегося в берег, разбросанные на невысоких холмах дома (на самой высокой возвышенности, в глубине города—центральная площадь с большим мраморным обелиском Хосе Марти). Сверху к морю сбегают прямые, широкие улицы. Лишь изредка, в отдалении друг от друга стоят небоскребы (самый высокий — сорокаэтажный): около Рампы они расположены сравнительно густо. В городе много зелени и тепла. Между камнем и бетоном проникает солнце, и человек, несмотря на довольно трудные климатические условия на Кубе, высокую влажность и температуру воздуха, дышит свободно. Очевидно поэтому, выйдя в первый же вечер на Рампу, мы признались друг другу в том, что чувствуем себя здесь, как дома.

Еще несколько штрихов к силуэту Гаваны

Город сохранил интересную, характерную для него материальную историю, которая начинается в 1515 году. Я имею в виду старые районы, так называемую колониальную Гавану, где все еще царит дух средневековья. Узкие улочки, обрамленные арками и галереями зданий, замкнутые маленькие площади, каменные дома с верандами... Под арками, на улицах — тень и прохлада, а вокруг — покой и интимность...

В архитектуре зданий сочетаются спокойные классические линии, беспокойное барокко и восточная красочность; все это вместе называется испанским барокко.

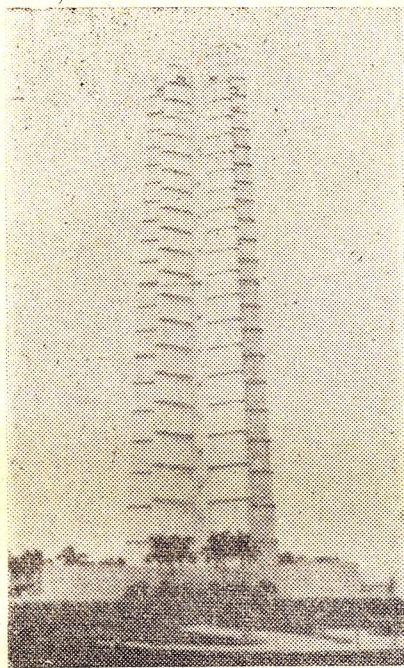
По обе стороны очень удобной гаванской бухты видны широкие каменные стены крепостей XVI века, замки, башни. Здесь находилась и тюрьма, в которой испанские инквизиторы пытали кубинцев, борющихся за свободу; потом свои жертвы, «избавленные от грехов», они через специальные каналы спускали в океан, где их ждали голодные акулы...

Рельеф Гаваны живописен, но мягко выражен не ярко. Надо отметить, что здесь чрезвычайно бережно относятся к рельефу, умело используя любые его особенности, оставляя нетронутыми врезанные в улицы и площади возвышенности, красноватые скалы. Кубинцы не боятся оставлять их «неприкрашенными». Лишь иногда озеленяют их.

Прекрасный образец функционального использования архитекторами существующего рельефа — выставочный павильон «Куба», который спроектирован специально для конгресса и выстроен за три месяца. Он представляет собой открытую железобетонную колоннаду, расположенную на довольно наклонном рельефе, который в самом строении почти не тронут. Колоннада перекрыта сборными, плоскими железобетонными плитами. Удачно вписанные легкие ле-

стницы взбегают по зеленым склонам, на которых выставлены экспонаты, иллюстрирующие историю Кубы. Взаимосвязь между высокой колоннадой, масштабами улицы и склонами найдена изумительно. Интерьер павильона открыт в сторону улицы и хорошо сочетается с ней.

Когда говорят о художественном ансамбле современного города в целом, в первую очередь подразумевают его силуэт. В Гаване помимо рельефа его создают и высотные здания. Их архитектура, за редким исключением, совре-

Беломраморный обелиск в честь Хосе Марти на площади Революции.

менна и этим отличается от небоскребов Нью-Йорка или Чикаго. Современные строения — здание ООН, «Сиграм Билдинг» или «Ливер Хауз» в Нью-Йорке и два жилых дома Мис Ван дер Роз, «Лейк Шор Дрейв» в Чикаго, конечно, не определяют уже сложившийся архитектурный силуэт этих городов. Небоскребы же Гаваны — «Габана Либре»,

«Габана Ривьера», бывший доходный жилой дом Фокса и особенно так называемый медицинский центр с их простой и «чистой» архитектурой, с оригинальным и тонким использованием цвета или цветной мозаики (сюжетные композиции, живописные пятна), оправданными климатическими условиями противосолнечными щитами и жалюзи, естественно вписываются в силуэт города. Конечно, эти здания не лишены недостатков. Но их облик, а следовательно и облик города в целом, более современны (во многом это объясняется тем, что в основном они выстроены в сороковых-шестидесятых годах нашего столетия).

В Гаване много строят. Особенно жилых домов.

Строительство идет не только в Гаване, но и в провинциальных городах, селах, особенно — на курортах. И если архитектура вновь строящихся зданий не везде всем понравилась (это дело вкуса), то качество строительства привело всех в восхищение!

В связи с этим я подумал — хорошо было бы провести на Кубе и Всемирный конгресс строителей.

* * *

Я не собирался писать дневник туриста. Но не хотел также, чтобы это были впечатления специалиста. Что же у меня получилось в итоге... судить читателю.

... Мы оставляем Кубу — очень далекий, но теперь уже очень близкий нам остров. Вообще в наше время расстояние все больше становится понятием символическим. Благодаря реактивным самолетам (не говоря о космических скоростях) люди все ближе узнают друг друга, становятся более близкими, родными, нужными. И вот воздушный лайнер, пилотируемый Борисом Квижинадзе, за четырнадцать часов доставил нас из Кубы в Москву. А оттуда до Тбилиси всего два часа. Через два-три дня Борис Квижинадзе снова вернется в Гавану. Он доставит туда новую группу советских людей, любознательных и полных доброжелательности к народу Кубы. Они тоже оставят на ее плодородной земле перспективные семена дружбы.

Гавана — Тбилиси.

Критика

Совет Министров Грузинской ССР по представлению Республиканского Комитета по премиям имени Шота Руставели присудил республиканские премии имени Шота Руставели 1965 года за наиболее выдающиеся произведения грузинской советской литературы и искусства: Абашидзе Ираклию Виссарионовичу — за стихи «Палестина, Палестина...» (из цикла «По следам Руставели»), Амашукели Элгудже Давидовичу за скульптуру «Картвлис деда», Гамсахурдиа Константину Семеновичу — за роман «Давид Строитель», Гудиашвили Владимиру (Лад) Давидовичу — за работы в области живописи и графики, созданные за последние два года.

В этом номере начинаем публиковать статьи о лауреатах Руставелевских премий.

Николай ТИХОНОВ

Встреча с Руставели

Великий образ Шота Руставели, создавшего бессмертную книгу «Вепхисткаосани» — «Витязь в тигровой шкуре», известен во всем мире. К нему время от времени обращаются художники, скульпторы, графики, поэты, чтобы снова и снова изобразить его или героев его замечательной книги.

Для новых поколений он сохранил притягательную, волшебную, чарующую силу, и сама судьба его, скрытая в легендарных напластованиях веков, до сих пор не была до конца прояснена.

Известно только, что во времена средневековья, он написал свою книгу, как обращение к будущему, сказал о неиссякаемой человеческой верности как в любви, так и в дружбе, и народ сохранил его слово, пронес через все испытания, и сегодняшним людям ясно, что Руставели был тем великим поэтом и мыслителем, который видел через головы современников высокое небо Возрождения.

Упорные поиски, которые велись на протяжении столетий, не могли точно открыть путь его скитаний и место, где он нашел последнее прибежище. И вот совсем недавно, идя по следам Шота Руставели, грузинские ученые филологи Акакий Шанидзе и Георгий Церетели вместе с поэтом Ираклием Абашидзе побывали в Крестном монастыре, в Иеруса-

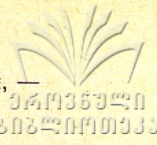
лиме, в Палестине, и там нашли ряд замечательных материалов, связанных с последними годами жизни великого поэта.

Ираклий Абашидзе, взволнованный всеми переживаниями, полный поэтического восторга перед великой тенью Шота Руставели, помимо «Палестинского дневника» создал яркую, насыщенную поэтическим пафосом, поэтическими находками, книгу стихов: «Палестина, Палестина...»

Эта книга не может не привлечь внимания всех, кто любит настоящую поэзию, потому что она написана со страстью, с глубоким проникновением в необычную тему, со смелостью и уверенностью большого мастера.

Книга написана необычно. Поэт, оставшись у стен палестинского Крестного монастыря, где по преданию скончался Шота Руставели, просит у великого своего поэтического предка разрешения посмотреть глазами Руставели на прожитую жизнь, за него передать все, что чувствовал, о чем думал создатель «Вепхисткаосани» в своем последнем уединении.

И дальше он передает этот голос, как бы доходящий через века до нас, до сегодняшнего времени. Это настоящее поэтическое проникновение в самую глубину признаний, откровений, борьбы

смятенных чувств, последних решительных размышлений человека, поэта, мудреца, борца за свободного человека, горячего патриота родной страны.

Сначала Ираклий Абашидзе взволнованно рассказывает о своих тщетных, долгих поисках, которые вели его по свету и по дорогам Востока в самые глухие и трудные места, и всюду не было следов великой тени, но вот теперь он может благоговейно и восторженно сказать: «Ты — здесь!»

Это своеобразное вступление уже само по себе значительно и написано с большой силой поэтического вдохновения. Но дальше наступает труднейшее. Голос Руставели вступает в книгу, и Ираклий Абашидзе чувствует, какая ответственность ложится на него. Он понимает, что это не простой ввод поэтического героя. Поэтому он обращается мыслью к родной Грузии, пишет главу, которая называется: «Кто знает, как Вардзия ждет». И не только это место, связанное с жизнью того далекого века, когда Тamar и Руставели ходили по земле и смотрели с высот Вардзии на Куру, его ждут и стены Тмогви и Хертвиси, и ласточки над Курой, и роза долин, окропленная росой. Они ждут, что скажет этот воскресший голос, что принесет поэт сегодняшней, вызвавший видение далеких веков.

И мы слышим голос Шота Руставели, и с каждым новым его обращением, полным душевной исповеди, признания и поэтической страсти, чувствуем, каких успехов достиг Ираклий Абашидзе, воспроизводя этот ответственный, поэтический монолог. Все, что было главного, глубокого, сильного в жизни и сердце Руставели, звучит перед нами. Он говорит богу:

Ты поклоненья требовал слепого,
 Коленопоклоненья одного, —
 Но только мысли, воплощенной в Слово,
 Я поклонялся, веря в естество!

Сладость свободной мысли, радость раскрепощенного разума владела поэтом. Это сказано у стен Крестного монастыря. Но голос звучит и в самом монастыре, и в оливковом саду, в белой келье, и позже — в сумраке монастырских стен.

Я,
 Не венчанный короной,
 Только
 мыслью
 был всегда,
 Только
 мыслью бессонной...

¹ Здесь и дальше стихи даны в переводе А. Межирова.

Просто был я сам собой, —
 Думая о человеке,
 Человеческой судьбой
 Не повелевал вовеки.

Голос в оливковом саду признается в строках, полных скрытого волнения и страдания:

В том признаюсь,
 что на свете
 превыше всего
 Родину ставил, —
 и ежели грех мой таится
 Именно в этом, —
 готов отвечать
 за него,
 Пусть покарает меня
 справедливая
 божья
 десница...

Если достоин я
 гор и ущелий родных,
 То потому, что
 и сердце,
 и честь,
 и дыханье,
 Как на алтарь,
 я пожертвовал только на них,
 Схиму и пост в Палестине
 предвидя заране.

Голос у Мертвого моря говорит и молит о том, чтобы Всевышний не посылал на родную страну врагов, которые захватят ее земли и моря, и принесут ей горе и разорение.

Молю. —
 Не закрывай
 Морских ворот
 Земли грузинской...
 Исхожу мольбою, —
 Не отрывай
 Мой праведный народ
 От мира, просвещенного тобою.

Голос в белой келье — это страстный вопль любви, любви, не знающей границ, любви, наполняющей все существо, которая и весильна и все же ничего не может изменить в судьбе поэта. Это чувство охватывает всего человека, все его помыслы, но сейчас это только крик пораженного смертельно сердца:

«Тамар, ты плач и стенание, без края,
 без границ,
 Тамар, ты — солнце, солнце, зашедшее на-
 век!»

(Подстр. перевод)

Но если этот вопль любви долго остается у вас в памяти, то голос у холма у Крестного монастыря, говорящий о родном языке, ведет вас в область дру-

гой любви, тоже могучей, тоже сокровенной, искренней до предела. Эта любовь другого размаха, другого звучания — любовь к родному языку, без которого нет поэта, нет и созданного им навечно.

«О, язык мой, родной язык... Ты дар наш, полет и устремление...»

(Подстр. перевод)

Этот восторженный, оглушающий, как бы безграничный крик радости, прославление родного языка сотрясают душу и тело прошедшего трудный жизненный путь поэта. Язык — утешение и награда, дыхание, родной язык, оставшийся с человеком после всего, чего он лишился в жизни.

«Тебя одного не могу забыть, стоящий у края могилы...»

(Подстр. перевод)

И дальше наступает эпический момент особой, я бы сказал, живописности. Умирает великий поэт. Он расстается с землей. А вокруг все начинает сверкать красками. Заснежена его борода, на щеках покоится заходящего солнца тусклый свет, синие ветки оливкового дерева ложатся на его грудь. Раскрыта книга, положен животворящий крест... Но он смотрел в потолок своей кельи. С кем он спорил? С кем беседовал? Верил, не сомневался, верил, не сомневался...

И как бы голос духа долетает до нас в сумерках Крестного монастыря. Все прошло. Закончились блуждания в мире. И Любовь, царица-солнце, была только сном.

«И как последний вздох души моление, обращенное к богу, чтобы молитва поэта хранила святую отчизну в веках... ее бессмертную десницу, ее бессмертный язык...»

(Подстр. перевод)

Ираклий Абашидзе с большой поэтической и психологической силой воссоздал образ одинокого великого гуманиста и странным образом сумел принести эту поэтическую исповедь далеких времен в наш бурный век, в нашу современность, и мы ощутили встречу времен, живую и пронизанную светом настоящего вдохновения.

В этой стихотворной исповеди мы находим как бы обновленными наши представления о поэте-мудреце, его мятежную душу, его не сложенную испытаниями смелость мышления.

Современный советский поэт смело доверился голосу своего сердца, и книга о человеке далеких времен наполнилась новыми поэтическими открытиями, соединяя классическую грузинскую поэзию с нашим сегодня.

Этот знаменательный успех книги Ираклия Абашидзе говорит о тех огромных возможностях, которые таит поэзия наших дней, если отважно выбрать большую тему и по велению сердца отдать ей все вдохновение, всю страсть и дань уважения и любви к прошлому величю поэтической речи, отдать ей все богатство сегодняшнего поэтического языка.

Встреча с Шота Руставели, новая книга стихов Ираклия Абашидзе — большое достижение нашей современной поэзии!

Н. Марр как руствелолог

Выдающийся советский ученый, академик Николай Яковлевич Марр был крупнейшим филологом-кавказоведом широкого профиля и в первую очередь — первоклассным грузиноведом и арменоведом.

Нет ни одного узлового или сколько-нибудь важного вопроса из истории древнегрузинской духовной культуры, который не явился бы предметом специальных научных занятий Н. Я. Марра. На протяжении всей своей научной деятельности он с особым рвением и любовью разрабатывал руствелологическую проблематику.

По свидетельству академика Н. А. Орбели, «из всех поэтов древности» Н. Я. Марр особенно почитал и любил бессмертного Шота Руставели. И это действительно так. В дело всестороннего изучения весьма сложного поэтического наследия Руставели Марр вкладывал поистине героический труд, огромный талант, изумительные познания, богатейшую эрудицию. Однако нужно сказать, что Н. Я. Марр не всегда был последовательным в своих суждениях: он нередко высказывал явно противоречивые мысли, допуская серьезные ошибки как методологического, так и историко-литературного порядка.

Н. Я. Марр глубоко был убежден в том, что древнегрузинская литература развивалась в тесной связи с культурой соседних народов (византийцев, сирийцев, армян, албанцев, арабов, персов, азербайджанцев и др.). Вместе с тем на первых порах он чрезмерно преувеличивал роль внешних творческих сил, совершенно игнорируя значение местной национальной почвы.

Марр не скрывал, а наоборот, даже усердно подчеркивал, что руствелологическая проблематика для него являлась соподчиненной частью его общетеоретической схемы зарождения и развития древнегрузинской изящной или светской литературы. В 1910 году Н. Я. Марр писал: «Взгляд наш на поэму Шоты неразрывная часть общего теоретического построения о возникновении и расцвете древнегрузинской светской литературы».

То же самое повторял он и в 1917 году.

Теория возникновения и развития древнегрузинской светской литературы под всепоглощающим персидским влиянием в 1917 году была признана ее автором устаревшей, в 1920 — опрокинутой, а в 1927 и вовсе провалившейся. К сожалению, именно в свете этой — впоследствии опрокинутой и провалившейся — теории ставились и решались важнейшие историко-литературные вопросы поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

В своей первой специальной руствелологической статье, опубликованной в 1890 году на грузинском языке («По поводу «Вепхистгаосани», газета «Тетри», № 12), Н. Я. Марр писал: «Кто доказал, что «Витязь в барсовой шкуре» не есть перевод с персидского языка?» Тогда еще совсем молодой ориенталист самоуверенно заявлял, что в ближайшем будущем он представит на суд читателей предполагаемый оригинал поэмы Руставели, повесть «Шариер-Намэ», т. е. якобы Тариелову книгу или «Вепхистгаосани», хранящуюся в рукописном фонде Британского музея. Вскоре выяснилось, что «Шариер-Намэ» ничего общего не имеет с поэмой Руставели. Но Н. Я. Марр упорно продолжал поиски, оговариваясь: «Я продолжаю надеяться, что рано или поздно в персидской литературе всплывет и тот грузинский роман, прозаический перевод которого послужил материалом творцу поэмы «Юноша в барсовой коже». Хотя поиски и окончились безрезультатно, Марр не переставал твердить: «Сюжет (поэмы Руставели) заимствован из персидской литературы, но на персидском языке до сих пор не находим подлинника или хотя бы каких-либо следов его». В адрес своих критиков Н. Я. Марр раздраженно писал: «Нам с каким-то злорадством указывали не раз на то, что наши справки в Британском музее о персидской поэме, по заглавию могшей представить оригинал «Барсовой кожи», не дали желательного в нашем смысле результата, как будто мы в персидской рукописи Британского музея искали доводов персидского происхождения «Барсовой кожи», а не реального подтверждения тех доводов, которые вытекают из изучения самой поэмы Шота Руставели и которых вполне достаточно, чтобы убедить

ум, мало-мальски знакомый с методом сравнительного изучения литературных памятников!»

В конце концов Н. Я. Марр все же вынул голосу криклики. «В свое время естественно было грешить», — писал он и самокритично пояснял: «Литературное строительство в Грузии тогда было нам видно, естественно, лишь со стороны фасадов, обращенных к внешнему миру... Не было ни опоры, ни стремления проникнуть за фасады... Ставились и решались проблемы формального порядка и в пределах внешних отношений». «Мы очень чутко подмечаем малейшее движение чужеземных мировых цивилизаций, оказавших влияние на грузинскую литературу, мы регистрируем все привносы их языков, но мы не знаем сил, шедших из самой грузинской почвы, мы не знаем главный источник осеменение касательно всех генетических вопросов, связанных с социальными явлениями, мы не знаем грузинского языка в его независимом образовании. Это знание заставило бы нас пересмотреть вопрос о заимствовании», — говорил Н. Я. Марр во вступительной лекции курса грузинского языка, прочитанного им в 1927—1928 гг. в Национальной школе живых восточных языков в Париже.

Знаменательно, что для иллюстрации крушения «теории заимствований и внешних творческих сил» Марр ссылался, как на «чрезвычайно разительный пример», на «величайшую проблему грузинской литературы творение гениального грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре»¹.

Постепенно Марр отходил от своих первоначальных взглядов по вопросам о путях развития древнегрузинской литературы и о месте Руставели в истории грузинской и мировой поэзии. По словам ученого, «стала намечаться идейная самостоятельность, даже самобытность поэмы «Витязь в барсовой шкуре». Перелом уже чувствуется в классическом труде Н. Я. Марра «Древнегрузинские описцы». В блестящем научно-публицистическом очерке «История Грузии» Марр воочию показал, «на что был способен гений маленького грузинского народа, когда он обеспечивал себе урывками мирное, но свободное развитие своих культурных сил».

¹ Заглавие поэмы «Вепхисткаосани» Н. Я. Марр переводил по-разному: «Некто в барсовой шкуре», «Юноша в барсовой коже», «Человек в барсовой шкуре», «Витязь в барсовой шкуре», «Витязь в барсовой коже». По его мнению, дословной («слово в слово, без увязки с общезначимостью») была бы форма «Некто в барсовой шкуре». «Для краткости» же допускал он и название «Барсовая кожа».

Н. Я. Марр очень многое сделал в обосновании самобытности и оригинальности идейного содержания «Витязя в тигровой шкуре», в освещении мировоззрения и художественного мышления великого грузинского поэта. В 1910 году появилась замечательная работа Н. Я. Марра — «Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой коже» Шоты из Рустава, с этюдом «Культе женщины и рыцарство в поэме». Вот что говорил об этой работе Николая Яковлевича академик И. А. Джавахишвили: «Первая прекрасная написанная монография о мировоззрении, целеустремленности и поэтических взглядах гениального автора «Витязя в тигровой шкуре» принадлежит академику Н. Я. Марру. Это его исследование положило начало новой эпохе в изучении «Витязя в тигровой шкуре».

В названной работе Н. Я. Марр научно обосновывает положение о том, что поэма Руставели ярко оговаривает рыцарскую идеологию с культом женщины. «Патронимоба» (разновидность еврейского вассалитета), форма общественных отношений, объединяющая славных героев-побратимов «Витязя в тигровой шкуре», есть «продукт местной жизни, родной (грузинский) институт, а не заносное культурно-социальное понятие». Основная идея поэмы Руставели, по мнению Н. Я. Марра, — «культ женщины, аналогичный тому, что наблюдается в христианской Европе». «Культе женщины, идеализованная любовь с преклонением перед нею — детище его изысканно образованного грузинского общества эпохи Тамары». «Культе женщины... мы не досчитываемся ни в одной из известных восточных мусульманских литератур», — подчеркивает Марр в другой своей руствелологической монографии. Ученый утверждает, что зарождение и развитие культа женщины имеет «свою историю на грузинской почве», что «без перелома в нравственных воззрениях и без внутренней подготовки... древнегрузинское общество не могло ни выработать, ни даже усвоить поклонение женщине. Нужна была собственная психологическая зрелость. К культу женщины в век Тамары и свободному провозглашению любви к женщине, как явлению, равноценному культу бога, вел, несомненно, длинный путь». Этот «длинный путь» прослежен Н. Я. Марром с глубоким знанием материала и тонкостью анализа фактов. Марр выясняет также, что поэма «Витязь в тигровой шкуре» «проникнута свободным от христианской церковности светским духом» и как будто Руставели даже «не исповедует церковных взглядов на будущий мир».

Марр убедительно показал, что Шота Руставели — передовой для своего времени, прогрессивно мыслящий поэт, ан-

тиллерикал и антидогматик, в неподражаемой художественной форме отображающий явления чисто грузинской социальной и национальной действительности.

Попутно Марр дает решительную отповедь нигилистам-руствелологам, отвергающим пролог «Витязя в тигровой шкуре» как позднейшую интерполяцию.

В прологе «Витязя в тигровой шкуре», справедливо говорил Марр, «и по музыкальности, и по сжатости слога и образности мысли мы находим лучшее, что только вышло из-под пера Шоты». «В какую эпоху после Тамары, — спрашивал он, — писали в Грузии языком и стихами ставшего спорным вступления?.. Ведь эпоха Тамары не повторилась в истории Грузии: другого Шоты из Руставы нет в грузинской литературе».

В высшей степени любопытно, что Н. Я. Марр уже громогласно заявил, что поэма Руставели действительно «общенародное достояние», что «в ней грузины по праву видят высшее проявление своего гения в литературе», что «на славу «Витязя в барсовой коже»... (грузины) смотрят как на национальную гордость, более того — священную реликвию родной исторической жизни, народную святыню». Ведь именно так оценивал значение поэмы Руставели для грузинского народа общепризнанный глава национально-освободительного движения Грузии XIX века, выдающийся поэт и мыслитель И. Г. Чавчавадзе!

В 1917 году Марр опубликовал новую монографию под интригующим заглавием — «Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Руставы и новая культурно-историческая проблема». Весь пафос этой монографии заключается в декларировании совершенно необоснованной и в корне ошибочной концепции о большой созидательной роли мусульманства в истории грузинской духовной жизни. Марр требовал пересмотра «шаблонного» представления о XIII—XIV веках, как о времени «мерзости запустения», признавая, что и сам находился «под влиянием традиционного грузинского взгляда» и глубоко заблуждался, когда писал: «Ряд стихийных нашествий, в этот раз монгольских, постепенно упразднил всю культурную работу грузин, смел с лица земли ее крупные результаты и вернул Грузию в первобытное сравнительно состояние». Теперь Марр пытается доказать, что XIII—XIV века, период установления монгольского господства и эпоха исламизации южногрузинской области Месхия, предполагаемой родины Руставели, — «цветущая эпоха» этого края. «Месхия XIII—XIV веков, — по выражению Н. Я. Марра, — областной центр пышной грузинской культуры, а вершиной

месхийской культуры является Руставели, «творец мировой ценности в местной областной оправе».

Хотя Марр доказывал, что «Витязь в барсовой шкуре» — «творение гениального поэта, по своему настроению бесспорно мирового, с мировыми общечеловеческими запросами без малейшей тени навязчивой или личной или национальной тенденции», однако он считал, что поэма сильно проникнута месхизмами как языково-стилистического, так и идейно-мировоззренческого порядка.

По мнению автора новой историко-культурной концепции, «общий дух поэмы («Витязь в барсовой шкуре») и общее настроение ее творца, с одной стороны мусульманско-культурное, с другой — грузинско-народное»; следовательно, заключал он, знаменитая поэма создавалась не при дворе царицы Тамары и не на рубеже XII—XIII веков, а в XIV веке («не позже конца этого века») в мусульманизированной Месхии. Марр писал, что совершенно бесспорна «мусульманско-религиозная ориентация творения грузинского поэта», что вне всякого сомнения «господство мусульманской атмосферы в поэме» и что, наконец, автор поэмы, «величайший грузинский поэт, с бесподобным мастерством открывающий нам дух и неисчерпаемые художественные богатства грузинской народной речи... не христианин, а мусульманин»¹.

Как ни странно, после подобной решительной переоценки важнейших историко-культурных проблем вообще и историко-литературных вопросов руствелологии в частности Н. Я. Марр неожиданно так заключает свою монографию: «И тем не менее теза вовсе не та, что Шота из Руставы не есть современник царицы Тамары, и он бесспорно мусуль-

¹ В связи с такой постановкой вопроса Н. Я. Марру пришлось отказаться от своей попытки отождествления придворного поэта-одописца царицы Тамары — Чахрухадзе с Шоты Руставели. «Мало было уделить внимания миросозерцанию «двух» поэтов, — признавался Н. Я. Марр, — иначе трудно было бы отождествлять с Шотой апологета христианской идеологии Грузии — Чахрухадзе» (стр. 422 — 423).

Н. Я. Марр пересмотрел и традиционную датировку грузинской версии «Висрамиани». В связи с этим он писал: «В творении Шоты сказывается знакомство с переводом («Висрамиани»). Но вот возник вопрос, правда ли Шота современник Тамары? Не писал ли он у себя на родине в Месхетии в эпоху забытого и плохо освещенного ее культурного расцвета в XIII—XIV веках?» (Из грузино-персидских литературных связей, ЗКВ, I, Л., 1925, стр. 123).

манин. Все приведенные нами факты и соображения, как бы клонящиеся к установлению новой даты возникновения поэмы «Витязь в барсовой шкуре» и к новому освещению личности ее автора, пока имеют лишь одно назначение — внушить основательность сомнений в традиционном представлении о культурной среде и о времени литературной деятельности грузинского месхского поэта Шоты из Рустава, вселить убеждение, что эти сомнения возбуждаются в интересах более реалистического и, следовательно, более правильного понимания знаменитой поэмы. Нашей же тезой является то, что знаменитая грузинская поэма возникла в определенной не только национальной, но и племенной среде в фокусе общекавказских культурно-исторических течений, в частности мусульманского и христианского живого, народного взаимодействия. И возникающая в связи с этим новая проблема состоит в необходимости разъяснить факт культурного в древности содружества в крае мусульман и христиан, которые ныне по усиленному европейским односторонним христианским влиянием убеждению всех образуют два культурно непримиримых, взаимно исключаящих друг друга лагеря».

Не задерживаясь на рассмотрении вопроса о религиозных воззрениях Руставели, мы хотим процитировать еще одно место из разбираемой монографической работы Марра: «Во всей поэме (Руставели) нельзя указать ни одного места, ни одного слова, которое, если речь идет об исламе, проявляло бы сколько-нибудь шуточный тон автора по отношению к мусульманину». В своем посмертно опубликованном исследовании «О технике языка и мышлении Руставели» Марр пишет: «Единый бог» Шоты не имеет ничего общего с магометанским религиозным восприятием единства, а главнейший герой «Витязя в барсовой шкуре» Таризл «смеется... над беспомощностью усилий ученых служителей магометанского культа помочь ему религиозными целебными средствами». Второй любимый автором герой поэмы Автандил, по исповеданию тоже мусульманин, хотя и молится в мечети, но за такую молитву мусульманину предстоит, при самом снисходительном отношении, одно: «быть отлученным от ислама, вероотступником, глумящимся над религией пророка Мухаммеда и его верных последователей». Таким образом, «отнодь не богу единому мусульман и его пророку Мухаммеду молился его герой в мечети».

Марр отверг затем и новую датировку поэмы Руставели.

Несмотря на ошибочность в целом концепции Н. Я. Марра, развитой в монографии 1917 года, в ней имеется очень много метких высказываний, остроумных филологических и литературоведческих

замечаний, любопытных сопоставлений, отдельных глубокомысленных обобщений и т. д. касательно языка и стиля Руставели, народно-национального духа поэмы и ее бесспорного мирового общечеловеческого значения. Марр возвратился в этой работе к тезису об оригинальности и самобытности культа женщины, так сильно отраженного в поэме «Витязь в барсовой шкуре», он подробно останавливается на народно-национальном характере института «патронимоба», подчеркивая, что «у грузинского поэта источником братства выставляется не ислам, вообще не религия, а народный грузинский институт — побратимства»¹. «При таком органическом вращении знаменитой поэмы в бытовую общечеловеческую Грузию» само собой становится понятным, что связь ее с грузинской культурной почвой не только формальная, языковая, но и идейная, творчество Руставели не только свободно, но и народно» и что, конечно, поэму Руставели отнюдь нельзя считать «простым стихотворным переложением грузинского прозаического перевода персидского подлинника», как предполагалось раньше, что по своему идейному содержанию и бесподобному художественному выражению, антидогматическому мировоззрению, народному духу и гуманизму «Витязь в тигровой шкуре» занимает почетное место в истории мировой поэтической культуры.

В своих поздних работах Марр по существу отрекся от «новой историко-культурной» концепции в целом, в частности, отказался от датировки поэмы XIV веком, восстановил в правах тезис об идентичности поэтов Чахрухадзе и Руставели, но выдвинул явно неприемлемое положение о неожиданном, как «метеор», появлении Руставели, который якобы «не имеет ничего общего с общественным мнением и общественным мировоззрением Грузии, выявленным в пись-

¹ Н. Я. Марр считал, что «побратимство или клятвенный союз братьев-витязей есть фундамент, на котором утверждена вся архитектоника грузинской поэмы «Витязь в барсовой шкуре» (стр. 424). Сопоставляя мотивы любви и братства в поэме, Марр предпочтению отдавал мотиву братства (побратимства); он писал: «Если в любви, в культе женской любви, видеть основную идею поэмы, прекрасный мир царя Придо-на отпадает как случайный эпизод, и единство содержания нарушается. Вместе с этим нарушается чудная стройность архитектурной поэмы... объективно поэма посвящена идее братства на служение общим человеческим идеалам... и это идейное содержание и характеризует творца «Витязя в барсовой шкуре» как общественного мыслителя и как поэта» (стр. 424).

менных памятниках литературы, ни идеологически, ни формально». И немногим раньше Марр говорил: «Эта поэма (т. е. поэма Руставели.—А. Б.) появилась как метеор в эпоху высшего расцвета христианской Грузии и сохраняет до настоящего времени свое непревзойденное место в зените грузинской поэзии».

Действительно, поэма Руставели появилась в эпоху наивысшего расцвета грузинской светской культуры и она стоит в зените грузинской поэзии, но глубокий знаток древнегрузинской культуры Марр своими многочисленными работами сам бесспорно доказал, что Руставели далеко не одинок и не случайное явление, а высокая вершина развития грузинской литературы, что он в блистательной поэтической форме отобразил мысли и чаяния передового общественно-классового слоя Грузии своего времени.

Очень много внимания уделял Марр текстологическим вопросам поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Он справедливо считал, что дошедший до нас в рукописях сравнительно позднего времени текст поэмы сильно «изуродован». Особенно много искажений в прологе. Марр дал прекрасный образец «опыта восстановления подлинного текста» вступительных и заключительных строф «Витязя в тигровой шкуре». Критически установленный текст он снабдил русским переводом с обстоятельными пояснениями и комментариями. О своем переводе Марр говорил: «Я старался точно передавать мысли и настроение поэта, но не

гнал за буквальным переводом грузинских слов и особенно форм»¹.

Очень нелестно отзывался Марр о печатных изданиях и переводах поэмы: «Несмотря на существование нескольких десятков изданий грузинской поэмы, нет доселе ни одного в какой-либо мере надежного текста в печати. О переводах... говорить не приходится».

Я, конечно, далеко не исчерпал поставленной темы, но старался очертить основные вехи в развитии марровских взглядов по руствелологической проблематике.

В заключение нужно сказать, что руствелологические работы Марра не утратили своего научно-познавательного значения. При условии критического подхода к ним они могут оказать большую пользу в освоении великого поэтического наследия Руставели. Многие руствелологические работы Марра остались неизданными. В архиве ученого сохранились черновые записи его лекций, заметки по вопросам мировоззрения, языка и стиля Руставели, текстологические наблюдения, параллели «Витязя в тигровой шкуре» из грузинских и иностранных источников, критические замечания об изданиях и переводах поэмы, рецензии и т. д. Эти материалы имеют не одинаковую ценность. Значение этих архивных материалов, равно как и необходимость их публикации, не вызывают сомнений. По-видимому, назрел также вопрос о переизданиях и основных печатных руствелологических работ большого советского ученого и крупного руствелолога Николая Яковлевича Марра.

¹ Недавно опубликован марровский подстрочный перевод нескольких десятков строф основного текста «Витязя». (Н. Я. Марр. Об истоках творчества Руставели, Тбилиси, 1964, стр. 193—211).

Критик-коммунист

В истории грузинской советской литературы заметная роль принадлежит талантливому критику-коммунисту Бенито Буачидзе.

Я хорошо помню яркие выступления Буачидзе в Коммунистической академии и на писательских форумах в Москве в начале 30-х годов, где он с большой страстью и любовью говорил о грузинской литературе.

За свою короткую жизнь (он погиб в берневском застенке 32 лет) Буачидзе написал 10 книг, большое количество статей. Он выступал с многочисленными докладами и речами по вопросам литературы.

Бенито Буачидзе долгое время возглавлял Ассоциацию пролетарских писателей Грузии. Эта Ассоциация, как и РАПП и другие республиканские пролетарские литературные организации, в то время — в двадцатые годы — играла положительную роль и имела большое общественное значение. Это явление было охарактеризовано в Постановлении ЦК партии от 23 апреля 1932 года: «Несколько лет тому назад, когда в литературе налицо было еще значительное влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще слабы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и искусства в целях укрепления позиций пролетарских писателей и работников искусств».

В оценке деятельности РАПП следует отказать от односторонности, которая была допущена в последние годы культа личности Сталина, особенно после его выступления по вопросам языкознания. Ведь известно, что РАПП, сплотившая многочисленные кадры писателей, в целом ряде принципиальных вопросов занимала правильную позицию, особенно в борьбе с ошибочными теориями перевальцев, лэфовцев, конструктивистов, переверзевцев, а также с конкретными проявлениями буржуазной идеологии в литературе. В недрах этой пролетарской организации начинали свою деятельность такие писатели, как Фадеев, Шолохов, Панферов, Сурков, Киршон, Афиногенов, Прокофьев, Соболев, Саянов, Лебе-

динский, Безыменский, Жаров, Чумандрин и многие другие. Незадолго до ликвидации РАПП в ее ряды вступили Маяковский, Багрицкий, Луговской.

В грузинской литературе двадцатых годов, как и в литературе других республик, шла острая борьба пролетарских писателей с буржуазными течениями, тенденциями и влияниями. Если подходить к деятельности Бенито Буачидзе как литератора и руководителя пролетарских писателей Грузии конкретно, исторически, не перенося механически современные требования на литературный процесс тех лет, то в его активной творческой деятельности можно отметить много ценного и полезного, способствующего идейному росту грузинской литературы, освобождению ее от чуждых влияний. Известно, что часть грузинских писателей враждебно отнеслась к социалистической революции, открыто выступила против ее идей. Бенито Буачидзе проявил идейную принципиальность и преданность своему народу, перестраивающему жизнь на новых, социалистических началах.

Оценивая книги и статьи Буачидзе с сегодняшней точки зрения, в них трудно обнаружить «дань времени» — характерные ошибки и пережитки тех лет, то, что можно назвать «издержками производства» на пути грузинской советской литературы к ее идейно-художественному созреванию. Многие грузинские талантливые писатели, выходцы из мелкобуржуазной среды, давно освободились от тех идейных изъянов и пороков, на которые в те годы справедливо указывал Буачидзе в своих статьях и книгах. И весьма симптоматичен факт переиздания книги Буачидзе издательством «Сабчота Сакартвело» в 1960 году, после реабилитации его. Правда, следует оговорить, что «Сборник критических статей» далеко не исчерпывает всего ценного, что написано этим талантливым критиком. Но и в этой книге содержится многое, что создает исторически правдивую картину литературной борьбы тех лет и что сохраняет свое значение в наши дни.

Бенито Буачидзе горячо отстаивал классическое наследие. Защищая от nihilистических нападок замечательного

классика грузинской литературы Чавчавадзе, критик-марксист сумел диалектически подойти к литературному прошлому, увидеть в нем то, что принадлежит будущему. В 1936 году он опубликовал интересную статью «Илья Чавчавадзе и социалистическая эпоха». Против недооценки классического наследия он выступал уже в своей первой книге «Литература и современность», вышедшей в 1927 году. В последние годы своей жизни Буачидзе работал над большой книгой о великом Руставели. К глубокому сожалению, рукопись этой книги, в основном завершенной, пропала при аресте Буачидзе.

Много интересного и ценного содержится в обзорах грузинской литературы, которые критик публиковал систематически, внимательно следя за процессом развития грузинской литературы.

Буачидзе продолжал активную деятельность в литературе после апрельского Постановления ЦК партии, когда происходила перестройка литературных организаций. В это время он выпустил книги «Творческие вопросы грузинской литературы» (на русском языке) и «Творческие вопросы художественной литературы» (на грузинском языке). В 1934 году в Госиздате Грузии вышел большой сборник его статей «Пути современной грузинской литературы». В статье «Социалистический реализм» он раскрыл черты метода советской литературы на материале творчества грузинских писателей.

Бенито Буачидзе высоко ценил русскую советскую литературу. Он тяжело переживал смерть Маяковского и сразу же откликнулся на это трагическое событие взволнованной статьей «Певец борьбы и радостей», которая была напечатана через четыре дня после смерти Маяковского в газете «Коммунисти». Буачидзе был одним из инициаторов присвоения имени Маяковского селу, где родился поэт.

Тепло и проникновенно Буачидзе писал о романе Николая Островского «Как

закалялась сталь», видя в подвиге Павла Корчагина достойный пример для молодежи.

Примечательно, что статью о Николае Островском Б. Буачидзе опубликовал незадолго до своей трагической гибели. В самом идейно-психологическом облике этого человека, беззаветно преданного делу партии, было много общего с Павлом Корчагиным. Он принадлежал к тому же поколению молодых борцов за высокие идеалы коммунизма, направив свои способности в область литературы, где он нашел подлинное призвание.

Буачидзе любил Горького, высоко оценивал его творческую и общественную деятельность, неоднократно встречался и беседовал с ним.

В 1935 году Буачидзе вместе с бригадой грузинских писателей посетил Белоруссию. Результатом этой поездки явился его очерк «Советская Белоруссия», где он с гордостью писал о достижениях в жизни и культуре братского народа.

Интернационализм был присущ всей литературной и общественной деятельности этого замечательного грузинского критика. Буачидзе был членом секретариата Международного объединения революционных писателей, где представлял советскую литературу, секретарем Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей.

Жизнь Бенито Буачидзе оборвалась в самом расцвете его таланта. В 1937 году он стал жертвой произвола и беззакония.

О роли Бенито Буачидзе в развитии грузинской литературы хорошо сказал Алио Мирцхулава, его друг и соратник. «Мы восторгались его талантом, эрудицией, вкусом и критическим чутьем. Книжки, статьи и выступления Б. Буачидзе отражают тот сложный, боевой путь, который прошла грузинская литература со дня Октябрьской революции до тридцатых годов».

С этими словами нельзя не согласиться.

Этери ГУГУШВИЛИ

Тамара Чавчавадзе

На сцене грузинского театра она появилась 25 ноября 1922 года в облике испанской девушки Лауренсии — молодая, двадцатитрехлетняя, красивая, пламенная.

Мало кому из актеров довелось начинать свою артистическую карьеру с такого шумного и всеобщего признания. У Тамары Чавчавадзе не было разгона, не было длительного периода собирания сил. Все началось сразу, с высоких нот, и отошла на второй план неопытность, уступив место молодости и таланту, чистоте душевной, непорочности, первозданности. И, очевидно, именно эти качества привлекли внимание Котэ Марджанишвили, когда он назначил Тамару Чавчавадзе на роль героини «Фуэнте Овехуна», поверив в возможность «точного попадания».

Роль была сложной, особенно для молодой актрисы. В ней, в этой роли, сочеталось все — любовь и ненависть, женское очарование и неженская сила характера, задор и воля, игривое кокетство и неистовая жажда мести. Роль строилась на резких диаметрально-противоположных взрывах эмоций, на переходах от безудержного, ликующего жизнелюбия до высокого, патетического страдания.

Тамара Чавчавадзе окунулась сразу в стихию этих сложностей.

Темперамент, эмоциональность, внутренняя динамика, выразительность речи, подчеркнутая взволнованность жестов, ведущие к патетике и мощной силе страстей — все это с потрясающей достоверностью раскрылось в Лауренсии — Чавчавадзе и навсегда вошло в мир творчества актрисы.

Чавчавадзе играла Лауренсию на большом подъеме. В ее Лауренсии бушевала бесшабашная удаль и озорство. Ее игривая, танцующая поступь, ее улыбка, ослепительные белые зубы, смуглая кожа, сверкающие серьги в ушах, взмахи пестрых юбок — все это необычайно гармонировало с потоком ее энергии, выдавало ликующий, одержимый безудержной жаждой жизни, веселый нрав. И тем сильнее был контраст — превращение Лауренсии в личность значительную, поднявшуюся в своем подвиге до

подлинно героического. Чавчавадзе показывала эволюцию образа от простой, беззаботной девушки до грозного мстителя за поправленную справедливость. И когда, исполненная гнева и ненависти, Лауренсия — Чавчавадзе произносила свой обжигающий, пламенный монолог с призывом к борьбе против произвола, становилось очевидным, что потенциал актрисы неисчерпаем, что эмоциональная сила ее поистине беспредельна.

Тамаре Чавчавадзе выпала честь облечься в костюм Лауренсии, стать ею. Гордый клич испанской девушки, призвавшей на борьбу крестьян местечка Фуэнте Овехуна, прозвучал как набатный призыв за счастье, за справедливость, за жизнь. В те годы этот призыв рождал ассоциации с живой современностью. Образ обретал свое революционное звучание.

Очевидно, так уж повелось: начало, если оно значительно, многое определяет в жизни художника-творца. Роль Лауренсии стала во многом определяющей для Тамары Чавчавадзе. За ней прочно утвердилась слава актрисы героического театра. И в этом не было ошибки, не было «натяжки». Героическое, возвышенное, приподнято-романтическое прочно вошло в духовный мир актрисы и заняло в нем господствующее положение.

Тамара Чавчавадзе сыграла на своем веку свыше пятидесяти ролей.

Широта творческого диапазона, богатые природные данные — что может желать актриса, претендующая на положение первых героинь?! И именно эти качества Тамары Чавчавадзе давали ей возможность и право с одинаковой силой проявлять свой талант, как в трагедийных, так и в ярко комедийных ролях. Но только всякий раз, когда она обращалась к новой, прямо противоположной роли, она не пыталась продемонстрировать свою виртуозную технику, не делала из этих своих превращений самоцельного показа мастерства перевоплощения. В каждой новой роли актриса искала одного — сильных порывов страсти,

приподнятые, романтические эмоции, социальные, гражданские мотивы.

Порою может показаться, что искусство Тамары Чавчавадзе лишено простоты, что его характеризует выпренность, приподнятость тона, претенциозность патетики.

Что ж, может быть, оно и так. Но в этом ее своеобразии, ее стихия. Простецкость ей чужда, мягкая напевность речи просто несвойственна. Слова ее отчетливы, весомы, звонки, фраза чеканна, голос звучит мощно, при этом высокие ноты не переходят в звонкие, низкие, не звучат приглушенно. В голосе ее всегда ощущается патетика и взволнованность интонаций, грозная сила и непоколебимая энергия женщины-борца.

Тамара Чавчавадзе никогда не довольствовалась полутонами, не тяготела к камерности. Ее не устраивали плавные певучие интонации, она предпочитала им страстные, бравурные аккорды. Причем не только в трагедиях, но и в комедиях тоже.

Ей, пришедшей в искусство в эпоху великих революционных преобразований, суждено было блестяще воплотить в своем творчестве реальные черты своих современниц. В них она искала и находила наиболее полное определение своим природным данным, своим идейно-художественным устремлениям.

С героиней современности Тамара Чавчавадзе впервые встретилась в пьесе Б. Лавренева «Разлом». Пьеса эта тесно связана с ее артистической судьбой. Она играла в «Разломе» сначала Татьяну, в более зрелые годы — ее мать Берсеневу.

Борис Лавренев считал Тамару Чавчавадзе одной из лучших исполнительниц роли Татьяны. Ему нравилась в Татьяне — Чавчавадзе строгая осанка утомленного тяготами жизни, но потенциально сильного, волевого человека.

Татьяна — Чавчавадзе приходила в спектакль уже созревшей для обновления. Поэтому в словах ее была весомость и убедительность, чувствовалось твердое решение менять свою жизнь. Она жила в спектакле цельной и целеустремленной жизнью. Ее симпатия, а потом и любовь к Годуну были какими-то ясными, открытыми, в них не было ничего половинчатого. И в этой внешне спокойной, степенной осанке, в благородном достоинстве, которыми была исполнена Татьяна, — актриса угадала типические черты части тогдашней русской интеллигенции — людей честных, готовых к самым крупным решениям.

Татьяна привела ее к другим ролям в пьесах советской драматургии. Тамара Чавчавадзе сыграла роли сванки Баил («Баил» Д. Чианели) и аджарки Хатидже («Хатидже» К. Каладзе), показав сложный и глубоко драматический путь женщины к своему освобождению: создала обаятельный образ разбитной и бойкой Гултамге в комедии П. Какабадзе «Кварквабе Тутабери», подчеркнув в ней живительную тягу к новому, ее боевое, бодрое отношение к жизни, ее оптимизм. В эти же годы в исполне-

нии Чавчавадзе родился образ мужественной и волевой Оксаны в трагедии А. Корнейчука «Гибель эскадры», и роль эта как нельзя более подходила к индивидуальным данным актрисы. Нельзя не вспомнить ее Лолу в драме К. Каладзе «Рогор», Пашу в пьесе В. Киршона «Хлеб», Сулико в «Комедии одной ночи» К. Каладзе, Глашу и Елену Макарову в пьесах А. Афиногенова «Далекое» и «Страх», Елену Горелову в пьесе Б. Лавренева «За тех, кто в море», Ольгу Трубникову в пьесе К. Симонова «Чужая тень» и многие другие образы советских женщин — всегда незаурядных, сильных по духу, в которых ощущался темперамент и внутренняя сила актрисы, ее тяготение к ярким мазкам, к масштабности, к романтической приподнятости. И всякий раз подтверждалась простая истина: к этим сильным характерам Тамара Чавчавадзе тяготела с первых же своих шагов на сцене. Лауренсия открывала ей дорогу к их сердцу. И можно сказать, что именно эти качества были определяющими для актрисы в ее художественных симпатиях и антипатиях. Она не мыслила себя в ролях сентиментально-слащавых, лишенных остроты коллизий, здравого, приподнятого тона и темперамента.

В первые же годы своей творческой жизни Чавчавадзе сыграла две такие значительные роли, как Саломею и Беатриче Ченчи в одноименных пьесах О. Уайльда и П. Шелли. Ее Саломея лишена какого бы то ни было намека на стилизованность. Она вся была земная, все дышало в ней плотью, неистовством, обжигало силой страсти. Ее Беатриче Ченчи олицетворяла собой мужественную чистоту и суровую стойкость характера. Беатриче Ченчи в исполнении Чавчавадзе — личность трагическая. Актриса вела Беатриче к самым невероятным проявлениям чувств, показывая при этом ее смятение, душевные муки и стойкое мужество в моменты решающих жизненных поворотов. В знаменитой сцене на полуосвещенной лестнице, где Беатриче натывается на пьяного отца и ей впервые открываются его гнусные намерения по отношению к ней, Чавчавадзе раскрыла всю сложную гамму чувств своей героини, тонко подмечая ее смятение, ужас, отвращение.

Именно здесь, на этой мрачной лестнице, Беатриче — Чавчавадзе вдруг прозревала. Теперь ей оставалось одно — борьба. И она вступала на этот путь борьбы. Чавчавадзе показывала, что ее Беатриче не сникала под тяжестью своих душевных мук, не превращалась в человека, безвольно подчинившегося жестокостям судьбы или подавшегося убеждениям других принять участие в заговоре против отца. Для нее борьба с падшим отцом была борьбой за свою честь, за свое человечество и женское достоинство, и в этой борьбе, приведшей ее к акту отцеубийства, Беатриче — Чавчавадзе была чиста, непорочна, благородна и мужественна.

Так подводила Чавчавадзе свою Беатри-

че к заключительной сцене спектакля — сцене суда, где героиня произносит свою пламенную и трепетную речь — речь обвинителя. В эту речь Чавчавадзе вкладывала всю силу своего сочувствия Беатриче, обрушивала всю силу гнева на оскорбителя отца и на тех, кто через несколько минут должен был осудить ее, отцеубийцу, на смерть. В этом монологе Беатриче в исполнении Чавчавадзе становилась подлинно героической личностью, потому что именно здесь проверялось ее мужество, именно здесь она попадала в положение общественно-значительной фигуры.

Трагедия прочно вошла в творческий мир Тамары Чавчавадзе. Какой могучей, ренессансной силой веет от ее Эмилии из «Отелло». Шекспировская героиня в исполнении Тамары Чавчавадзе это — сильная, волевая и мужественная женщина, способная на подвиг. Играла Эмилию, актриса не мельнит образ, не старается сделать его жанрово-бытовым. Напротив, все время ощущается желание актрисы сделать свою Эмилию сильной, незаурядной личностью. С самого же начала она подчеркивает в своей героине ее решительный, мужской характер и мужественный нрав, которые ощущаются во всем, во всех ее поведенческих, в обращении с окружающими, в ее внешнем облике — темпераментной, страстной, боевой венецианки. И когда в финале в Эмилии прорывается негодование, оно не выглядит неожиданным. Такая Эмилия, какой толкует ее Чавчавадзе, способна на многое. Поступок Эмилии, ее заключительный монолог звучит в устах Чавчавадзе как грозный и откровенный вызов жестокому миру, более того, как победа света над черными силами зла. Эмилия — Чавчавадзе в финале поднимается до уровня и масштабов высокого трагического театра. Память очевидцев зачатлела ее — возвышенно-патетическую, грозную, с взметнувшимися ввысь, как два крыла, руками, этакую разъяренную орлицу, готовую вступить в борьбу с несправедливым миром, даже если борьба эта стоит ей жизни. И именно в этом — огромная подлинно шекспировская сила ее Эмилии, ее гуманистическая значительность.

Леди Мильфорд — другая трагическая роль Тамары Чавчавадзе и, можно сказать, — полная противоположность Эмилии. Стремясь к изображению сильных натур, Тамара Чавчавадзе не ограничивала себя лишь темой позитивной. Ее волновали и характеры отрицательные. В них она достигала огромной силы отрицания, протеста, обличения. Леди Мильфорд была именно такой ролью. И если учесть, что постановщик спектакля в своей трактовке основного конфликта пьесы и основных ее персонажей шел именно путем противопоставления любви и коварства, добродетели и зла, добиваясь, таким образом, тенденциозности звучания идей и образов, то образ леди Мильфорд в этом смысле «пострадал» больше, чем какой-либо другой персонаж пьесы. Стремления режиссера оттенить об-

раз леди Мильфорд, привели его даже к некоторым текстуальным сокращениям роли, при этом за счет того, что могло бы как-то разнообразить оттенки характера этой героини.

Тамара Чавчавадзе вынуждена была идти по пути, указанному режиссером. Многие ей было не по душе, претило и все большее заставляло мучительно искать в своей героине не только олицетворения коварства, но и черты живого, по-своему страдающего существа. И там, где это удавалось, там образ Мильфорд обретал черты человечности, глубину психологического анализа. Например, в сценах поединка с Луизой, объяснения с Фердинандом, где Тамара Чавчавадзе старалась передать живой и тонкий процесс борьбы, страдания и сложные противоречия этой сильной и незаурядной личности.

Тамара Чавчавадзе — оптимистка по своей природе. Может быть, поэтому ее игру (даже в самых драматических ролях) всегда отличает высокая патетика чувств и никогда — обреченность.

Когда ей поручили роль Маргариты Готье в одноименной драме Ал. Дюма-сына, первое, о чем она подумала, — это о том, чтобы сыграть Маргариту сильной, мужественной, стойкой женщиной. Лейтмотивом своего исполнения актриса избрала страстное желание Маргариты быть счастливой и жить. Безумная жажда счастья, жизни, страстная тяга к веселью, ощущение радости бытия — таковы предпосылки в решении роли Маргариты, такова позиция актрисы Чавчавадзе в прочтении этого образа.

Казалось бы, странно такое толкование роли женщины, обреченной на несчастье и смерть... И вместе с тем в этом подходе «от противного» было что-то значительное, крупное, оригинальное.

Веселая, шумная, жизнерадостная появлялась на сцене Маргарита — Чавчавадзе и сразу приносила с собой это ощущение жизнелюбия. Злорадная, кокетливо-игривая, она уже здесь, в этой первой сцене сеяла настроение бодрого, приподнятого тона, который не покидал ее вплоть до самого конца, до последнего возгласа, обращенного к Арману: «Я буду жить!»

Быть может, в Маргарите — Чавчавадзе не было той очистительной силы целомудрия и женственности, которые характеризовали другую исполнительницу этой роли — Берико Анджапаридзе, но потенциальная тяга к жизнеутверждению, а отсюда и светлое, оптимистическое мироощущение дала образ Маргариты в исполнении Чавчавадзе необычайно созвучным оптимистической теме ее творчества, ее гуманистическому пафосу.

В 1922 году в Грузию приехал А. Сумбатшвили-Южин. Тамаре Чавчавадзе довелось прочесть ему стихи К. Бальмонта. Южину понравилось чтение стихов молодой актрисой, и он тогда же сказал, что в его «Измене» она непременно должна сыграть по порядку все три роли: Гаюэ, Рукаюю и

Зейнаб (первые две роли Тамаре Чавчавадзе так и не пришлось сыграть).

Играя Зейнаб, Тамара Чавчавадзе стремилась к воссозданию многогранного и в чем-то обобщающего образа — символа благородного материнства и высокого духа патриотизма. Но благие стремления актрисы порою оставались лишь стремлениями. Войдя уже в готовый спектакль, испытывая затруднения и сценическую неловкость в общении с уже сыгравшимися между собою актерами, Тамара Чавчавадзе с трудом преодолевала трудности на пути глубокого постижения психологически сложного образа Зейнаб. И тогда масштабность ее замысла оборачивалась голой патетикой, стремление к символу порождало схему. Образ Зейнаб, несмотря на внутреннее тяготение к ней актрисы, не получился до конца насыщенным глубокими переживаниями, актриса так и не сумела с ним понастоящему сжиться.

Тяга к раскрытию темы матери, поставленной в сложные перипетии своих личных и общественных чувств — уже не покидала Тамару Чавчавадзе.

Роль матери в драматической поэме И. Чавчавадзе «Мать и сын», казалось, была создана для Тамары Чавчавадзе. Все в этой роли свидетельствовало о ее насыщенности большими страстями, большими мыслями. Героиня поэмы была женщиной сильной, и вместе с тем страдающей. Актриса сочела мужественное горе матери и возвышенную тему ее гражданского пафоса. Мать — Чавчавадзе выходила победительницей в той борьбе, которая выпадала на ее долю в пьесе Чавчавадзе. Она побеждала горе, разлуку, даже смерть, и запечатлевалась в памяти очевидцев как величественное изваяние сурового и мужественного века, как вдохновенный символ прекрасного.

Победительницей в борьбе была и ее Кручинина. В Кручинину Тамару Чавчавадзе особенно привлекала ее духовная стойкость. И именно это старалась все время подчеркнуть актриса. В моменты самых сложных, самых мучительных переживаний, героиня Чавчавадзе не теряла своей горделивой, величественной осанки и все время держалась молодцом. Она была бодр, подтянута. Тамара Чавчавадзе иначе не могла, просто не умела. Она не могла и не умела «размягчаться» до мелодраматических интонаций, не обслазнялась и не смаковала слащавую чувствительность — ее Кручинина была волевой и сильной женщиной, бордом за свои права, за чувство, за то, чтобы быть и называться человеком.

С годами к человеку приходит зрелость. Зрелость несет мудрость. И то, что в юные годы облекалось в поток эмоций, страсти, темперамента, что захлестывало своей головокружительной одухотворенностью, с годами обретает какие-то новые формы выразительности, становится менее экспансив-

ным (хоть и не менее эмоциональным), более сосредоточенно степенным.

Тамара Чавчавадзе шла к этой степенности, не теряя своей возвышенной, патетической озаренности.

Сознание подсказывало актрисе поиски новых образов. И она переходит на роли пожилых героинь. Мать в поэме И. Чавчавадзе и Кручинина были в этом смысле «переходными» ролями. Они как бы прокладывали дорогу к этим героиням, одной из лучших среди которых в творческой биографии Чавчавадзе была Отарова вдова — героиня одноименной повести Ильи Чавчавадзе, повести, переделанной в инсценировку.

Среди образов матерей в мировой литературе образ Отаровой вдовы по праву занимает одно из самых выдающихся мест. Тамаре Чавчавадзе выпала честь быть интерпретатором этой роли на сцене театра имени Руставели.

Об образе Отаровой вдовы, созданной Тамарой Чавчавадзе, можно сказать — это была глыба. В ней было что-то грандиозное, значительное, монументально-величественное. Об этом говорил весь ее внешний вид — тяжелая, грузная походка человека-труженика, пристально-проницательный, порою даже строгий взгляд, сильное волевое лицо, обрамленное простым черным платком, лицо, несущее на себе печать страдания, за плечо перекинута тоха, под тяжестью которой не сгибается ее крепкая спина. И за всем этим — доброе, отзывчивое сердце человека, необходимого всем, несущего людям добро.

Огромной силы эмоционального воздействия достигала актриса в финальной сцене. Это было не просто оплакивание умершего сына. Это была патетика горя. Как реквием в музыке. Как звон колоколов в торжественный момент священнодействия. Чавчавадзе — актриса была здесь полностью в своей стихии.

С характером сильным, волевым, столкнулась Чавчавадзе в пьесе М. Горького «Васса Железнова».

К образу Вассы Чавчавадзе подходила и с позиций проблемы материнства. Ее волновали отношения Вассы к своим дочерям — Наталье и Людмиле, ее занимал вопрос о том, как смотрит Васса Железнова на возможность положиться на своих дочерей в смысле оставления им наследства, как глубоко страдает она от того, что дочери ее никак не могут оправдать ее корыстных, чисто собственнических надежд. И не случайно характер Вассы в исполнении Чавчавадзе с большой полнотой раскрылся в общении с дочерьми (здесь даже проступали немного жалостливые, смягчающие интонации ее чертовой натуры, здесь прорывалась так называемая скорбная тема Вассы), в общении с Прохором и Анной и меньше — в отношениях с Рашелью.

Да, сцена Васса — Рашель, эта решающая сцена в пьесе, не прозвучала с должной силой в спектакле театра. Здесь, в этой сцене не получил своего исчерпывающего

выражения глубокий конфликт столкновения двух жизненных философий, двух мировоззрений. Чавчавадзе не поднималась в сцене-поединке с Рашелью до больших социальных звучаний, до политических обобщений. В ней больше ощущалась оскорбленная и негодующая мать, свекровь, бабушка, нежели человек огромного «дела». И лишь в момент, когда поднявшись во весь рост, громовым голосом провозглашает она свое знаменитое «Это я—класс!», в ней вдруг просыпалась цепкость человека, который хватается за последнее, что ему осталось в жизни. И как подтверждение этой объективности, а вместе с ней и непрочности положения Вассы, Чавчавадзе подчеркивала ее физическую слабость. Васса — Чавчавадзе хваталась вдруг за сердце и медленно опускалась на стул. «Железная» Васса постепенно угасала...

Так, осмысливая сложный характер Вассы, Чавчавадзе приближалась к тому художественному образу, который создан был гениальной рукой Горького. Приближалась, но не достигла до конца, не исчерпала всех своих возможностей, хотя именно роль Вассы могла бы стать одной из лучших в ее творческой биографии. И как бы ни было трудно искать тому причины, одна из них, пожалуй, могла бы пролить свет на истину: Васса в пьесе Горького не была победительницей в борьбе. Она терпела поражение. Крах. Тамара Чавчавадзе любила играть победительниц. Ее лучшие героини побеждали на поле брани. Побеждали даже там, где им суждено было погибнуть.

Вскоре после Вассы Чавчавадзе сыграла Иокасту в «Царе Эдипе» Софокла.

Ее Иокаста не отличалась ослепительной и неотразимой красотой, не демонстрировала свою женскую силу и очарование. Но в ней была античная величавость и она потрясала зрителя силою трагического взлета, в особенности в те доли секунды, когда в ней пробуждалось вдруг материнское чувство. Среди других исполнительниц этой роли именно Чавчавадзе несла в своем исполнении тему Иокасты-матери. И пусть она, эта тема, в самом деле, возникла на какой-то один миг лишь в финале, она тем не менее была, присутствовала, и обойти ее для Чавчавадзе было просто невозможно. Актриса акцентировала этот миг, добываясь тем самым самого сложного в роли Иокасты. С какой трагической нежностью простирала она свои дрожащие, ставшие вдруг материнскими, руки к поверженному у ее ног Эдипу! Какая сила была в этих, вдруг постаревших и таких беспомощно обвисших руках. Со сцены уходил разгромленный человек, в котором мать побеждала женщину, и это Тамара Чавчавадзе доносила с потрясающей силой. Но в этой разгромленности Иокасты—Чавчавадзе было и ее величие, ее победа. Она уходила на смерть, торжествуя так же, как Эдип, свою этическую, моральную победу.

Прошло несколько лет. Чавчавадзе сыграла еще одну мать—Санату в «Бахтри-

они» В. Пшавела. Любовь к погибшим сыновьям и любовь к родине сливались в этом образе воедино и воспроизводили идеи высокого патриотизма, гуманизма и героики. Казалось, все было в этой роли создано для актерских возможностей Чавчавадзе. И патетика. И возвышенное чувство патриотизма и героического начала. Не было лишь одного — развития, действия. Выход Санаты был началом спектакля, и появление ее сразу должно было вводить зрителя в атмосферу накаленности чувств. Она начинала свой монолог на мощном подъеме темперамента. И это порою толкало актрису на высшую выпренность тона, на голый темперамент, на темперамент вообще. Саната — Чавчавадзе была в целом в ритме и стиле всего спектакля, не выпадала из его общего ансамбля, однако сам по себе образ этот не был глубоко прожит актрисой (пусть даже по причинам, от нее не зависящим), хотя и нес в себе высокие позитивные идеи, идеи жизнеутверждения.

Да, в своих ролях Чавчавадзе всегда стремилась к этому жизнеутверждению, к мощным, патетическим звучаниям, к бодрости, приподнятости тона. Всегда, даже в трагедии. Неудивительно, что при такой внутренней потенции и тяге к утверждению позитивного начала Тамара Чавчавадзе любила играть в комедиях. Комедийный жанр всегда привлекал ее пристальное внимание, и комедии она отдала часть своего сердца. И если понимать комедию как жанр, тяготеющий не просто к смеху и смешному, а прежде всего к бурному жизнелюбию и оптимизму, то можно смело говорить о безудержном жизнелюбии и оптимизме в творчестве Чавчавадзе, качествах, нашедших, кстати сказать, свое блестящее проявление в ее первой и, пожалуй, самой выдающейся роли — в такой сугубо драматической роли, как роль Лауренсии. Здесь, подбоясь, в яркой испанской шали, сверкающая серьями и огненными глазами, Чавчавадзе поражала зрителя своим задорным темпераментом, подвижностью, которым могла бы позавидовать любая комедийная, характерная актриса.

Задор Лауренсии пронесла Чавчавадзе через всю свою жизнь. В молодые годы сыграла она роль Пегги-Майк в «Герое» Д. Синга, наделив ее сочным, неподдельным ощущением жизни. Сыграла бойкую мисс Пэдж в «Виндзорских проказницах» Шекспира. В обеих этих ролях бурлил ее неумеренный темперамент, ее безудержная тяга к светлому, торжествующе-звонкому веселью, к буйной радости. А вслед за ними — Матренка, простая украинская девушка в комедии М. Кулеша «Коммуна в степи». Роль — балагурки, роль — заводиловки. Матрена в спектакле плясала, резвилась, ей словно было всего мало и она не знала, куда девать свою неисчерпаемую энергию и веселость...

Тамаре Чавчавадзе всегда была чужда будничность в комедии. Она любила иг-

рать комедийные роли с размахом, с озорством и бесшабашностью. Так же как в своих трагических и драматических ролях, она искала в комедии укрупнения эмоций. В ней не было воздушности и изящной грациозности, ее комизм при всей его задорной легкости был каким-то сочным, весомым, вполне земным. И это здоровое, земное начало сопутствовало Чавчавадзе всегда.

Так сыграла она одну из лучших своих ролей — роль мадам Сан-Жен в одноименной комедии В. Сарду и Моро. Образ мадам Сан-Жен — Катрин Жефевр был особенно по душе Чавчавадзе. Актрисе пленяла в ее героине прямота, честность, бескорыстие, смекалка, и именно эти качества она старалась выжить в ней. Катрин — Чавчавадзе была настоящей женщиной из народа. Озорство, бойкость, народная мудрость были ее природой, и в облике герцогиня Сан-Жен они обрели какое-то неповторимое очарование.

Тамара Чавчавадзе лепила образ выпукло, размашисто. Ее с головой захлестывал разворот событий, и она упивалась невероятными происшествиями, которыми изобилует судьба прачки Катрин, превратившейся в герцогиню.

В образе, созданном Чавчавадзе, сочеталась статность герцогини и бойкость прачки. Катрин — мадам Сан-Жен в ее исполнении была величественна и груба в одно и то же время, изысканно-величава и по-простецки неуклюжа. Она носила роскошное богатое платье, которое, как крендель, обвизало ее стройную фигуру, а веером расплесканный на полу шлейф придавал ей горделивое обличье. Она любила держать руку на бедре, подбоченясь, и весь ее дерзко-вызывающий вид как бы говорил: «А ну попробуйте, постыжайтесь-ка со мной, я — непобедима!..» Ей ничего не стоило подобрать упавшее с подноса на пол печенье и, положив его снова на поднос, как ни в чем не бывало подать сестрам императора. Она могла степенно и чинно вытанцовывать изящные па на уроке танцев, а потом вдруг решительным взмахом руки подбрав шлейф своего платья и перекинув его на плечо, резко бросить присутствующим: «Ну, а теперь к императору... и засагать прочь грузным и твердыми шагами. И уход этот становился забываем. В нем была квинтэссенция всего образа, его зерно.

«Люблю играть комедию, в ней отдыхаешь от драматических переживаний», — го-

ворит Тамара Чавчавадзе. И в самом деле, создав такой глубоко драматический образ, как образ Маргариты Готье, или почти трагедийный образ матери в драматической поэме И. Чавчавадзе «Мать и сын», Тамара Чавчавадзе сыграла вскоре вслед за ними Диану в комедии Лопе де Вега «Дура для других, умная для себя».

Диана — Чавчавадзе была удивительно задириста. В ней ощущалось что-то дерзновенное и вызывающе-притягательное. Она была хитра и ловка, весела и неотразима. И чувствовалось все время, что сама актриса питает к Диане какую-то нежно-уловительную симпатию. Быть может, горячий южный темперамент Дианы каким-то отдаленным концом напоминал Чавчавадзе о той, другой беспокойной девушке из местечка Фуэнте Овехуна, рука об руку с которой она пережила так много радостных, светлых творческих мгновений еще на заре своей творческой жизни.

Диана была для Тамары Чавчавадзе одушиной. Актриса уверждала в ней еще и еще раз свое здоровое, глубоко оптимистическое отношение к жизни, любовь ко всему светлому, радостному, озорному. Диана возвращала ей молодость, будоражила ее темперамент. Может быть, поэтому роль Дианы была одной из любимых ролей актрисы.

Многое сделала Тамара Чавчавадзе для грузинского театра, но многое осталось неосуществленным. Всю жизнь мечтала она о Мееде, Электре, Клеопатре, Федре, Орлеанской Деве, Марии Стюарт, Настасье Филипповне, Катарине и Катерине. Мечтала, но так и не сыграла их. И сейчас, на склоне лет, она грустит об этих пробелах в своей творческой биографии, сознавая, что пополнить их ей уже не удастся. Но что бы там ни было, о Тамаре Чавчавадзе мы можем сказать; «Если б она ничего не создала кроме своей Лауренсии — этого было бы достаточно, чтобы увековечить себя в истории грузинского театра».

Имя Тамары Чавчавадзе дорого каждому грузину, каждому, кто почитает искусство театра. Ее любят за то, что в своем лице она сумела воплотить лучшие черты актера революционной современности и немало потрудились для утверждения национального лица грузинского советского театра — театра больших страстей, героико-романтических порывов, современного мироощущения и яркой красочной формы.

Леонид ВОЛЫНСКИЙ

Размышления на выставке

Еще совсем недавно трудно было вообразить художественную выставку, где рядом с картинами или гравюрами представлены кувшины, блюда, ожерелья или даже броши для женских платьев. Теперь сама жизнь настойчиво ломает перегородки, воздвигнутые между искусствами. Никто не удивляется, увидев на грузинской художественной выставке в Киеве среди пейзажей, портретов или скульптур декоративную керамическую тарелку, сосуд для вина или отличную чеканку по металлу. Более того, насколько я заметил, посетители этой выставки с особенным интересом вглядываются в те экспонаты, которые, выражаясь языком специальным, относятся к области так называемого прикладного искусства.

Я думаю, такой интерес не случаен, он отражает назревшее в людях стремление сблизить искусство с повседневной жизнью. Появление все более обширных отделов декоративно-прикладного искусства на художественных выставках — примета, на мой взгляд, очень отрадная прежде всего потому, что искусство, если оно действительно хочет жить одной жизнью с обществом, не может признавать разделения на высокие или низкие жанры. Такое разделение — продукт рыночных, буржуазно-торгашеских отношений, оно не должно быть свойственно нашему общественному строю.

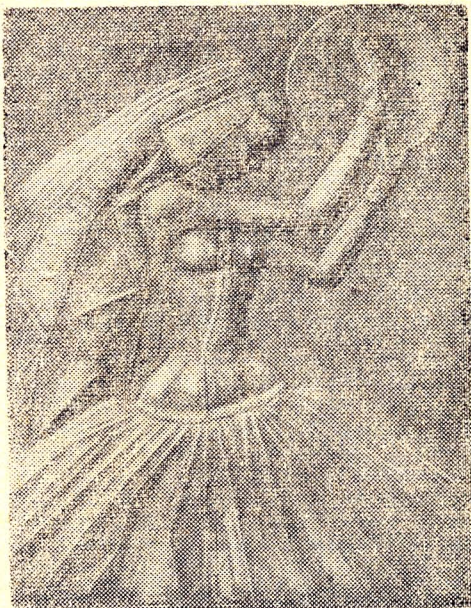
Искусство неделимо — эта простая истина со всей очевидностью подтверждается теми периодами расцвета искусства, когда высокий художественный уровень был присущ не только крупным произведениям живописи, скульптуры или же архитектуры, но и предметам повседневного обихода, теперь занявшим место в музее, а в свое время составлявшим неотъемлемую часть быта.

Если говорить о формировании общественного вкуса, о развитии понимания что такое хорошо и что такое плохо, обо всем том, что называют эстетическим воспитанием, то здесь роль декоративно-прикладного искусства особенно значительна. Формирование мещанского вкуса начинается с пустяков, с пошлой безделушки, с какой-нибудь размалеванной гипсовой кошечки или семи слонят на этажерке, а заканчивается трудно изле-

мой, а подчас и вовсе неизлечимой эстетической неграмотностью, неспособностью верно воспринимать произведение истинного искусства. Трудно переоценить ущерб, наносимый духовному миру человека безграмотностью такого рода.

Если я начал с размышлений о значении декоративно-прикладного искусства, то это произошло не только потому, что мне хотелось высказать несколько общих соображений, но еще и от того, что декоративно-прикладное искусство Грузии произвело на меня особенно глубокое впечатление. Мне кажется, что именно в этом наиболее полно и очевидно выразились сильные стороны грузинского искусства, именно здесь отчетливо видны истоки его своеобразия.

Однажды я говорил о том, что пластика художников Грузии представляется мне тесно связанной со стихией грузинского национального танца. Сдержанность, грация, предельная отточенность движений, плавность и, я бы сказал, чеканная четкость рисунка — вот качества, роднящие грузинский танец с гру-

Ир. ОЧИАУРИ. Девушка с дайрой

зинским изобразительным искусством. И здесь нет ничего удивительного, потому что искусство начинается с ритма, пластического движения, каким является танец: танцы в глубинной сущности своей чрезвычайно близки к изобразительному искусству, также призванному без слов выражать мысли, чувства, характер народа. Все это особенно отчетливо чувствуешь, глядя на великолепные образцы чеканки по металлу, представленные на выставке.

Искусство художественной обработки металла давлением и чеканкой, так называемая тореvтика, имеет в Грузии очень давнюю традицию. Мне приходилось видеть в Музее искусств Грузии достойные восхищения работы мастеров IX—XI веков нашей эры: драгоценные, сверкающие золотом, многоцветной эмалью, отливающие тусклым старым серебром оклады икон, алтарные кресты из древних грузинских церквей.

Однако должен признаться, что работы моих современников, работы сегодняшние нравятся мне куда больше. Впрочем нравятся — не то слово: они созвучны моим сегодняшним взглядам и чувствам, они находят больший отклик в моей душе, они мне дороже, хотя сегодня грузинские художники-чеканщики не пользуются ни золотом, ни драгоценными камнями, ни эмалью. И даже серебро я встретил, кажется, лишь однажды среди чеканных работ на выставке. Медь червонная, темная с прозеленью, а иногда просто вороненная или окисленная дотемна жечь — вот и все. Но поглядите, что может извлечь художник из такого простого материала! Ни одного неточного удара чекана, сочетание гладкой поверхности с зернистым рельефом, тонкая градация оттенков искусно обработанного металла — то рыжеvато-золотистого, то отливающего зеленой, красной, черной... Но самое главное — поэзия человечности, которой насыщена каждая из этих работ — будь то «Золотая осень» в образе девушки с приколтой к волосам гроздью спелого винограда, или матово-серебряная «Кольбельная» и «Портрет хевсурки», в котором с таким тонким вкусом соединена глянцевозернистая поверхность металла с потемневшей суховзвняющей деревянной доской.

Чеканка — трудное мастерство, она не терпит приближительности; недаром слово чеканный стало синонимом безошибочности, ясности, отчетливости, рельефности сплыва. Именно эти качества свойственны работам Очаури, Габашивили, Гурули, Кипшидзе. Такими вещами не устанешь любоваться. Я бы охотно повесил любую из них над своим рабочим столом, как впрочем и многие другие посетители выставки. К сожалению, охотников нашлось бы куда больше, чем подобных вещей. Остается по-

Д. КИПШИДЗЕ. Портрет девушки

желать, чтобы такие работы появлялись не только в выставочных залах.

Хотелось бы сказать несколько слов и о грузинской керамике. Я видел, как рождаются такие вещи из легких и звонких глин Кахетии, Имеретии, как они возникают на гончарном круге под руками грузинских художников-керамистов.

В керамической мастерской Академии художеств в Тбилиси я познакомился с молчаливой молодой Еленой Почхидзе и храню подаренный ею хевсурский кувшинчик. Я рад был увидеть ее работы на выставке в Киеве, среди керамических кувшинчиков, блюдов, тарелок, ожерелий и хитроумных сосудов для вина, из которых запросто не напьешься. Когда хотят позабыться на каком-нибудь праздничном пиршестве — нальют в такой сосуд вина, поднесут новичку, а дальше все происходит соответственно пословице: «По усам текло, а в рот не попало». Но это шутка, необходимая забава для всеобщего веселья. Грузинское гостеприимство известно всем, и на выставке имеется достаточно кувшинов, сосудов для вина, из которых нетрудно отведать без подвоха, и достаточно блюдов и тарелок, чтобы вкушать понемногу от всех даров щедрой Грузии. Но главное — все эти кувшины, малые и большие, все эти причудливые сосуды, все эти блюда, тарелки тепло-коричневые, зеленоватые, матово-черные или поблескивающие радужными затеками поливы, все, что выходит из-под умелых рук грузинских художников-керамистов, все это отмечено редкостным благородством форм, печатью естественного, я бы сказал, природного вкуса. Мне кажется, здесь, как и в чеканке по металлу, очень отчетливо чувствуется древность грузинской культуры, опыт и преемственность многих поколений. И в то же время эти вещи, анлично-ясные, простые, строгие по форме, поразительно современны.

Может быть, именно в этом, в особом умении сочетать культурные традиции народа с ясным чувством современности и кроется главное достоинство грузинского декоративно-прикладного искусства. И может быть, именно эти свойства грузинской народной керамики и подсказали живописцу Чанкветадзе тему его «Натюрморта с тигром», где сгруппированы на редкость красивые по очертаниям и цвету керамические кувшины, повторяющиеся в колхозном натюрморте на фоне холмистых возделанных полей. Мне пришла по душе живопись Чанкветадзе — свежая и молодая, хотя автор не так уж молод. Мне нравится эта живопись прежде всего потому, что она вырастает из родной почвы. Это грузинская живопись, ее не спутаешь ни с какой другой. Грузинская не только по тематике, по предмету изображения, но и по своему духу.

Не знаю, как лучше пояснить. Живописцы выражают свои мысли и чувства красками. Слова большей частью бывают бессильны передать, о чем рассказала кисть, иначе, собственно, и быть не должно: «Если достаточно слов, то зачем же краски», — сказал однажды замечательный живописец Винсент Ван Гог. Каждое искусство обращается к людям на своем языке, и если я пытаюсь сейчас рассказать словами о картинах Чанкветадзе, то лишь потому, что очень хотелось бы поделиться радостью, которую доставила мне эта живопись, простая и ясная, с ее сдержанными гармоничными тонами: зелеными, охристо-желтыми, синими, лиловыми.

Вероятно, не каждый из посетителей выставки мог бы уверенно ответить, что такое колорит живописи, но я убежден, что очень многим случалось произносить: веселые краски, мрачные краски. А ведь это в сущности и есть основа живописного колорита.

Да, верно, краски могут быть веселыми и мрачными, звонкими, нежными, дерзкими, их бесчисленные сочетания и помогают художнику выразить, передать свои чувства. О красках Чанкветадзе хотелось бы сказать: мужественные, бодрые. И очень национальные — грузинские.

Кто хоть раз бывал в Грузии и видел свежую зелень ее долин, ее ржаво-золотистые холмы и синие вершины, на которых покойно лежат седые облака, без труда почувствует особенности колорита грузинских живописцев, поймет их любовь к сочетаниям горячих и прохладных, золотисто-коричневых и лилово-синих тонов.

Такими чисто грузинскими аккордами звучат многие из картин одной из старейших художниц Грузии — Елены Ахвледиани. Ее живопись также глубоко национальна, хотя и не похожа вовсе на живопись Чанкветадзе. Там спокойная

уравновешенность. Здесь быстрый нервный бег кисти, подвижный штрих, текучий свет. Что ж, сколько художников, столько и характеров! В этом ведь и сила искусства. Живопись мало чего стоила бы, если б художники походили друг на друга, как близнецы. Искусство, как и сама природа, не терпит одинаковости и, может быть, одной из наиболее привлекательных особенностей грузинской выставки является ее разнообразие.

Конечно, в этом большом хоре не все голоса звучат одинаково сильно и чисто, но дух творческого соревнования ощущаешь довольно определенно. Без свободного состязания индивидуальностей, без неустанных поисков, без движения вперед искусство не может существовать. Любая остановка, даже на высокой точке подъема, равнозначна отступлению.

Настоящий художник движется вместе со временем. О таком движении я думал, глядя на холсты Елены Ахвледиани, на ее давнюю серо-коричневую картину «Уходящий Тбилиси», написанную около 40 лет назад, и на свежий, недавно написанный пейзаж «Джвари», с знаменитым памятником древней архитектуры, как бы купающимся в прозрачной синеве среди застывших каменными волнами гор.

Каждое поколение видит по-своему. Молодые грузинские живописцы смело отстаивают свое новое видение мира. Многие их полотна отражают свойственное современности стремление к лаконизму, немногословию, простоте форм, к поэзии чистого ясного цвета.

Я с удовольствием смотрел такие холсты, как «Девушка» работы Туркия, с его тонкими соотношениями светло-лиловых и тепло-желтых тонов, или такие, как «Горы Грузии» работы Хундадзе, — очень сочно написанный пейзаж, построенный на контрастах густых, горячих и прохладных красок.

Мне было приятно видеть работы молодых рядом с многочисленными холстами мастеров старшего поколения, рядом с картинами таких живописцев, как народная художница Магалашвили. Это проницательная и умелая портретистка, в ее работах заметно серьезное влияние замечательного русского живописца Валентина Александровича Серова.

Мне было приятно встретить на выставке пейзажи Василия Ивановича Шухаева, крупного мастера, одного из старейших наших живописцев, посвятивших свое творчество Грузии.

Снова, как и в музее в Тбилиси, я стоял перед картинами безвременно умершего Какабадзе. Это был щедро одаренный, иницирующий мастер. Его пейзажи, своеобразные, похожие на мозаику, хранят в себе отблески яркой индивидуальности.

Снова, как два года назад в Тбилиси,

я восхищался смелой красочностью Нателы Янкошвили, мужественным, энергичным полетом ее кисти, ее нетерпеливым, подвижным, «говорящим» мазком.

И снова вспомнились мне слова Винсента Ван-Гога, сравнившего однажды мазок художника с волнами, гонимыми ветром, или звуками, образующими слово. Нельзя научиться свободно читать язык живописи, не научившись читать эти звуки. Нельзя по-настоящему понять и полюбить искусство, не поняв и не полюбив его первооснову, его язык. Эта простая истина особенно очевидна в применении к литературе.

В самом деле, можем ли мы отделить свою любовь к Тургеневу и Гоголю от любви к особенностям их речи, их языка? Однако к произведениям живописи мы нередко подходим лишь со стороны сюжетного содержания, не воспринимая с достаточной полнотой те средства, которыми содержание выражено. Насколько же полней становится восприятие живописи, когда научишься свободно читать ее язык! Эту разницу восприятия я уподобил бы той разнице, с которой, скажем, воспринимает «Сказку о царе Салтане» ребенок и взрослый. В первом случае воздействует одно лишь сюжетное содержание, во втором же — сила воздействия неизмеримо обогащается тем осознанным наслаждением, которое несет вам пушкинский стих, его чеканные строфы, музыка его ритма.

В живописи надо любить не только душу, но и плоть. И я должен сказать, что получил немало добавочных впечатлений, взглядываясь в шероховатую матовую поверхность картин Чанкветадзе, любясь энергичным полетом кисти Нателы Янкошвили, прозрачным, мерцающим мазком Самхарадзе, чей «Портрет девушки» очень понравился мне.

Но перейдем к скульптуре. Мне уже приходилось высказывать мнение, что в каждом грузинском живописце дремлет хороший скульптор и что это понятно, так и должно быть в горной стране, где сама природа — скульптор и где камень — повседневный подручный материал.

Работы грузинских скульпторов, представленные на выставке, утвердили меня в этом мнении.

Грузинской скульптуре в высокой степени присущи свойства, отличающие грузинскую чеканку, керамику. Особенно хочется выделить безукоризненное чувство материала. Среди представленных на выставку скульптур, я отмечаю это с удовольствием, очень мало гипсовых. Грузия дает своим ваятелям куда более достойные долговечные материалы. И надо сказать, что грузинские скульпторы знают, как с этими материалами обращаться, что можно из них извлечь.

Думаю, что каждый, кто посетил выставку, имел возможность увидеть, как

красиво звучит прозелень на темной бронзе, как оживает под резцом доснающееся дерево, как сурово и мужественно выглядит скульптура из черного шероховатого туфа и как излучает солнечное тепло золотистый болнисский туф, одно из сокровищ Грузии.

Э. АМАШУКЕЛИ. Фрагмент памятника Горгасала

Хороших скульптур на выставке немало: работы Ониани, Амашукели, Асатиани, Кипиани — преимущественно скульптурные портреты, очень разные, — объединены тем чувством пластической целостности, которое присуще современной грузинской школе скульптуры, основанной таким блистательным ваятелем, каким был Яков Николадзе.

Но есть одно соображение, выходящее за рамки частных оценок, и я хотел бы поделиться им, поскольку оно касается не только грузинской скульптуры.

Кроме отлитых из бронзы или высеченных из камня погрудных портретов или голов, есть на выставке несколько небольших изваяний в полный рост: «Геодезистка» Гурули, «Первое поражение новичка» Баланишвили, «Пастух» Табатадзе. Глядя на эти работы, очень, на мой взгляд, хорошие, я не мог не задуматься над целью, ради которой они создавались. Для комнатной статуэтки, надо сказать, эти скульптуры, великоваты, а для площади, улицы, парка — чересчур малы. Между тем, бросается в глаза их истинная монументальность, великодушное презрение к излишним подробностям, античная простота форм. Короче, все, что должно быть присуще монументальной скульптуре, здесь налицо. И вот поневоле задумываешься, где же место этим изваяниям? Великий Ми-

келанджело поставил своего «Давида» на площади перед флорентийской синьорией, то есть, говоря по-современному, перед городским советом, и вряд ли обрадовался бы, узнав, что когда-либо, после его смерти, статую перетащат в здание Академии, оставив на площади копию. Монументальная скульптура рождена не для выставочных или музейных залов, а для вольной жизни под открытым небом, на площади, улице, в парке.

Я уверен, что те материальные и духовные ресурсы, которые затрачиваются на оснащение периодических выставок с большим количеством скульптур, были бы израсходованы куда более разумно, если бы талант и труд наших скульпторов был шире приложен к украшению городов.

Попутно хотелось бы упомянуть и о монументальной живописи. Особенности грузинского искусства, склонность многих грузинских художников к лаконизму, к обобщенной форме, их любовь к ясным ритмам и певучим линиям — все это говорит о благодатной почве для развития монументального искусства, и надо надеяться, со временем живописцы Грузии, как и других республик, также получат возможность шире приложить свой талант в области фресковых росписей, монументальной мозаики. Это, пожалуй, один из наиболее действенных путей для сближения искусства с повседневной жизнью общества.

Как я уже отмечал, выставка грузинского изобразительного искусства обширна и разнообразна, и я погрешил бы

против истины, если бы, отмечая ее многочисленные достоинства, умолчал о некоторых ее недостатках. Работы, представленные на выставке, охватывают довольно большой период времени. Вполне понятно, что в известной мере тут отразились и прошлые, пережитые нашим искусством болезни и недомогания. Теперь мы можем сказать, что период многометровых и многофигурных полотен ушел в прошлое, но отзвук минувшего еще слышится в таких конфетно-сладковых холстах, как «Сенокос» Чиринашвили, в таких натуралистических полотнах, как «На работу» Гиголашвили. Нет надобности говорить, насколько эта фотографическая, бескрылая, тусклая по мысли и форме живопись чужда лучшим традициям грузинского искусства.

К сожалению, выставка почти не дала материала для сколько-нибудь серьезного разговора о графике. Этот отдел необычайно скуден, а между тем грузинские рисовальщики — очень сильные мастера, и я надеюсь, что мы еще будем иметь возможность познакомиться с ними ближе и основательнее.

Обмен художественными выставками — дело весьма полезное. Искусство сближает людей, помогает лучше понять друг друга. Это одно из ценнейших богатств, оно создано именно для того, чтобы делиться с другими. И мне хочется поблагодарить от своего, и я уверен, от имени многих посетителей, художников Грузии за предоставленную возможность познакомиться с их талантливым жизнелюбивым творчеством.

Яков БЕРИДЗЕ

Беседы на грузинском языке

Путешествуя не так давно по Чехословакии, я беседовал в Праге с тремя известными чешскими литературоведами, и все три беседы протекали на грузинском языке. Причем каждый раз на этом настаивали сами собеседники...

* * *

Хансполка — так называется один из самых тихих и красивых районов Праги. Здесь, в одном из уютных домов живет профессор Карловского университета Яромир Едличка. Едва переступив порог его дома, я оказался в роли интервьюируемого. Яро-

мир Яромирович интересовался многим: своими многочисленными друзьями из Грузии и новинками грузинской литературы, новостройками Тбилиси и его театральными постановками. И лишь когда, как мне показалось, вполне понятное любопытство Едлички было удовлетворено, я решился «перейти к делу».

На стол ложатся красочно оформленные книги грузинских авторов, переведенные чехословацким ученым. Вот бессмертный «Витязь в тигровой шкуре», одна из первых работ Яромира Едлички. «Грузинские народные сказки», изданные в Праге в

1949 году. На обложках книг я читаю дальше — «Гвади Бигва» Лео Киачели, «Карталинский сад» Георгия Леонидзе, «Сборник грузинских рассказов», в который вошли «Сурамская крепость» Даниэла Чонкадзе, «Ваши Ачуки» Акакия Церетели, «Человек ли он?» и «У виселицы» Ильи Чавчавадзе, «Хевисбери Гоча» Александра Казбеги. А в 1963 году была издана поэма Давида Гурамишвили «Веселое лето». Переводу этого произведения присуждена премия Союза чехословацко-советской дружбы.

Яромир Яромирович охотно рассказывает мне и о своих научных трудах по структуре, грамматике и морфологии грузинского языка. Их у него более десяти.

Не так давно Я. Едличка закончил работу, которая, безусловно, еще более укрепит дружеские и культурные связи чешского и грузинского народов. Это «Учебник по изучению чешского языка для студентов грузинского вуза». Скоро он будет издан в Тбилиси, и тогда наша молодежь, проявляющая все больший интерес к жизни Чехословакии, получит возможность ознакомиться в подлинниках с работами чешских и словацких писателей, деятелей науки и культуры.

На письменном столе Яромира Едлички мое внимание привлекли аккуратно разложенные листки бумаги. На них были выведены имена героев различных произведений грузинских авторов, названия книг, фамилии поэтов и писателей нашей республики.

— Это статьи для будущего лексикона мировой литературы, — пояснил ученый. — Он выйдет в 1965 году на немецком языке. В нем будет до 80 статей и о грузинской литературе. Часть из них я уже подготовил.

Яромир Яромирович читает мне названия статей: «Амиран Дареджаниани», «Алуда Кетелаури», «Арсенас лекси», «Арчилиани», «Арсена Марабдели», «Беги Картлиса», «Бахтриони», «Давид Агмашенебели», «Дидостати марджвена», «Джакос хизнеби», «Элгуджа», «Этериани»...

Одновременно Яромир Едличка работает над «Историей грузинской литературы», в которой наш чешский друг намеревается рассказать о «жемчужинах одной из древних литератур мира». Книга эта будет издана в 1965 году в Висбадене.

Увлечись, мы незаметно коснулись вопроса о литературных вкусах. И я, воспользовавшись случаем, спрашиваю у Я. Едлички, произведения каких грузинских поэтов и писателей больше всего нравятся ему.

— Если я выражу свой восторг «Витязем в тигровой шкуре», буду, пожалуй, не слишком оригинален, — улыбается Яромир Яромирович. — Шота Руставели любят во всем мире. А после него все свои симпатии я отдаю поэзии Бесики и Давида Гурамишвили.

Когда Я. Едличке во время беседы приходилось задумываться, чтобы подыскать подходящее грузинское слово, я просил его высказать свою мысль на русском или чеш-

ском языке. Но он категорически отказывался.

— Что вы, — возражал Яромир Яромирович, — представилась такая возможность поговорить по-грузински, и вы хотите лишить меня этого удовольствия?

Handwritten text in Georgian script, likely a list of names or titles mentioned in the text.

На прощание Я. Едличка попросил у меня блокнот и записал в нем на грузинском языке: «Через журнал «Литературная Грузия» шлю привет моим грузинским друзьям. Яромир Едличка». Яромир Яромирович имел в виду, в первую очередь, академиков Георгия Леонидзе, Георгия Ахвледиани, Александра Барамидзе, председателя Грузинского отделения общества дружбы «СССР-Чехословакия» Д. Лордкипанидзе и других.

* * *

Переводами грузинских произведений в Чехословакии занимается не только Яромир Едличка. По его инициативе в Праге создана солидная школа грузинологов, которая ведет большую и полезную работу по сближению двух литератур. Одним из видных представителей этой школы является Вацлав Черны.

Наше знакомство состоялось несколько необычно. Мы, члены грузинской молодежной делегации, отдыхали в отеле, когда дежурная по этажу попросила меня к телефону. Я подошел к аппарату и, к своему изумлению, услышал в трубке грузинскую речь:

— Мне передали, что вы хотите встретиться со мной, я к вашим услугам.

Это был Вацлав Черны. Через несколько часов мы встретились. Он рассказал о своей работе, в которой на последнее место занимают переводы. Первый из них вышел в свет четыре года назад. Это был сборник стихов Ильи Чавчавадзе. Теперь же Черны перевел рассказ молодого грузинского писателя Тамаза Чиладзе «Прогулка на пони».

* * *

Мое пребывание в Чехословакии совпало с поездкой в Грузию Иво Вацулина, редак-

тора издательства «Свет совету», которое наряду с другими книгами выпускает произведения грузинских писателей и поэтов. И все же перед самым отъездом из Праги мне удалось встретиться с Вацулиным. Он был «переполнен до краев впечатлениями» о Грузии, рассказал и о двух своих солидных работах, и о планах издательства.

Тем, что он занялся изучением грузинского языка, Вацулин также обязан Яромиру Едличке. Сейчас он увлечен работой над переводом «Десницы великого мастера» Константина Гамсахурдиа. До этого, в 1962 году Вацулин перевел и издал «Мудрость вымысла» Сулхан-Саба Орбелиани.

В ближайшее время в издательстве «Свет совету» выйдет «Антология грузинской поэзии XX века». Будут изданы также рассказы писателей Грузии на современные темы, сборник молодых грузинских поэтов, рассказы Нико Лордкипанидзе. В новой редакции выйдет перевод «Белого воротника» Михаила Джавахишвили.

* * *

Пожалуй, все эти три интервью и не стоялись бы, если бы на помощь мне не пришел Алексей Сватош, чрезвычайно симпатичный и задушевный человек, пражский гидротехник, который оказался прекрасным проводником и приятнейшим собеседником. Он работает в одном из строительных трестов Праги, где возглавляет техническое отделение.

Старое поколение тбилисцев хорошо помнит отца Алексея — Ярослава Сватоша. Он приехал в Грузию вместе с группой чешских деятелей науки и культуры и провел в Тбилиси около 30 лет своей общественно-политической деятельности. Ярослав Сватош был в разное время директором Тбилисской 1-й женской гимназии и коммерческого училища, в которых преподавал русский язык, историю, логику и психологию. Он с большой любовью и уважением относился к грузинской культуре, всячески старался сохранить чистоту национального языка и литературы. Сватош вместе с местной передовой интеллигенцией горячо приветствовал установление Советской власти в Грузии. В 1921 году он был назначен

консулом Чехословакии в нашей республике.

Активную педагогическую деятельность вела в Грузии и мать Алексея — Тереза Эмильевна Сватош. Она родилась в Тбилиси и после получения высшего образования начала преподавать математику и физику в женской гимназии.

Терезе Эмильевне сейчас 82 года. Она помнит еще некоторые грузинские слова и выражения, любит рассказывать о годах жизни в Тбилиси, о своих тбилисских знакомых и воспитанниках.

Любовь к Грузии в семье Сватошей я почувствовал и тогда, когда увидел в руках у Индры, супруги Алексея, «Самоучитель грузинского языка».

— Недавно сбылась моя мечта, — сказала мне Индра, — я побывала в вашем древнем и самобытном городе. Многие успела повидать и полюбить, а теперь решила все-таки заняться изучением грузинского языка, чтобы в следующий приезд говорить в Тбилиси только по-грузински.

В 1963 году в Грузии побывал и Алексей Сватош. Память детства — он жил в нашем городе до 9-летнего возраста — оставила в нем глубокий след. Гуляя по новому и старому Тбилиси, он вспоминал и находил места, связанные с детскими годами. У Алексея сохранилась богатая коллекция фотографий и документов, связанных с Грузией. Он показывал мне виды различных уголков Тбилиси, которые украсили бы наши исторические музеи. Они изданы в начале этого века в Стокгольме и Праге. У Сватоша хранятся рукописи известного чешского преподавателя гимнастики Антона Лукеша, в которых повествуется о его плодотворной деятельности в Грузии. В его же библиотеке я нашел два номера журнала гимнастического общества Грузии «Наш Сокол», издаваемого в Тбилиси, множество статей о нашей республике. Алексей бережно хранит и воспоминания отца об экономической и культурной жизни Грузии. Преждевременная смерть помешала Ярославу Сватошу издать свой труд. Теперь его сын Алексей собирается систематизировать все имеющиеся у него материалы и издать их отдельной книгой.

Подписано к печати 10 марта 1965 г. 6 печ. листов. Формат бумаги 70 × 108 мм.

Заказ № 337

Тираж 2300

УД 03638

Цена 40 коп.

ქურონალი „ლიტერატურნობა გრუზია“ (რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина 14.

Г. ГАБАШВИЛИ

Хевсурка

Б 80/93

ИНДЕКС
76117

Цена 40 коп.